

**Отчет об окончательных результатах
международного исследовательского
проекта ELDIA (European Language
Diversity for All)
на русском языке**

Сокращенная версия оригинального англоязычного
отчета, написанного *Йоханной Лааксо, Аннели Сархимаа,
Сией Спилиопулу-Окермарк и Рееттой Тойванен*

**e
l
d
i
a**

european language
diversity for all

Содержание

Содержание	2
Таблицы и рисунки	5
Предисловие	6
1 Введение	7
1.1 Многоязычие в Европе	7
1.2 Почему ELDIA?	7
1.3 Задачи и методы ELDIA: краткий обзор	8
1.4 Выбор языков, исследованных ELDIA	10
1.4.1 Финно-угорский подход к европейскому многоязычию	10
1.4.2 Типы меньшинств и многоязычных сообществ	11
2 Предыстория ELDIA: направления исследований языкового разнообразия	13
2.1 ELDIA как междисциплинарное предприятие	13
2.2 Барометр жизнеспособности европейских языков и проект его создания	13
2.3 Основные понятия: <i>Потенциал, Возможности и Желание</i>	14
2.3.1 Предшествующее использование основных концепций	14
2.3.2 Ключевые понятия <i>Потенциал, Возможности и Желание</i> в проекте ELDIA	15
2.3.3 Понятие <i>Продуктов языка</i>	15
2.4 Лингвистическое исследование многоязычия	16
2.4.1 Критика в отношении моноязычных подходов в теоретической и описательной лингвистике	16
2.4.2 Критика в отношении (скрыто) моноязычных взглядов на многоязычие	17
2.4.3 Переосмысление многоязычия и языков, используемых в качестве средства межэтнического общения	17
2.4.4 Языковая деятельность говорящего и многоязычие	18
2.4.5 Разнообразие, суперразнообразие и разнообразие разнообразий	19
2.5 Законодательство, язык и многоязычие	19
2.5.1 Исторический контекст: как язык и национализм находили свое отражение в законодательстве	20
2.5.2 Языковая стратегия в законодательстве в индивидуальной и социальной перспективе	21
2.5.3 Отсутствие дискриминации и наследие эгалитарного подхода	21
2.5.4 Языковое законодательство на международном уровне	22
2.5.5 Новые нормативные подходы к языковым вопросам	23
2.6 Социологическое и этнографическое исследования в сообществах языковых меньшинств	24
2.6.1 Социология и исследования языка	24
2.6.2 Этнографические исследования языков и языковых меньшинств	24
2.6.3 Язык и власть	25
2.6.4 Анализ дискурса СМИ	25
2.6.5 Социологический аспект в проекте ELDIA	26
2.7 Исследования финно-угорских языков	26

2.8	Поддержка языков в качестве объекта социолингвистического исследования	27
2.8.1	Поддержка языков и языковой сдвиг в контексте социолингвистического исследования ...	27
2.8.2	Факторы, влияющие на поддержку и сохранение языка и языковой сдвиг	28
2.8.3	Модели и инструменты оценки угрозы языку	30
3	От полевых исследований к Барометру жизнеспособности европейских языков: сбор социолингвистических данных и их анализ в ELDIA	32
3.1	Социолингвистические данные и методы сбора данных в ELDIA	32
3.1.1	Теоретическое исследование	32
3.1.2	Анкетирование	32
3.1.3	Интервью	35
3.1.4	Процедуры анализа эмпирических данных	36
3.2	Оценка поддержания языка	36
3.2.1	Рассуждения, лежащие в основе инструмента оценки ELDIA	36
3.2.2	Шкала поддержания языка ELDIA	37
3.2.3	Принципы практического применения данных опроса	38
3.2.4	EuLaViBar и другие инструменты оценки: сходства и различия	39
3.2.5	Краткая оценка EuLaViBar и некоторые предложения относительно его дальнейшего развития	40
4	Основные области фокуса жизнеспособности языка: обобщенные итоги тематических исследований ELDIA	43
4.1	Тематические исследования ELDIA: обзор результатов опроса	43
4.2	Языковые сообщества	44
4.2.1	Венгерский язык в Словении	44
4.2.2	Венгерский в Австрии	45
4.2.3	Эстонский язык в Германии	46
4.2.4	Сету в Эстонии	47
4.2.5	Вырусский (выру) в Эстонии	48
4.2.6	Вепсы в России	49
4.2.7	Карельский язык в России	50
4.2.8	Карельский в Финляндии	51
4.2.9	Эстонский язык в Финляндии	52
4.2.10	Меянкиели в Швеции	53
4.2.11	Квенский язык в Норвегии	54
4.2.12	Северносаамский в Норвегии	55
4.2.13	Заметка о финском языке в Швеции	56
4.3	Потенциал	56
4.3.1	Оценка Потенциала	56
4.3.2	Оценка Потенциала	57
4.3.3	Сравнение результатов	59
4.3.4	Результаты: параметр <i>Использование языка и взаимодействие</i>	59
4.3.5	Результаты: параметр <i>Законодательство</i>	60
4.3.6	Результаты: параметр <i>СМИ</i>	60
4.3.7	Выводы: зона фокуса <i>Потенциал</i>	60
4.4	Возможности	61
4.4.1	Оценка <i>Возможностей</i>	61
4.4.2	<i>Возможности</i> в анкете ELDIA	61
4.4.3	Общие оценки <i>Возможностей</i> для языков, исследованных ELDIA	62
4.4.4	Результаты по <i>Возможностям</i> : параметр <i>Использование языка и взаимодействие</i>	63
4.4.5	Результаты: параметр <i>Образование</i>	65

4.4.6	Результаты: параметр <i>Законодательство</i>	65
4.4.7	Результаты: параметр <i>СМИ</i>	66
4.4.8	Заключительные замечания по зоне <i>Возможности</i>	66
4.5	<i>Желание</i>	67
4.5.1	Оценка <i>Желания</i>	67
4.5.2	Три параметра зоны фокуса <i>Желание</i>	69
4.5.3	Вариативность по трем параметрам в зоне <i>Желание</i>	69
4.5.4	Параметр <i>Использование языка</i> в зоне фокуса <i>Желание</i>	70
4.5.5	Параметр <i>Законодательство</i> в зоне <i>Желание</i>	70
4.5.6	Параметр <i>СМИ</i> в зоне <i>Желание</i>	71
4.6	<i>Языковые продукты</i>	72
4.6.1	Оценка <i>Языковых продуктов</i>	72
4.6.2	Замечания об общих результатах	73
4.6.3	<i>Использование языка и взаимодействие</i>	74
4.6.4	<i>Законодательство</i>	75
4.6.5	<i>СМИ</i>	75
4.6.6	<i>Образование</i>	76
4.6.7	Выводы	77
4.7	Многоязычие в исследовании ELDIA.....	77
4.7.1	Смешение языков	78
4.7.2	Официальная и законодательная поддержка многоязычия; вопросы равного отношения к языкам78	
4.7.3	Выводы	79
4.8	Анализ дискурса СМИ в проекте исследования ELDIA	79
4.8.1	О плане и схеме исследования	80
4.8.2	Итоги исследования.....	81
4.8.3	Дискурс СМИ на языках меньшинств и большинства в Европе и его актуальность для проекта ELDIA 87	
4.9	Правовой и институциональный анализ в проекте ELDIA	88
4.9.1	Вопросы и приоритеты ELDIA в области правового и институционального исследования....	89
4.9.2	Обзор общих результатов институционального и правового анализа, проведенного в рамках исследования ELDIA.....	90
4.9.3	Ситуация с многоязычием и языковым разнообразием в исследованных правовых системах91	
4.9.4	Преобладание парадигмы недискриминации	96
4.9.5	Преобладание принципа территориальности.....	96
4.9.6	Нечеткие границы между частной и публичной сферами жизни.....	97
4.9.7	Общие выводы по результатам правовых исследований ELDIA.....	99
5	Выводы.....	101
5.1	Перспективы.....	102
5.2	Ценные уроки.....	102
5.3	Следствия для языковой политики	104
5.3.1	Видимость, публичность, усиление и построение идентичности.....	104
5.3.2	Возрождение, межпоколенческая передача, расширение прав и возможностей.	105
5.3.3	Языковые навыки, мобильность и устойчивое многоязычие	107
	Об авторах.....	109
	Библиография	110

Таблицы и рисунки

Таблица 1. Эмпирические данные, используемые в ELDIA.....	33
Таблица 2. Вопросы, использованные для оценки баллов по шкале <i>Потенциал</i>	58
Таблица 3. Оценки Потенциала для языков, исследованных в ELDIA.....	59
Таблица 4. Вопросы, использованные для подсчета баллов по Возможностям.	62
Таблица 5. Баллы по Возможностям для языков, исследованных ELDIA	63
Таблица 6. Вопросы, использовавшиеся для расчетов и оценки в категории «Желание»	68
Таблица 7. Средние показатели по трем параметрам в фокусной зоне <i>Желание</i>	69
Таблица 8. Вопросы, применявшиеся при расчете показателей по языковым продуктам.	72
Таблица 9. Показатели по языковым продуктам (в т. ч. средние результаты по четырем параметрам)	74
Рисунок 1. Фазы работы ELDIA и результаты.....	9
Рисунок 2. «Колесо Катерины».....	16
Рисунок 3. Обзор значений жизнеспособности для каждого языка, фигурировавшего в тематическом исследовании ELDIA.	43
Рисунок 4. Цветовая кодировка измерений и градаций жизнеобеспечения языка на круговых диаграммах EuLaViBar.	44
Рисунок 5. Диаграмма EuLaViBar для венгерского в Словении.	45
Рисунок 6. Диаграмма EuLaViBar для венгерского в Австрии.	46
Рисунок 7. Диаграмма EuLaViBar для эстонского языка в Германии.	47
Рисунок 8. Диаграмма EuLaViBar для сету в Эстонии.	48
Рисунок 9. Диаграмма EuLaviBar для вырусского языка в Эстонии.....	49
Рисунок 10. Диаграмма EuLaViBar для вепского языка в России.	50
Рисунок 11. Диаграмма EuLaViBar для карельского языка в России.	51
Рисунок 12. Диаграмма EuLaViBar для карельского языка в Финляндии	52
Рисунок 13. Диаграмма EuLaViBar для эстонского языка в Финляндии.....	53
Рисунок 14. Диаграмма EuLaViBar для мянскиели в Швеции.	54
Рисунок 15. Диаграмма EuLaViBar для квенского языка в Норвегии.	55
Рисунок 16. Диаграмма EuLaViBar для северносаамского в Норвегии.	56
Рисунок 17. Медийно-социологический анализ.....	81

Предисловие

Настоящий отчет представляет собой краткое изложение окончательных результатов международного исследовательского проекта ELDIA, или European Language Diversity for All (Европейское языковое разнообразие для всех), финансируемого Седьмой базовой программой Европейского союза в 2010–2013 гг. Основные результаты проекта таковы:

- сравнительный доклад, изложенный в данном отчете, который представляет организационные и научные предпосылки, цели и результаты проекта;
- Барометр жизнеспособности европейских языков (EuLaViBar), инструмент для измерения уровня сохранения языков;
- 12 тематических докладов, основанных на эмпирических и кабинетных (теоретических) исследованиях двенадцати многоязычных сообществ по всей Европе; эти исследования кратко представлены в главе 4.2.

Отчеты по каждому конкретному случаю (на английском языке, с переводом на язык каждого меньшинства и на язык соответствующего большинства), набор инструментов EuLaViBar Toolkit (более подробные инструкции по созданию барометра EuLaViBar), полный оригинальный текст этого отчета на английском языке и дополнительную информацию о проекте можно найти на сайте проекта www.eldia-project.org.

Сокращенный англоязычный вариант отчета был составлен Йоханной Лааксо на основе оригинального полного сравнительно-аналитического доклада и переведен на русский Александрой Жуковой. Оригинальная версия отчета была написана совместно Йоханной Лааксо, Аннели Сархимаа, Сией Спилиопулу-Окермарк и Рееттой Тойванен. Координировала работу Сия Спилиопулу-Окермарк.

Совместная работа авторов основывается на эмпирических тематических исследованиях ELDIA, которые проводились с двенадцатью многоязычными общинами по всей Европе. Само собой разумеется, что мы глубоко признательны авторам этих исследований, а также всем полевым исследователям и другим многочисленным коллегам, которые нам помогали, а также всем частным лицам, информантам и помощникам, организациям и учреждениям, без чьей помощи этот проект ELDIA никогда бы не состоялся.

1 Введение

1.1 Многоязычие в Европе

Сегодня среди лингвистов (см. раздел 2.4) и социологов (см. раздел 2.6) растет понимание того, что многоязычие является естественным проявлением человеческой языковой компетенции и, таким образом, общей чертой взаимодействия внутри сообществ и между ними. В 2005 году Европейский союз принял стратегию продвижения многоязычия, которая направлена на то, чтобы:

- а) обеспечить гражданам доступ к законодательству ЕС, процедурам и информации на их родном языке,
- б) подчеркнуть важность роли, которую языки и многоязычие играют в европейской экономике, и найти способы развивать это и в дальнейшем,
- с) содействовать всем гражданам в изучении и использовании как можно большего числа языков, чтобы улучшить общение и взаимопонимание.

Тем не менее, на практике многоязычие все еще понимают как преподавание основных европейских языков в качестве иностранных студентам, которых рассматривают как моноязычных, например преподавание английского языка русскоговорящим в России или финноговорящим в Финляндии. Такое понимание многоязычия может привести к тому, что политики будут рассматривать «естественное» многоязычие меньшинств как аномалию, бремя для общества и недостаток, свойственный говорящим на языках меньшинств. В то же время политики часто забывают, что языки не просто "инструменты" для коммуникации; языки также конструируют идентичность человека и несут важные личностные, эмоциональные и культурные ценности.

1.2 Почему ELDIA?

Проект ELDIA (Европейское языковое разнообразие для всех) был междисциплинарным научно-исследовательским проектом, который стремился внести свой вклад в понимание многоязычия и его влияния в европейской среде. В консорциум¹ ELDIA вошли

¹ Планирование проекта было инициировано и координировалось Аннели Сархимаа (Университет Майнца, Германия). Группа планирования, которая постепенно переросла в исследовательский консорциум, включила в себя (в алфавитном порядке) Рихо Грюнталя (Университет Хельсинки, Финляндия), Анну Коллат (Университет Марибора, Словения), Йоханну Лааксо (Венский университет, Австрия), Ярмо Лайнио (Университет Мэлардалена, позже Стокгольмский университет, Швеция), Хелле Мэтсланг и Карла Паюсалу (Тартуский университет, Эстония), Сию Спилиопулу-Окермарк (Институт мира на Аландских островах) и Елену Сулкала (университет Оулу, Финляндия), а также двух дополнительных экспертов, Матса Берьессона (Университет Мэлардалена; СМИ и социология) и Кари Дьерфа (Университет Хельсинки; статистика).

специалисты по лингвистике, юриспруденции, социологии и статистике. Эмпирическая работа была основана на 12 тематических исследованиях в 8 странах (см. раздел 4.2).

Основные цели ELDIA были следующие:

- создать новый междисциплинарный исследовательский подход, который должным образом учитывает многоязычие современных европейских меньшинств,
- создать новые знания и инструменты,
- выявить пробелы в языковой политике и способствовать развитию устойчивой политики на будущее,
- создать междисциплинарную сеть специалистов.

Вместо того чтобы изучать членов меньшинств по одному или в национальных или региональных рамках, ELDIA начал сравнивать широкий спектр случаев многоязычия в различных средах. Важно отметить, что проект ELDIA и его методология были экспериментальными. Основное внимание было уделено поиску новых путей изучения тех факторов, которые влияют на жизнеспособность и поддержание языка. Конечной целью ELDIA не было создание законченной теории жизнеспособности языка или модели поддержания языкового разнообразия.

1.3 Задачи и методы ELDIA: краткий обзор

Работа в ELDIA была разделена на рабочие пакеты (РП), большинство из которых построены последовательно друг за другом. В тоже время три пакета (РП 1 *Методологическая синергия* под руководством Елены Сулкала, РП 8 *Распространение* во главе с Йоханной Лааксо и РП 9 *Координация и управление* под руководством Аннели Сархимаа) проходили через весь проект в течение всего времени. Главной целью было проведение согласованного эмпирического исследования отдельных случаев, основанного на централизованно спланированной модели исследования с тщательно отобранной группой из многоязычных коммун, как из традиционных меньшинств, так и из групп мигрантов (см. разделы 1.4 и 4.2 ниже). Результаты этих тематических исследований должны были быть объединены в этом сравнительном отчете, и на этой основе был создан Барометр Жизнестойкости Европейских языков. Фазы работы и основные результаты ELDIA показаны на Рисунке 1.

Берьессон покинул проект на очень ранней стадии и был заменен Рееттой Тойванен (Университет Хельсинки).

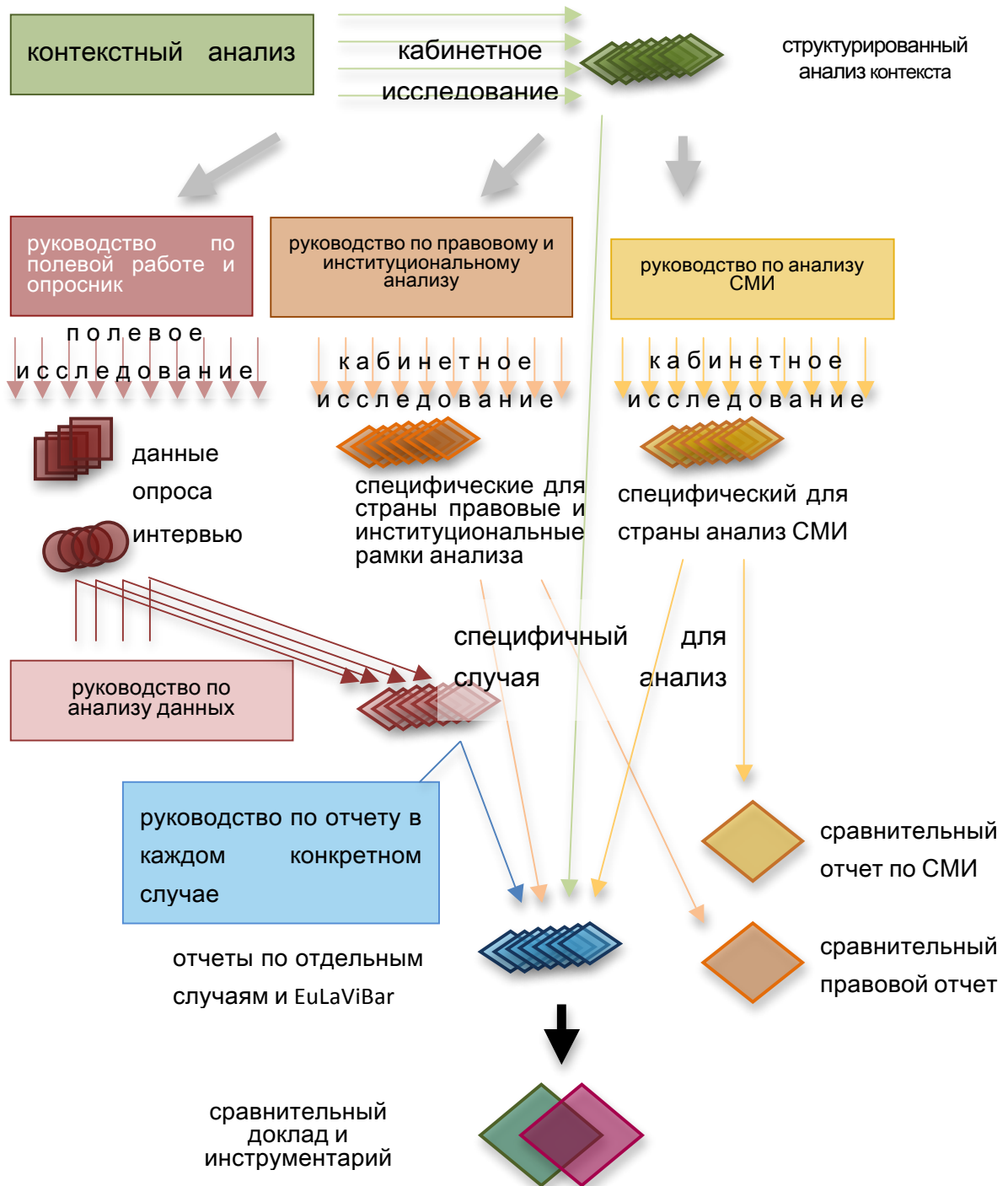

Рисунок 1. Фазы работы ELDIA и результаты

Работа началась в марте 2010 года со *Структурированного контекстного анализа* (РП 2, во главе с Рихо Грюнталем), то есть с резюмирования основных результатов предыдущих исследований. Краткое изложение Структурного контекстного анализа было опубликовано в серии *Исследования по европейскому языковому разнообразию* (см. сайт проекта). На следующей стадии работы была создана основа для выборки данных и были разработаны руководства и опросники для работы на местах (РП 3 *Выборка и методы*,

под руководством Ярмо Лайнио²). После этого были проведены анкетирование и интервью среди целевых групп и соответствующих им представителей большинства (РП 4 *Полевые работы*, под руководством Карла Паюсалу). Собранные данные впоследствии были сохранены в Университете Майнца, где они доступны для будущих исследований (база данных ELDIADATA).

В следующей фазе работы, на стадии *Анализа данных* (РП 5, под руководством Аннели Сархимаа), были проанализированы данные анкетирования, а данные интервью расшифрованы и обработаны. Параллельно преимущественно количественному социолингвистическому анализу данных команда *Анализа дискурса в СМИ* (под руководством Реетты Тойванен) изучала СМИ меньшинств и то, как СМИ большинства представляют меньшинства (раздел 4.8), команда юристов (под руководством Сии Спилиопулу-Окермарк) обеспечивала анализ правовых и институциональных рамок (см. раздел 4.9).

Конечные продукты ELDIA были созданы в рамках двух последних рабочих пакетов. В РП 6 (под руководством Хелле Мэтсланг) для каждого отдельного случая были написаны и опубликованы отчеты, подводящие итоги контекстного анализа, анализа СМИ и законов, а также представляющие результаты эмпирических исследований, полученных в РП 5. Настоящий сравнительный отчет является одним из конечных результатов последнего рабочего пакета, РП 7 (во главе с Сией Спилиопулу-Окермарк), и резюмирует результаты проекта, показывая направления будущих исследований и политических решений. Другой основной результат, EuLaViBar, обсуждается в данном отчете с научной точки зрения (см. разделы 2.2 и 3.2). Практические вопросы подробно представлены в руководстве EuLaViBar, опубликованном на сайте проекта www.eldia-project.org.

1.4 Выбор языков, исследованных ELDIA

1.4.1 Финно-угорский подход к европейскому многоязычию

Все языки меньшинств, исследовавшиеся в проекте ELDIA, относятся к финно-угорской языковой группе. Таким образом, проект восполняет один крупный пробел в исследованиях европейского языкового разнообразия. Такие исследования редко затрагивали неиндоевропейские языки и, возможно, даже основывались на ложном, но все еще широко распространенном представлении, что все основные языки Европы принадлежат к индоевропейской семье. Исследуя модели многоязычия, включающие финно-угорские языки, мы смогли исследовать эффекты языкового родства разной степени: от очень близкого родства до полной невзаимопонятности и отсутствия какой-либо родственной связи между языками.

² Из-за различных проблем, приведших к тому, что Стокгольмский университет покинул этот проект, выполнение данного этапа работы было несколько задержано и опросные листы должны были быть закончены в экстремально короткие сроки.

Как международный проект, выходящий за рамки традиционных финно-угорских исследовательских сетей, ELDIA представляет новый подход к исследованию в этих языках (см. раздел 2.7). Однако большинство результатов, полученных нами, применимы ко многим другим недоминантным языкам и языкам меньшинств. Таким образом, эти результаты важны и актуальны в целом, а не только в пределах финно-угорских исследований.

1.4.2 Типы меньшинств и многоязычных сообществ

Основной причиной для работы с финно-угорскими языками и национальными меньшинствами было то, что они охватывают наиболее широкий из возможных спектров европейского многоязычия:

- различные и пересекающиеся виды европейских сообществ: старые национальные государства и государства, возникающие из предыдущих многонациональных империй, западных и постсоциалистических государств;
- различные виды коммуникации между меньшинством и большинством внутри государств и через государственные границы;
- различные модели и меняющиеся роли языков межэтнического общения (прежде всего, исторические изменения в использовании немецкого, английского или русского языков как лингва франка);
- максимальный диапазон типов ситуаций многоязычия с участием "старых" и "новых" меньшинств, а также группы, которые не укладываются в это противопоставление;
- различные статусы, возможности и опыт официального и общественного применения;
- разные степени общественной и культурной интеграции.

Определение групп меньшинств и установление критериев для определения членства в группе часто затруднительны. Для исследования ELDIA наиболее важной отправной точкой было то, что никакие "менее настоящие пользователи языка" не должны были быть исключены только из-за того, что они не в состоянии активно использовать определенный язык, или потому, что они не используют его в повседневном семейном общении и в домашних условиях. Для многих из языковых ситуаций, рассмотренных в исследованиях ELDIA, ситуация настолько критическая, что такие требования будут только стабилизировать результаты прошлой ассимиляции и блокировать любую возможность для эффективной активизации языка.

"Новые", "иммигрантские" или *аллохтонные* меньшинства иногда переплетаются со старыми меньшинствами (как в случае венгров в Австрии), иногда конкурируют с ними за ресурсы. Во многих европейских странах реальные или мнимые социальные проблемы,

связанные с вопросами миграции, вынуждают все новые меньшинства определять себя как отличные от большинства, от старых меньшинств, от других мигрантов, а такие термины, как «иммигрант» или «аллохтонный» легко приобретают негативный подтекст.

Термины "старые" или "традиционные" (региональные) меньшинства, каждый из которых может быть проблематичным, покрываются терминами автохтонные и коренные народы. Термин "коренные жители" (*indigenous people*) сейчас, похоже, укоренился в двух значениях. Во-первых, он используется как антоним для слова "иммигрант" и иногда задействован в политических дебатах вокруг иммиграции в Европе. Второе использование слова "коренной" связано с понятием коренных (и племенных) народов, которые – в соответствии с конвенциями МОТ 107 и 169 и Постоянного форума Организации Объединенных Наций по вопросам коренных народов – включают такие элементы, как «историческая преемственность с доколониального периода и/или до прибытия переселенцев»; «отличие языка, культуры и верований», и недоминантное положение в обществе. В Европе саамов часто называют «единственным признанным коренным народом Европейского союза». Такой статус иногда оспаривается квенами в Норвегии и носителями языка меянкиели в Швеции, так как это, по мнению некоторых активистов, как будто создает иерархию из меньшинств, в которой коренные саамы пользуются особой защитой. Терминологическое различие между понятиями «коренные» и «автохтонные» не вполне понятно и существует не во всех языках. Автохтонные меньшинства – это этнические группы, которые населяли свои традиционные регионы "с незапамятных времен", то есть с начала настоящей исторической документации. Этот критерий, впрочем, не совсем точный, да и некоторые из региональных меньшинств, исследованных в ELDIA, также ставят под вопрос различие между «аллохтонными» и «автохтонными».

Еще одно важное и терминологически проблематичное разделение может быть сделано между такими языками, которые иногда называются "языками без крыши", то есть нигде не используются в качестве государственного или официального языка, и такими, которые имеют "языковую родину", "родное государство" или "государство-покровителя". Как показано в кратком обзоре тематических исследований в главе 4, языки, у которых есть «родное государство», по-видимому, находятся в целом в более выгодном положении. Тем не менее, поддержка «родного государства» может также оказаться проблематичной и даже привести к обратному результату.

Чтобы не попасть в ловушку бесконечных дебатов о том, какие термины являются наиболее подходящими, исследователи ELDIA, корректно используя термины «меньшинство» и «большинство» (а иногда также «целевая группа» и «контрольная группа»), в то же время иногда употребляли термин «языковые сообщества». Этот термин также проблематичен: на самом деле, этнические меньшинства зачастую не образуют единого и однородного "сообщества" и редко пользуются только одним языком.

2 Предыстория ELDIA: направления исследований языкового разнообразия

2.1 ELDIA как междисциплинарное предприятие

Функции, социальные позиции и использование языков радикально меняются в рамках процессов, которые связаны с различными аспектами жизни общества и поведения людей. Для достижения своих целей ELDIA приходилось совмещать разные подходы к языкам со знаниями и опытом в других областях. Таким образом, была создана междисциплинарная научно-исследовательская группа, состоящая из экспертов в области юридических исследований, социологии, демографии и статистики, а также в ряде наук о языке, особенно социолингвистики. Дисциплины, включенные в исследовательский консорциум ELDIA, не применялись отдельно в рамках последовательных рабочих пакетов и научно-исследовательских действий, а действовали в каждом рабочем пакете вместе.

2.2 Барометр жизнеспособности европейских языков и проект его создания

Рабочей целью проекта ELDIA была разработка Барометра жизнеспособности европейских языков (EuLaViBar). В диаграммах EuLaViBar представлены результаты для каждого языка по шкале от 0 до 4 (см. раздел 3.2.2) в четырех основных направлениях (измерениях), называемых *Потенциал*, *Возможности*, *Желание* и *Продукты языка* (см. раздел 2.3). Диаграммы EuLaViBar, созданные в проекте ELDIA, представлены и проанализированы в главе 4.

Краеугольные камни EuLaViBar – это:

- три решающих условия для использования языка (*Потенциал*, *Возможности* и *Желание*) Франсуа Грина (2003), которые мы применили в ELDIA к таким параметрам, как использование языка и взаимодействие, образование, законодательство, и средства массовой информации (подробнее см. 2.3.2);
- Модель «Колесо Катерины» (автор – Микель Струбелл), основанная на причинно-следственной связи между предложением языковой продукции и спросом на нее (подробнее см. 2.3.3)
- пять тематических разделов в анкете опроса, посвященные языковой компетенции, использованию языка на разных территориях, отношению к языку, желанию использовать разные языки, использованию языка в обществе по сравнению с личным использованием языка и потреблению СМИ на разных языках.

2.3 Основные понятия: *Потенциал, Возможности и Желание*

2.3.1 Предшествующее использование основных концепций

Работы Франсуа Грина и других исследователей (Grin and Vaillancourt, 1998; Grin, Moring et al. 2002, Grin et al. 2003) вдохновили нас, и мы выделили три приоритетные области ELDIA: *Потенциал, Возможности и Желание*. В нашей работе, однако, эти термины были пересмотрены и используются несколько иначе, чем в оригинале.

В оригинальной концепции *Потенциал* является первым необходимым условием для использования и поддержания языка. Члены языкового сообщества должны знать язык, и если они им не владеют (или владеют недостаточно хорошо), то им должна быть предоставлена «возможность его изучить».

Вторым необходимым условием для того, чтобы люди использовали свой язык, в соответствии с Грином и его соавторами, является возможность использовать этот язык. Возможности создаются государством и властями, однако для некоторых языков меньшинств возможности использовать язык вне пространства семьи главным образом предлагаются частными обществами или некоммерческими организациями, а иногда и исключительно ими.

Третье необходимое условие для жизнеспособности языка – это желание (или готовность) использовать язык независимо от возможностей. Например, человек, говорящий на языке меньшинства, может хотеть читать новости на своем языке даже в том случае, если на этом языке не выпускается никаких газет. Более того, желание отражает отношение людей к различным языкам. Исследования показали, что часто, по словам Грина и Вайянкура (1998: 200), "практика запаздывает по сравнению с желанием": носители языка, возможно, и желают, чтобы их язык использовался чаще, но на практике их выбор языка диктуется каждой конкретной ситуацией.

Одной из главных целей проекта ELDIA было создание систематического способа изучения основных условий жизнеспособности языка, каждое из которых было разбито на отдельные параметры: использование языка и взаимодействие, законодательство, образование и средства массовой информации. Кроме того, мы не хотели изучать в узком смысле экономическую эффективность или причинно-следственные связи. Анализ экономической эффективности порой страдает от отсутствия элементарных данных: вместо того чтобы действительно выяснить, что же происходит в жизни и каков выбор пользователей языка, исследование ограничивается расчетами финансовых затрат на различные бюрократические меры. Причинно-следственные связи, в свою очередь, очень трудно определить: поддержание языка и языковая ассимиляция имеют множество аспектов и зависят от широкого круга факторов.

2.3.2 Ключевые понятия *Потенциал, Возможности и Желание* в проекте ELDIA

В ELDIA три ключевых понятия *Потенциал, Возможности* и *Желание* были определены следующим образом.

Потенциалом называется субъективная способность, то есть уверенность при использовании определенного языка или языковых навыков, отмечаемая самими респондентами (по четырем параметрам: понимание, разговор, чтение и письмо).

Возможности подразумевают те существующие ведомственные меры (в законодательстве, в образовании и т. д.), которые позволяют, поддерживают или запрещают использование того или иного языка.

Желанием называется потребность и готовность людей использовать определенный язык.

Результаты во всех этих трех областях были основаны на данных опроса, то есть скорее на личном опыте респондентов и на их восприятии, чем на существующем положении вещей.

2.3.3 Понятие *Продуктов языка*

В Барометре жизнеспособности европейских языков понятие *Продукты языка* относится к существованию, доступности и необходимости языковой продукции (печатной, электронной и прочей, например концертов, спектаклей, выступлений и т. д.), а также к желанию людей получать продукты и услуги на определенном языке. Это понятие было разработано на основе модели Микеля Струбелла «Колесо Катерины» (Strubell 1999, 239), в которой отношения между языковой компетенцией, использованием языка, наличием языковых продуктов и мотивацией к использованию языка составляют динамический круг.

Рисунок 2. «Колесо Катерины»

Однако, как показывают наши исследования, модель колеса, вероятно, функционирует только в тех случаях, когда языковые сообщества довольно велики и язык все еще передается детям. В ELDIA есть несколько тематических исследований по языкам меньшинств, где этот "естественный контекст" использования языка отсутствует.

2.4 Лингвистическое исследование многоязычия

2.4.1 Критика в отношении моноязычных подходов в теоретической и описательной лингвистике

В настоящее время начаты лингвистические исследования, которые ставят под сомнение наличие противопоставления между усвоением языка и его изучением и, таким образом, между «естественным» и «приобретенным» многоязычием. Билингвы, переключаясь с языка на язык, не просто заполняют пробелы в своих языковых способностях, но свободно и творчески используют ресурсы двух или более языковых кодов. Более того, даже так называемые монолингвы способны пользоваться в речи разнообразными диалектами, языковыми и стилистическими вариантами своего родного языка. Собственно говоря, не существует четкого разделения между диалектом и отдельным языком (к примеру, в случае с финским языком и мяянкиели). В общем и целом, собранные доказательства свидетельствуют, что дву- и многоязычие являются естественным состоянием для человека. Это подразумевает, что теории, касающиеся человеческого языка, должны содержать уметь должным образом изучать и описывать многоязычие.

В лингвистике, тем не менее, язык традиционно считался автономной системой, и, таким образом, двуязычие могло восприниматься только как две таких системы, сосуществующих рядом друг с другом («параллельные одноязычия»). Такой подход мы обнаружим во всех подходах западной лингвистики. Более того, такой подход отражает идеологию романтического национализма и многочисленных европейских проектов, направленных на языковое планирование и связанных с одноязычной «таинственностью родного языка».

Это особенно важно в случае с финно-угорскими языками, рассматриваемыми в проекте ELDIA, поскольку классические сравнительные финно-угорские исследования часто характеризовались поиском чистых и аутентичных диалектов, на которых разговаривали бы идеальные одноязычные представители этих языков. По этой причине часто отсутствуют актуальные и подробные описания того, как современные финно-угорские меньшинства живут и используют на практике свои многочисленные языки, которыми они владеют. В рамках осуществления полевых исследований и работы ELDIA мы надеялись привлечь внимание языкового сообщества в этих пробелах; записи и расшифровки проведенных нами интервью могут быть использованы в будущем для дальнейших более глубоких лингвистических исследований.

2.4.2 Критика в отношении (скрыто) моноязычных взглядов на многоязычие

Подходы, которые представляют одноязычие как естественное состояние дел, все еще присутствуют в политическом дискурсе при обсуждении вопросов интеграции мигрантов и меньшинств и даже при обсуждении преподавания иностранных языков (в терминах «параллельных одноязычий»). Похожие противоречия характеризуют и ситуацию в законодательстве, как это показано в юридических исследованиях ELDIA (раздел 4.9).

Более того, «этнолингвистическое предположение» – идея, что существует непосредственное взаимодействие между использованием человеком родного языка и его этническим самосознанием, – сейчас переживает возрождение в рамках движений за эмансипацию и права человека во многих этнических и языковых меньшинствах. Подобная языковая предвзятость идет рука об руку с традицией исследований, описанной в предыдущей главе, то есть с традицией, сосредоточенной на изучении языкового варианта, который воспринимается как наиболее аутентичный и характерный для идеализированных одноязычных носителей данного языка.

2.4.3 Переосмысление многоязычия и языков, используемых в качестве средства межэтнического общения

Многоязычие в европейском контексте все еще часто рассматривается с двух, как кажется, противоположных углов: наделенные высоким статусом «крупные» языки межэтнического общения (как и государственные языки) становятся объектом национальных образовательных программ и стратегий, в то время как языки меньшинств воспринимаются как этнические атрибуты, а не как средства общения. По этой причине

программы и практики, применяемые к этим языкам, могут охватываться другими – зачастую региональными – языковыми проектами.

Языками межэтнического общения называются языки, преобладающие в общественной сфере (предпринимательстве, образовании, политике и управлении, в учреждениях культуры и религии). Они противопоставлены родным или унаследованным языкам, которые обычно используются в повседневном общении и могут не иметь официального статуса. Тем не менее, языки межэтнического общения используются не только в общественной жизни, но также в качестве способа личного общения между людьми. Определение здесь еще более усложнено тем, что язык межэтнического общения не обязательно имеет официальный статус, стандартизированную форму литературного языка или поддержку государства.

По сути дела, может даже не быть четкого разграничения между «обычными» языками и языками межэтнического общения и, таким образом, четкого различия между природным и приобретенным многоязычием. Многоязычие меньшинств должно рассматриваться наравне с приобретенным многоязычием большинства. Это тем более актуально потому, что многие государственные языки в современной Европе находятся в опасности, которая угрожает также многим языкам национальных меньшинств. Английский язык все чаще используется в таких областях, как наука, технологии, предпринимательство (чаще, например, чем немецкий, французский, венгерский, шведский или финский), поэтому способы сохранения разумного, сбалансированного и устойчивого многоязычия необходимо найти.

2.4.4 Языковая деятельность говорящего и многоязычие

Языки представляют собой общественные условные системы и их границы определяются идеологически; пользователи языка имеют возможность употреблять и комбинировать различные языковые ресурсы, выражать свои мысли через язык. Пользуясь словами Йоргенсена (Jørgensen 2008: 169–170): «Носители языка прибегают к любым языковым средствам, которыми располагают, чтобы достигнуть своих задач в процессе коммуникации». Такие языковые средства могут браться и из других языков (многоязычная языковая деятельность).

В исследовании ELDIA языковая деятельность говорящего находится в центре внимания по двум важным причинам. Во-первых, мы хотели дистанцироваться от возможного использования меньшинств в политических целях, а также от социально-дарвинистского нарратива исчезновения, который представляет исчезновение языка как неизбежный закон природы. Но прежде всего мы полагаем, что увеличение или снижение языкового разнообразия зависит не только от политических решений, но также от тех небольших решений, которые принимают обычные носители языка. На такие решения и выбор, в свою очередь, влияют как социальные и общественные механизмы и закономерности, так и отношение самих носителей языка и их окружения к языкам и языковому разнообразию.

2.4.5 Разнообразие, суперразнообразие и разнообразие разнообразий

На протяжении всей европейской истории существовали меньшинства, процессы миграции, а также языки, которые служили средством межэтнического общения. В настоящее время, однако, вследствие процессов глобализации и новых форм мобильности населения и коммуникации, сама природа языкового разнообразия меняется и становится тем, что Вертовец (Vertovec 2007) называет суперразнообразием (*superdiversity*). По словам Бломмэрта и Рамптона (Blommaert & Rampton 2011: 2), суперразнообразие означает, что традиционное понимание этнических меньшинств больше не может охватить существующего языкового разнообразия. Люди больше не причисляют себя только к одному ярко выраженному территориальному сообществу мигрантов или меньшинству. Кроме того, в современном мире меньшинства существуют в условиях исключительного разнообразия языков и культур.

Дополняет это общее разнообразие языковых ресурсов также разнородность этого исключительного разнообразия, которое имеет отношение к многоязычию и самоидентификации людей, поскольку различные меньшинства позиционируют себя совершенно по-разному. К примеру, «использование языка в школе» означает одно для мигранта первого поколения из Венгрии, который до этого находился в рамках исключительно венгроязычной образовательной системы, и совершенно другое для человека из Карелии, у которого карельский язык занимал в школе далеко не самое первое место в расписании, если вообще изучался. В условиях такой разнородности языкового разнообразия даже такое предприятие, как проект ELDIA, нацеленный на достижение максимальной однородности и возможности сравнения различных предметов и объектов исследования, вероятнее всего приближается к границам того, что вообще возможно в сравнительном исследовании.

2.5 Законодательство, язык и многоязычие

Взаимодействие законодательства и языка довольно тонкое и происходит в двух направлениях. Язык определяет, кто может участвовать в создании и применении законодательных актов. Законодательство же может ограничивать или, наоборот, расширять пространство и сферу использования разных языков, таким образом создавая иерархию языков и ранжируя их вес и влияние. Языковое законодательство всегда являлось средством контроля и доминирования, и это ощущают многочисленные местные племена и народности, давно или недавно сформировавшиеся меньшинства. С другой стороны, язык может стать инструментом эмансипации и средством достижения равных прав, как мы можем видеть на примере ревитализации саамских языков. Языковое законодательство является гораздо более широким понятием, чем просто список прав, т.е. законодательно признанных и закрепленных положений, соблюдения которых может требовать каждый гражданин или группа людей. Языковое регулирование предполагает, что принятые законодательством меры и программы, относящиеся к языку, имеют

влияние на легитимность общественных и политических образований и структур, а также на представления людей о справедливости и вовлеченности (включенности в общество).

Через признание оправданных ожиданий людей законодательство способно показать, что граждане и их потребности ценятся и принимаются во внимание. Законодательство также ориентировано на институционализацию того, как распределяются ресурсы и находятся компромиссные решения, отвечающие интересам разных людей. Таким образом, законодательство напрямую влияет на возможность людей использовать язык и их стремление им пользоваться.

Растущий интерес к языковому законодательству сопровождался публичными дебатами о природе и теоретических основах прав человека (Dunbar 2001: 93). Для проекта ELDIA все это послужило тому, что нас интересовали не только конституционные гарантии прав человека, действующее законодательство, судебные процессы (и их исходы и последствия), теория и практика недискриминации в исследуемых странах, но также и общие системные факторы законодательного и институционального устройства, как с точки зрения языка, так и с точки зрения людей, на нем говорящих.

В проекте ELDIA, приоритет был отдан конституционным положениям, влияющим на языки и их носителей, а также на образование и законодательство в области СМИ. Законодательство рассматривалось с точки зрения действующих положений и требований и с точки зрения его применения в судах и органах исполнительной власти. Наконец, в исследованиях законодательства в проекте ELDIA мы предприняли попытку выявить субъектов, вовлеченных в процессы толкования закона, в том числе тех из них, кто принадлежит к языковым меньшинствам или сообществам.

2.5.1 Исторический контекст: как язык и национализм находили свое отражение в законодательстве

Языковое законодательство было часто связано с идеей национального государства. В понятиях романтического национализма язык присутствовал и понимался как само основание и душа народа. Такой натуралистический национализм был впоследствии замещен конструктивистскими и социологическими подходами к лингвистическому национализму. Такие социологи, как Макс Вэбер или Эрнест Ренан, развили в конце 19 столетия идею нации, основанную на принципе духовности, что предвосхитило современные понятия об идентичности как о конструкте.

В недавнем третьем тематическом комментарии относительно языковых прав, принятом Советом Европы (ACFC, лингвистический комментарий, 2012), говорится:

«Язык является существенным компонентом индивидуальной и групповой идентификации. Для многих людей, которые принадлежат к национальным меньшинствам, язык является одним из главных факторов их идентификации и идентичности в этом меньшинстве. Тем не менее, язык, как и идентичность, не статичен, а развивается в течение всей жизни человека. Полное и действующее,

гарантированное право для человека использовать свой язык или языки меньшинства предполагает то, что власти должны гарантировать свободную самоидентификацию людей посредством языка а также воздерживаться от ограничения личной идентичности и от того, чтобы загонять ее в жесткие рамки языковых категорий...»

Более того, человек может идентифицировать себя сразу с несколькими группами, а также идентифицировать себя по-разному для достижения разных целей, в зависимости от того, насколько важна и актуальна определенная самоидентификация в той или иной ситуации.

2.5.2 Языковая стратегия в законодательстве в индивидуальной и социальной перспективе

Основопологающее предположение в исследовании законодательства в рамках проекта ELDIA заключается в том, что вмешательства законодательства в языковые вопросы не только возможны, но также важны и осуществимы. Возможности и последствия таких вмешательств исследованы как в индивидуальной перспективе (опросники и интервью), так и с общественной точки зрения (контекстный анализ, анализ СМИ и законодательства, групповые интервью).

В то время как Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств четко исключает языки иммигрантов и диалекты официальных языков из рассмотрения, проект ELDIA, наоборот, включил их в список объектов исследования, как и те языки, формальный статус которых (диалект или отдельный язык) в настоящее время обсуждается. Таким образом, исследование законодательства в рамках проекта ELDIA в некоторой степени касается также законов о миграции и интеграции.

Идея, что закон может защитить язык и способствовать тому, что языки будут использоваться их носителями более широко, получила широкое распространение в ситуации, которая сложилась после Первой мировой войны в рамках Лиги наций (Spiliopoulou Åkermark 1997: 101-118). Такого рода системы языкового регулирования могут быть актуальны и в современном мире, несмотря на их столетнюю историю (дополнительно см. Zwitter 2012 об Австрии).

2.5.3 Отсутствие дискриминации и наследие эгалитарного подхода

Идеал «полного равенства» является очевидной целью развития законодательства и частью процессов демократизации в Европе. В своей рекомендации относительно школ национальных меньшинств в Албании в 1935³ году, Постоянная палата международного правосудия (ППМП) определила двойную цель для договоров, касающихся меньшинств, которая актуальна и в настоящее время в свете международных дебатов о законодательстве. Во-первых, необходимо разрешить меньшинствам жить мирно рядом с

³ Постоянная палата международного правосудия, Серии А/В, № 64, 1935, стр.17.

другим населением. Во-вторых, необходимо держать под защитой культурные признаки и четкую идентичность меньшинств. Более того, ПППП утверждает, что недостаточно просто стремиться к идеальному равенству, но необходимо активно поддерживать культуру меньшинств.

Запрет на дискриминацию присутствует во всех правовых инструментах и в их большинстве запрещается какая-либо дискриминация по языковому признаку. В статье 22 Хартии основных прав Европейского союза языковое разнообразие полагается основной ценностью и главным принципом – руководством к действию для стран-членов ЕС. Этот принцип дополняет 21 статью этой же Хартии, которая утверждает, что запрещается любая дискриминация по признакам пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических свойств, языка, религии или убеждений, политических или иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, а также по имущественным показателям, обстоятельствам рождения, инвалидности, возрасту и сексуальной ориентации.

Тем не менее, консервативная позиция законодательства по обеспечению отсутствия дискриминации по языковому признаку, предусматривает только ограниченное наказание за нарушения в этой области, а также не предусматривает создания дальнейших антидискриминационных механизмов. Кроме того, можно предположить, что антидискриминационный подход здесь всегда требует проведения сравнений и таким образом делает акцент на конфликте и соревновании. По этим причинам исследования ELDIA в области права не ограничивается антидискриминационным законодательством, что особенно актуально в таких странах, как Швеция, где позитивные меры воспринимаются критически и язык не признается тем, в отношении чего может иметь место дискриминация (Öst 2012).

2.5.4 Языковое законодательство на международном уровне

Международные суды и наблюдательные органы приняли целый ряд решений в области языка. Рассмотрение языкового законодательства (в полной версии данного доклада) позволяет сделать много наблюдений. Прежде всего, мы можем видеть, что судебные решения и процессы касаются чаще всего уязвимого положения отдельных людей и языков, причем в каждом случае речь идет только об одном языке, что только усиливает идею моноязычия. Несколько случаев из судебной практики показывают, как правительства применяют системы моноязычия в качестве инструмента контроля и доминирования в отношении представителей национальных меньшинств.

Далее, существуют некоторые языки, которые чаще других становятся объектом международных споров, наиболее яркий пример – французский язык в Бельгии и курдский в Турции. В случае с финно-угорскими языками подобные продолжительные споры в судах не зафиксированы, как отмечает в ситуации с исследованными финно-угорскими языками проект ELDIA. Как показало исследование, респонденты имеют довольно слабое представление о возможности законодательной и судебной защиты языков в их стране. Кроме

того, защита языковых прав в суде часто не воспринимается как имеющая какие-либо перспективы.

Судебные решения, как правило, касаются уже свершившихся фактов и не содержат информации о том, наличествуют ли какие-то меры и стратегии по долговременной защите языков в законодательстве. Подробные и исчерпывающие описания и рекомендации на этот счет можно обнаружить, к примеру, в трех тематических комментариях, содержащихся в Рамочной конвенции о защите лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, касающейся образования (2006), вовлеченности (2008) и, что наиболее интересно, языковых прав (2012).

По этим причинам исследователи ELDIA попытались взглянуть на правовые и политические дебаты о законодательстве (см. раздел 4.9). Эти усилия были дополнены анализом СМИ, в рамках которого исследовалось, как отдельные законодательные проекты обсуждаются и представляются на страницах СМИ (см. раздел 4.8).

2.5.5 Новые нормативные подходы к языковым вопросам

Маубрэй утверждает, что международное законодательство не уделяет достаточного внимания вопросам контекста и разнообразия, а также не уделяет внимания процессам изменений. Кроме того, оно не рассматривает природы тех трудностей, которые могут испытывать представители определенной языковой группы, не оценивает политических аспектов идентичности и культуры и, наконец, по умолчанию принимает и не подвергает сомнению ключевые положения, касающиеся применения языка (Mowbray 2012: 201–206). Более того, международное законодательство не может анализироваться в отрыве от национального законодательства и правоприменительной практики, и исследование ELDIA стремится преодолеть этот разрыв.

Третий тематический комментарий Хартии основных прав национальных меньшинств, относящийся к языковым правам, затрагивает 6 ключевых аспектов и задач: языковые права и идентичности, языковые права и равенство, языковые права и СМИ, общественное и частное использование языка, языковые права и образование, и, наконец, языковые права и участие. Третий комментарий подчеркивает важность индивидуальной мобильности и взаимодействия (параграф 7) и заключает (параграф 24), что поддержка культуры, языка и идентичности требует «активного продвижения и поддержки использования языков меньшинств, а также создания общей благоприятной среды для использования этих языков». Наконец, в отношении языкового разнообразия в образовании в третьем комментарии отмечается (параграф 82), что в дополнение к обучению языкам и на языках меньшинств система школьного образования должна давать ученикам информацию об истории и вкладе меньшинств в культурное наследие и жизнь общества в данном государстве.

2.6 Социологическое и этнографическое исследования в сообществах языковых меньшинств

Социологи и социология как наука, в отличие от социолингвистики и социолингвистов, зачастую неохотно признают важную роль и значение языка при объяснении стремления меньшинств к этнической и национальной идентичности (May 2001: 8). В то же время социологи разделяют глубокую заинтересованность в языках, находящихся в подчиненном положении (Grillo 1989: 174), при обсуждении вопросов, относящихся к институализированному дисбалансу сил (Holl 1992). В этом разделе мы дадим объяснение тому, почему мы сочли необходимым включить в исследовательский проект ELDIA также социологический аспект.

2.6.1 Социология и исследования языка

Основные вопросы социологии – о роли институционализации и ее последствиях в современном развивающемся мире, характеризуемом капитализмом, урбанизацией, секуляризацией, стандартизацией и рационализацией, – затрагивают также и языковые аспекты. Тем не менее, задача описания исчезающих культур и языков меньшинств в течение долгого времени была отдана антропологам.

Вовлеченность социологии в обсуждение языковых вопросов в основном было связано с так называемой гипотезой Сепира-Уорфа, в соответствии с которой язык диктует то, как люди и культуры воспринимают мир (Sapir 1921, Whorf 1956). Идея о том, что язык является центральной частью культуры, также сыграла важную роль в процессах формирования наций. Языки определяли социальные группы, даже те языки, которые не используются больше активно для повседневной коммуникации. Язык определяет принадлежность как внутри, так и вне сообщества (Fishman 1971).

Как Фишман, так и Аллардт (Allardt 1979) подчеркивали, что языковые меньшинства не всегда борются в первую очередь против социально-экономического давления, притеснения и дискриминации. Скорее, они добиваются признания своего самоопределения. Потребность в признании в качестве тех, кем мы себя представляем, очень важна для нашей самооценки и индивидуальной, личной автономности (Kraus 2007: 64). Интересно также заметить, что идея «один язык – одна нация» продолжает существовать в качестве стратегии по приобретению признания и прав в большинстве национальных меньшинств (Toivanen 2007, см. также раздел 2.4.2). В ходе проведения исследования ELDIA это нашло свое подтверждение в дискуссиях между активистами и представителями таких языков, как меянкиели, северносаамский и квен.

2.6.2 Этнографические исследования языков и языковых меньшинств

Как одна из дисциплин антропологии, лингвистическая антропология исследует то, как языки и их использование определяют общение, социальную идентичность и принадлежность к сообществу, а также то, как они формируют культурные верования и

взгляды. Этнографический подход, который является основным и для антропологии, может быть охарактеризован тесной связью исследователя с изучаемой группой людей. Это означает, что объекты исследования принимают существенное участие в создании теории и, соответственно, во всем проекте исследования.

В проекте ELDIA этнографические методы использовались только в небольшой степени при работе в фокус-группах и при проведении индивидуальных интервью. В то же время многие исследователи ELDIA имеют многолетний опыт полевой исследовательской работы в языковых сообществах, охваченных исследованием. Такую тесную связь и расположение можно заметить и в данном сравнительном докладе, особенно в наших стараниях описать разнообразие трактовок и определений языков в рамках каждого из языковых сообществ.

2.6.3 Язык и власть

После Второй мировой войны критическая школа в социальных науках призвала к проведению исследований, которые не только описывали бы текущее положение дел, но также содержали бы критические замечания и способствовали изменениям. Исследователи заинтересовались взаимоотношениями между властью и доминированием и искали ответы на вопрос, какое влияние это может оказывать на языковое разнообразие.

Грилло (Grillo 1989) использовал понятие «миноритизации», чтобы описать процессы, при которых государственный доминантный язык естественно принимается как нормальный язык, а недоминантные языки связываются с этническими идентичностями (которые не являются государствообразующими). Эта идея продолжает существовать в современном восприятии, которое смешивает этничность с расизмом (Fishman 1997: 337).

Языковые идеологии часто действуют на скрытом и подсознательном уровне. Люкес (Lukes 2005: 28) подчеркивает, что меньшинства могут быть принуждаемы к принятию подчиненной и зависимой роли как чего-то естественного или даже данного сверху божеством или судьбой. Пользуясь теорией Люкеса о радикальной власти, Тойванен (Toivanen 2001, 2007) утверждает, что современный дискурс, касающийся прав меньшинств, может заставить активистов требовать унифицированной и гомогенной языковой идентичности. Иначе эти активисты рискуют оказаться за пределами проекта международной защиты прав меньшинств (Toivanen 2007). Социология и антропология не только задокументировали так называемые исчезающие языки, но также сыграли роль в создании соответствующих сообществ.

2.6.4 Анализ дискурса СМИ

В проекте ELDIA была выбрана методика критического анализа дискурса СМИ. Критический анализ содержания имеет своей целью проследить, что пытаются сказать в тексте, в том числе посредством привлечения определений взаимоотношений с властью (Wodak & Meyer 2009). В анализе акцент делается на раскрытии искаженных и

непропорциональных отношений с властью и стереотипов, основанных на неравном представлении в СМИ.

Целью и задачей анализа дискурса СМИ было предоставление информации о том, как языки, в особенности языки меньшинств, а также представители данных языковых сообществ представлены в СМИ большинства и меньшинства. Также проект стремился пролить свет на то, какая языковая ситуация имеет место в обществе данной страны или региона. Результаты и итоги этой части подведены в разделе 4.8.

2.6.5 Социологический аспект в проекте ELDIA

В проекте ELDIA социологический подход был инновационной попыткой понять социальные и культурные факторы и баланс сил, которые влияют на то, насколько определенные языки жизнеспособны или находятся под угрозой в современной Европе. Мы очевидным образом избегали рассмотрения языков как гомогенных и неизменных систем «вымышленных сообществ» (Anderson 1990). Вместо этого отправной точкой для нас стал тот факт, что языковое разнообразие это не мера для сравнения равенства, а само основание равенства (Wendel & Heinrich 2012: 145).

Исследование меньшинств как традиционных сообществ часто сосредотачивалось на фольклоре, традиционной культуре и издавна сформировавшихся формах жизни людей (Nelde, Strubell & Williams 1996: 60). В глобализованных обществах (см. раздел 2.5), исследователям пришлось преодолевать «фольклористический» стереотип. Финно-угорские языковые меньшинства, хотя и сильно отличаются друг от друга (см. разделы 1.4, 4.2), все же являются частью глобальных макроструктур и субъектами в рамках глобальных политических и культурных процессов. Наличие социологического анализа в проекте ELDIA означает, что факторы власти, глобальной и местной, приводящие к формированию языковой идеологии и, как следствие, изменению и потере языков, а с другой стороны дающие возможность остановить смену языка, привлекли большое внимание.

В нашем исследовании мы сосредоточились на многоязычии. Хотя отношения между меньшинством и большинством редко бывают прямыми и очевидными. Так, носители квенского языка связывают свой статус не только с положением норвежцев, но и с северными саамами, носителями финского языка и носителями всех других языков, используемых в северной Норвегии, а также со всеми, кто отказывается признать за квенским статус отдельного языка. Такие разнообразные языковые связи, взаимодействия и взаимоотношения трудно изучать без непосредственного участия в них и наблюдений за ними, а также без проведения глубоких и вдумчивых интервью.

2.7 Исследования финно-угорских языков

Финно-угроведение в самом широком смысле может пониматься как общий термин, охватывающий как историко-сравнительные или этнографическо-фольклористские

исследования, так и современную венгерскую, финскую или эстонскую филологию (и даже изучение культуры и истории этих народов) или изучение саамского языка (см., к примеру, Lehtola 2005). Угристика представляет собой особый случай вследствие исторических событий, последовавших за окончанием Первой мировой войны, которые сделали самоидентификацию венгров серьезным политическим фактором и предметом исследования отдельной дисциплины (*magyarságtudomány, hungarológia*; см., к примеру, Kovács 2008).

Финно-угорские и саамские языки меньшинств традиционно исследовались в рамках историко-сравнительного метода, который сосредотачивался на традиционных диалектах и допромышленной культуре. Использование современных языков исследовалось в меньшей степени. Новые методы прикладного лингвистического анализа ограничены исследованиями в местных, региональных и национальных рамках, сравнительно мало информации о новых исследованиях существует на английском языке и на международных форумах.

При реализации проекта ELDIA мы опирались на традиции финно-угорских исследований, но также применяли и совершенно новые средства и методы исследования, поскольку это был международный проект, финансируемый Европейским союзом. Тематики исследований в рамках проекта ELDIA, т. е. многоязычие и языковое разнообразие, не новы для финно-угорских исследований, однако никогда ранее исследования не проводились в столь широком масштабе.

С этой точки зрения на финно-угорские исследования, ELDIA имеет один серьезный недостаток. Вследствие причин практического и административного характера, при осуществлении проекта нам не удалось охватить большую группу финно-угорских языковых меньшинств европейской части России. Это тем более вызывает сожаление потому, что многие финно-угорские языки на этой территории находятся под угрозой, но об этом их положении совсем мало знают на Западе. Даже эксперты (см., например, Yağmur & Extra 2011) могут принимать за чистую монету правительственные заявления о поддержке и развитии языков финно-угорских меньшинств в России.

2.8 Поддержка языков в качестве объекта социолингвистического исследования

2.8.1 Поддержка языков и языковой сдвиг в контексте социолингвистического исследования

Как правило, если язык находится под угрозой, это означает, что сообщество, говорящее на этом языке, ощущает, что оно, вероятно, может отказаться от использования своего языка в пользу другого языка, имеющего в обществе более высокий статус и более широкое употребление. Такой процесс утраты языка обычно называется языковым сдвигом (*language shift*). Если группа людей продолжает использовать свой язык хотя бы в

какой-то степени, можно говорить о сохранении и поддержке языка (*language maintenance*). Тем не менее, языковые сообщества могут иметь, использовать и поддерживать много языков, так что многоязычие не предполагает непременно языкового сдвига и утраты какого-либо из языков.

Изучение явления поддержки и сохранения языка, а также языкового сдвига является важной частью социолингвистических исследований, по крайней мере, начиная с 60-тых годов XX века. ELDIA пользуется наработанным опытом в этой сфере. Наиболее ранние социолингвистические исследования основывались на предположении, что имеющий большой престиж язык будет использоваться сначала в тех областях языковой коммуникации, которые также являются более престижными и имеют большее значение, а впоследствии распространится также на другие области коммуникации и речи. Тем не менее, во многих случаях, рассмотренных проектом ELDIA, языки меньшинств до недавних пор вовсе не использовались в высоких сферах речевой коммуникации, например в парламентах, государственной администрации, судах и т. п. Таким образом, носители языков меньшинств борются не столько против исчезновения своего языка, сколько за его распространение и начало его использования во всех сферах жизни. Это предполагает принятие активных мер и развитие воли к достижению этой цели, причем оба этих процесса идут снизу общества, а не сверху.

К концу 60-тых годов XX века акцент на сохранение и поддержку языка распространился также на процессы внутри языковых групп, на уровень двуязычия в рамках центральных сфер коммуникации и на отношение к языкам и многоязычию. Более того, с 1970-тых годов увеличивается число исследований корреляций между социальными факторами или социальными сетями и выбором языка. Этот последний аспект не был непосредственным объектом исследования ELDIA, но такие языковые аспекты могут исследоваться в дальнейшем с привлечением данных из проекта ELDIA.

2.8.2 Факторы, влияющие на поддержку и сохранение языка и языковой сдвиг

Как было показано в целом ряде исследований, сохранение языка зависит от передачи языка от поколения к поколению внутри семьи, от коллективной воли данной группы людей поддерживать и сохранять свой язык в качестве символа идентичности, а также от постоянного присутствия областей языковой коммуникации помимо сферы домашнего общения, где язык возможно и необходимо использовать. Но ни одно из этих необходимых обстоятельств или условий не находится всецело в распоряжении этой группы людей и не зависит целиком только от их выбора.

Процессы модернизации связаны с наличием географической и социальной мобильности, смешанных браков и урбанизации, которые все вместе, как кажется, способствуют размыванию и исчезновению языковых меньшинств. С другой стороны, модернизация также способствовала подъему и развитию движения эмансипации меньшинств по всему миру. Языковая эмансипация привела к развитию новых литературных языков, что,

впрочем, может быть и контрпродуктивно, если говорящие на языке не принимают его нового стандарта.

Клайн (Clyne 1991) в своем исследовании разнообразных языковых контекстов среди иммигрантов в Австралии, делит факторы, способствующие сохранению языка, на явные, очевидные и амбивалентные. Некоторые факторы, такие, как уровень образования иммигрантов или размер их группы, могут иметь как позитивный, так и негативный эффект. Сохранение языка зависит от уникального в каждом случае стечения обстоятельств и условий, а также их взаимодействия в данном контексте. Хотя исследование ELDIA и применявшиеся в ходе него инструменты помогли собрать информацию о целом ряде разнообразных факторов, не все из них могут быть проанализированы или рассмотрены в Барометре жизнеспособности, однако собранная информация дает возможность и перспективы для дальнейших исследований.

Идея, что определенный происходящий в настоящее время языковой сдвиг может быть приостановлен или обращено вспять, была впервые предложена Фишманом в 1966 году и стала известна более широко благодаря его монографии «Перенаправляя языковое смещение», опубликованной в 1991 году. С тех пор был развит целый ряд подходов и стратегий, направленных на ревитализацию языков, находящихся под угрозой (см., например, Fishman 2001; Tsunoda 2005; Grenoble & Whaley 2006; Olthuis, Kivelä & Skutnabb-Kangas 2013). Некоторые из этих методик предоставляют очень конкретные модели поддержки и мобилизации языковых сообществ. Основной упор среди меньшинств, исследованных в рамках проекта ELDIA, делается на международное сотрудничество и совместную работу исследователей и активистов по созданию языковых гнезд, т.е. возможностей языкового погружения для детей дошкольного возраста.

Исследование показало, что усилия, которые предпринимаются, чтобы сохранить и поддержать языки меньшинств, приносят большой эффект, если они поддерживаются одновременно государством, неправительственными общественными организациями, в рамках самого меньшинства и международными организациями. В проекте ELDIA были учтены все эти три аспекта, в особенности при контекстном анализе и анализе законодательства (см. раздел 4.9), а также при анализе данных, полученных в результате проведенных интервью. Исследование ELDIA охватывает широкий спектр возможного положения дел, начиная с очень скромного уровня (как, например, недавно организованная группа дневного пребывания для карельских детей в Финляндии) и до пользующихся большой институциональной поддержкой венгров в Словении или северных саамов в Норвегии.

Хотя члены меньшинств часто желают видеть и ощущать поддержку и помощь своему родному языку, только малая их часть активно способствует этому. Очень часто такие активисты – это профессиональные лингвисты. Подобная двойная роль лингвистов как активистов и экспертов при разработке программ оживления языка поощряется и продвигается многими учеными (например, см. Fishman 1972: 19, 1990 и 1991; Krauss 1992; UNESCO 2003), но с осторожностью воспринимается некоторыми другими (см.,

например, Edwards 1995: 174). Среди исследователей проекта ELDIA лишь немногие были активистами меньшинств, но в течение всего проекта особое внимание уделялось постоянному взаимодействию между исследователями, заинтересованными сторонами, людьми, принимающими важные решения, и активистами исследуемых сообществ.

2.8.3 Модели и инструменты оценки угрозы языку

По-видимому, наиболее широко известной моделью оценки угрозы языку и возможности его ревитализации является шкала оценки промежутков (разрывов) между поколениями, разработанная Фишманом в 1991 году. Шкала эта является восьмибалльной и оценивает степень угрозы языку, начиная с практически полного его исчезновения и заканчивая полноценной поддержкой государством. Модель, предложенная Эдвардсом в 1992 году, состоит из одиннадцати параметров, характеризующих жизнеспособность языка данной группы. Этими параметрами являются демография, экономика, образование, география, история, языкознание, СМИ, политика (политика, законодательство и действия правительства), психология, религия и социология. Каждый из этих аспектов должен оцениваться под тремя различными углами: с точки зрения пользователя данного языка, с точки зрения самого языка и с точки зрения среды и окружения. Такая модель или ее варианты применялись во многих исследованиях поддержки языков (см., например, Yağmur 1997; Grenoble & Whaley 1998; Yağmur & Kroon 2003).

Как и в шкале, разработанной Фишманом, передача языка от поколения к поколению является одним из шести главных факторов, включенных в рамочный документ ЮНЕСКО по защите языков (UNESCO 2003: 7-17). Другими пятью факторами являются абсолютное число носителей данного языка, процент говорящих на языке по отношению к общему числу населения, изменения в сферах использования языка, реакция языка и говорящих на появление новых областей коммуникации и СМИ, доступность материалов для обучения языкам и грамотности (UNESCO 2003). Рамочный документ включает в себя также три других фактора, которые позволяют оценить языковые стратегии и подходы, а также отношение членов сообщества к своему собственному языку, а также количество и качество документации. Рамочный документ ЮНЕСКО содержит шестиуровневую шкалу для обработки и анализа каждого из факторов и демонстрирует – особенно в недавно обновленной версии на май 2011 года (= UNESCO 2011) – много очевидных сходств с проектом ELDIA.

Недостатки вышеупомянутой шкалы Фишмана и рамочного документа ЮНЕСКО побудили Льюиса и Симонса (Lewis & Simons 2010) разработать расширенную шкалу межпоколенческих промежутков (разрывов). Эта шкала более подробна и содержит простой метод оценки уровня угрозы языку посредством ответов на пять ключевых вопросов, касающихся функции идентичности, уровня использования языка, передачи языка, грамотности носителей и использования языка между поколениями. Эта модель также часто критиковалась за свою излишнюю статичность и содержащиеся в ней взаимопересекающиеся и избыточные категории (Landweer 2012).

В дополнение к этим моделям поддержка языка исследовалась в связи с этнолингвистической жизнеспособностью языка, которую Жиль, Бури и Тэйлор (Giles, Bourhis & Taylor 1977) определяют как «то, что способствует тому, что группа действует как ярко выраженное сообщество внутри межгруппового окружения». Согласно первоначальному исследованию этих ученых в 1977 году, этнолингвистическая жизнеспособность языка зависит от демографических факторов (например, от количества и соотношения рождений и смертей, числа смешанных браков, показателей иммиграции и эмиграции), факторов статуса (экономического статуса, социального статуса в оценке самого человека, статуса языка), а также различных показателей и индексов институциональной поддержки (например, в школах, правительстве или судах). Несколько лет спустя Жиль, Бури и Розенталь (Giles, Bourhis & Rosenthal 1981), дополнили эту модель идеей о «субъективной этнолингвистической жизнеспособности языка», которая говорит о восприятии самой группой своего собственного языка и его жизнеспособности. Дальнейшие исследования четко показали, что этнолингвистическая жизнеспособность языка зависит от сложного взаимодействия многих факторов, которые в свою очередь меняются от ситуации к ситуации и поэтому с трудом поддаются анализу и измерениям.

Три актуальных поля деятельности социолингвистики (исследование сохранения языков и языковых сдвигов, исследование угрозы языку и ревитализации и исследование этнолингвистической жизнеспособности, языка) пересекаются часто и во многих отношениях. Вопросы, общие для всех этих сфер, включают в себя, к примеру, показатели присутствия или отсутствия экономической мотивации использовать определенный язык, наличие или отсутствие доступа к преобладающему языку, модели использования языка в рамках одного поколения и между поколениями, социолингвистические сети, участие в общественных институтах (школы, религиозные учреждения), доступ к СМИ и их использование, а также представления группы людей о своем языке, его использовании и об уровне владения данным языком. Все эти факторы были также исследованы в рамках проекта ELDIA.

3 От полевых исследований к Барометру жизнеспособности европейских языков: сбор социолингвистических данных и их анализ в ELDIA

3.1 Социолингвистические данные и методы сбора данных в ELDIA

3.1.1 Теоретическое исследование

Теоретическое исследование в области социолингвистики выполнялось в течение первых шести месяцев работы этого проекта в соответствии с *Руководством по контекстному анализу ELDIA (2010)*, подготовленному под наблюдением Рихо Грюнталя (Университет Хельсинки). Централизованно спланированная модель исследования сделала сопоставимыми отчеты по тематическим исследованиям. Однако ее использование могло привести к тому, что авторы пренебрегали некоторыми интересными особенностями и повторяли широко известные и неинтересные факты. Изучение отдельных случаев открыло перед нами существенную разницу между хорошо изученными целевыми группами и другими, которые едва ли бывали предметом серьезного исследования (в частности, карелы в Финляндии).

Уже на ранней стадии тематические исследования показали значительные различия: некоторые целевые группы были разносторонне изучены (хотя в основном в национальных или региональных рамках), некоторые немного меньше (эстонцы в Финляндии, венгерские мигранты в Вене, квены в Норвегии), а некоторые вообще не изучались ранее (карелы в Финляндии). Ни для одного из языков, изучаемых в ELDIA, не было доступных крупномасштабных исследовательских данных.

3.1.2 Анкетирование

Целью сбора эмпирических данных было накопление новой информации в систематическом порядке для разработки барометра. В дополнение к группам меньшинств контрольные группы, представляющие всех других граждан обсуждаемой страны, также были обследованы и интервьюированы, за исключением Германии, где эстонское меньшинство настолько мало и рассеяно по стране, что большинство часто даже не знает о его существовании. Все новые эмпирические данные, собранные в ELDIA, резюмируются по каждому конкретному случаю в таблице 1:

Тематическое исследование	Количество розданных анкет		Количество полученных анкет		Коэффициент ответов в %		Количество интервью		Материал интервью (часы:минуты)	
	Целевая группа	Контрольная группа	Целевая группа *	Контрольная группа *	Целевая группа	Контрольная группа	индивидуальный	группа	Индивидуальный	группа
Меянкиели в Швеции	941	1000 ⁴	554	227	58.87	22.7	7	8	07:15	13:11
Финский в Швеции	1000		369		36.9		-	-	-	-
Квенский в Норвегии	1500	1000	85	107	5.67	10.7	8	8	04:45	10:10
Северосаамский в Норвегии	1500		104		6.93		8	6	07:07	08:50
Вепсский в России	301	302	299	302	99.34	100	7	6	05:51	05:31
Карельский в России	301		296		98.34		6	6	04:16	07:17
Карельский в Финляндии	1034	800	356	146	34.43	18.25	8	8	08:33	12:13
Эстонский в Финляндии	800		170		21.25		8	8	09:58	11:18
Эстонский в Германии	420	нет	71	-	16.9	-	8	3	13:03	05:33
Венгерский в Австрии	573	608	200	119	34.9	19.57	8	8	14:48	07:07
Венгерский в Словении	1000	1000	294	195	(29.4)	19.5	12	6	05:16	02:28
Сету в Эстонии	418	1000	294	363	70.33	36.3	8	8	06:38	06:20 ⁵
Вырусский в Эстонии	409		296		72.37		8	8	05:54	07:56
Всего	10197	5710	3388	1459	33.23	25.55	96	83	93:24	97:54

Таблица 1. Эмпирические данные, используемые в ELDIA

За исключением тематических исследований в России (вепсского и карельского языков) и Эстонии (вырусского и сету), которые проводились тет-а-тет с полевыми исследователями, помогавшими респондентам заполнить анкеты, все остальные исследования были проведены по почте. Процент ответов был низким, что, вероятно, было связано с разными

⁴ Анкеты совместной контрольной группы были использованы для меньшинств, которые исследовались в одной и той же стране, то есть для меянкиели и финского языка в Швеции, северосаамского и квенского в Норвегии, карельского и эстонского в Финляндии, карельского и русского языков в России, а также для сету и вырусского в Эстонии. В случае эстонского языка в Германии опрос контрольной группы не производился.

⁵ Из групповых интервью сету 1:46 проводились для сету и вырусского совместно.

причинами в каждом конкретном случае и с тем фактом, что опросник был длинным и сложным. При анкетировании контрольной группы, доля ответивших была еще меньше, и это заставляет нас предположить, что большинство в целом в меньшей степени заинтересовано в делах национальных меньшинств.

Все данные исследования и интервью были сохранены в базе данных ELDIA-DATA, которая после окончания проекта будет доступной по запросам для исследователей не из ELDIA.

3.1.2.1 Определение целевой группы населения и процедура составления выборки

Мы решили обратиться к носителям языка меньшинства или их наследникам вплоть до 4-го поколения в четырех возрастных когортах: 18-29; 30-49; 50-64 и старше 65 лет. Для групп мигрантов применялся дополнительный критерий минимального 12-месячного пребывания в принимающей стране. Изучаемая совокупность контрольной группы была определена как все люди, кроме говорящих на языке меньшинства или их потомков. Возрастные когорты были те же, что и для меньшинства. Адресаты анкеты были отобраны путем случайной выборки. Так как условия отбора (группы, из которых были выбраны адресаты) различались между исследуемыми популяциями, фактические процедуры случайных проб различались. Во многих тематических исследованиях фактически отобранные люди по возрасту смещены в сторону старшего поколения, что отражает реальную возрастную структуру меньшинств, а также тот факт, что в некоторых случаях основа выборки должна была базироваться на информации из членских реестров организаций меньшинств.

3.1.2.2 Анкеты

Были использованы две разные опросные анкеты: одна для целевой группы, другая для контрольной группы. Обе анкеты были переведены с оригиналов на английском и финском языках на языки большинства тех стран, где велся опрос, а опросник целевой группы был также переведен на языки меньшинств, что вместе составило восемнадцать разных языков и диалектов⁶. Оригинальные анкеты были опубликованы в виде приложений к докладам по тематическим исследованиям. Номера вопросов, используемые в дальнейшем, относятся к нумерации в анкетах-оригиналах. Образец опросника, опубликованный вместе с набором инструментов EuLaViBar – это сильно отредактированный и пересмотренный вариант.

Анкета целевой группы была разделена на семь тематических разделов:

А. биографический раздел: возраст, место рождения, образование, профессия;

⁶ Анкета для целевой группы для карелов в Финляндии была распространена в трех разных переводах (на собственно-карельский язык (юг), ливвиковский язык, или олонецкий карельский, а также на карельский бассейна Белого моря). В Финляндии контрольная группа получала свои анкеты на финском и на шведском, а в Эстонии – на эстонском и русском языках.

Б. 21 вопрос об овладении языком и его изучении, использовании языка в семье и в школе, а также три вопроса об отношении к использованию языка меньшинства в общении с детьми;

В. самостоятельная оценка респондентом своих языковых навыков, максимально в семи языках по пятибалльной шкале в четырех аспектах (понимание, говорение, чтение, письмо);

Г. самостоятельная оценка респондентом того, насколько активно он использует язык в двенадцати сферах (дома, с родственниками, на работе, с друзьями, в магазине, с органами власти и т. д.), максимально по четырем языкам;

Д. 27 вопросов о впечатлении респондента от различных языков и его отношении к ним (эти вопросы касались языка меньшинства, языка большинства и английского языка);

Е. два вопроса о возрождении языка меньшинства и его использовании в пятнадцати различных общественных сферах (например, в парламенте, в полицейском участке, в налоговых органах, в больнице, на радио и телевидении);

Ж. два длинных вопроса об употреблении респондентами различных культурных продуктов (театр, концерты) и СМИ (газет, книг, телевидения, интернета, электронной почты, текстовых сообщений, онлайн медиа, блогов, социальных сетей и т. д.), а также их собственном использовании каждого языка для создания культурных продуктов (например, ведения дневника, пения песен или сочинения стихов).

Анкета для исследования контрольной группы была основана на содержании и структуре анкеты целевой группы, но вопросы были перефразированы, их порядок изменен, некоторые из них были пропущены, а несколько новых вопросов добавлено.

3.1.3 Интервью

В соответствии с общим планом Ярмо Лайнио и команды ELDIA в Тарту, каждое тематическое исследование должно было включать в себя:

- восемь индивидуальных интервью с одним мужчиной и с одной женщиной в каждой из четырех возрастных групп (18-29, 30-49, 50-65, старше 65 лет),
- восемь интервью в целевой группе с представителями меньшинства (четыре возрастные группы с «родительским поколением» 30-49 лет, разделенным на женскую и мужскую группы, политики и гражданские служащие среди представителей меньшинств, активисты меньшинств, представители СМИ меньшинств)
- два интервью с представителями большинства (контрольная группа): политики и государственные служащие, представители средств массовой информации.

Были такие тематические исследования, в которых некоторые запланированные интервью в фокус-группах не могли быть проведены из-за технических трудностей в

поиске интервьюируемых; в Германии не проводилось анкетирование контрольной группы, поэтому интервью языкового большинства не организовывались.

Интервью с представителями целевой группы и контрольной группы проводились по единому шаблону тематических интервью, который модифицировался, чтобы отвечать нуждам каждого конкретного случая. Главными темами групповых интервью были двуязычие и многоязычие, использование различных языков в повседневной жизни, важность языка меньшинства для ролей и идентичности индивида и вопрос отношения к меньшинству, а также разнообразию в целом.

Отдельные интервью с представителями целевой группы были разработаны для сбора всесторонней информации в рамках четырех тематических областей: (I) опыт респондента и его мысли о его родном языке и (II) других языках, (III) отношении к многоязычию и (IV) отношении к языкам и модернизации.

3.1.4 Процедуры анализа эмпирических данных

Анализ данных проводился согласно разработанному *Руководству по анализу данных ELDIA* и его *Продолжению*, которые были составлены Аннели Сархимаа и Евой Кюххирт (Университет Майнца, Германия) при поддержке Сии Спилиопулу-Окермарк (Аландские острова, Институт Мира), а также исследователями проекта. Исследователи, занимающиеся тематическими исследованиями, проанализировали статистические данные, предоставленные рабочей статистической группой (под руководством Кари Дьерфа) и составили сводку ответов по каждому вопросу. Устные ответы и комментарии были проанализированы вручную и приняты во внимание в обзоре анализа данных.

Интервью, записанные на аудио и видео, были сперва расшифрованы с помощью программы *Transcriber*, предназначенной для сегментации и расшифровки речевых сигналов, а затем орфографическая транскрипция была аннотирована с помощью программы *ELAN*, в которой были отмечены содержание интервью (темы дискурса) и некоторые лингвистические явления. Транскрипции вместе с краткими описаниями каждого интервью будут доступны для дальнейших исследований в базе данных ELDIA.

3.2 Оценка поддержания языка

3.2.1 Рассуждения, лежащие в основе инструмента оценки ELDIA

До сих пор все модели и инструменты для оценки устойчивости языков (см. раздел 2.8) подвергались критике, в особенности за пренебрежение определенными параметрами и, следовательно, за неспособность предоставить общеприменимый оценочный инструментарий (см., например Edwards 1992; Grenoble & Whaley 1998; Ehala 2009, 2012). Участники проекта ELDIA попытались охватить максимальный спектр важных аспектов языкового разнообразия, употребления и поддержания. Однако, что парадоксально,

богатство данных вызвало одну из главных методологических проблем: как разработать систему оценки, которая будет охватывать максимальный набор факторов, и одновременно будет достаточно простой и удобной для использования в тематических исследованиях ELDIA и в исследованиях других языков, где она будет применяться после завершения проекта?

3.2.2 Шкала поддержания языка ELDIA

Жизнеспособность языка должна быть измеримой с точки зрения того, насколько его носители (I) хотят и могут его использовать, (II) могут использовать его в широком спектре общественных и частных контекстов, и (III) поддерживаются обществом в стремлении развить язык и передать следующим поколениям. Такое понимание жизнеспособности языка было воплощено в шкале поддержания языка ELDIA:

- 0 **Язык находится под угрозой исчезновения.** Язык "помнится", но не используется спонтанно или в активном общении. Его использование и передача не защищены и не поддерживаются институционально. Детей и молодежь не поощряют в изучении или использовании этого языка.
→ Необходимы срочные и эффективные меры активизации для предотвращения полного исчезновения языка и для восстановления его использования.
- 1 **Поддержка языка находится под сильной угрозой.** Язык используется в активной коммуникации хотя бы в некоторых случаях, но есть серьезные проблемы с его использованием, поддержкой и/или передачей, до такой степени, что можно ожидать полного прекращения использования языка в обозримом будущем.
→ Нужны немедленные эффективные меры для поддержки или усиления поддержки и возрождения языка.
- 2 **Поддержание языка находится под угрозой.** Использование и передача языка уменьшаются или, по всей видимости, исчезают в некоторых ситуациях или в некоторых говоривших на нем группах. При сохранении такой тенденции использование языка может полностью прекратиться в обозримом будущем.
→ Должны быть приняты эффективные меры по поддержке и поощрению использования и передачи языка.
- 3 **Язык до некоторой степени поддерживается.** Язык поддерживается институционально и используется в различных ситуациях и в различных функциях (а также за пределами самой базовой зоны его использования, например семьи). Он, как правило, передается следующему поколению, и многие из его носителей, как кажется, способны и готовы развивать устойчивые модели многоязычия.
→ Меры по поддержке технического обслуживания язык оказались успешными и их необходимо принимать и далее.
- 4 **Язык поддерживается в данный момент.** Язык используется и продвигается в широком диапазоне разных контекстов. Язык, по-видимому, не находится под

угрозой: ничто не указывает на то, что (значительное количество) говорящих откажется от использования этого языка и передачи его следующему поколению, пока его социальная и институциональная поддержка остается на уровне, имеющемся в настоящий момент.

→ Язык необходимо наблюдать и поддерживать в долгосрочной перспективе.

Шкала ELDIA отличается от всех других шкал тем, что она работает с четырьмя основными факторами (передача, использование, готовность (желание) и институциональная поддержка), названия категорий даны как формулировка степени угрозы поддержания языка, а определения включают краткие рекомендации относительно того, что должно быть сделано, чтобы улучшить или сохранить текущее положение дел.

Шкалы поддержания языка, его жизнеспособности и опасности его исчезновения с опорой на серьезные научные знания могут быть созданы сравнительно просто. Реальная сложность, однако, заключается в разработке последовательной системы для оценки потенциала поддержания языка теми факторами, которые были определены как решающие для каждой модели на каждом из уровней, включенном в нее.

3.2.3 Принципы практического применения данных опроса

Для преобразования результатов исследования в баллы EuLaViBar была разработана система классификации ответов, ставшая "продолжением" руководства по анализу данных. Система оценки в ее новой редакции прилагается к инструментарию EuLaViBar.

В Примере (1) показан результат обработки «вручную» вопроса 23 из опросника для карельского языка в Финляндии.

(1) Вопрос 23: Когда вы были ребенком, были ли попытки не давать родителям говорить с детьми на языке меньшинства? Если да, то в чем это выразалось?

Вопрос 23: Возможности, Желание											
Уровень баллов Барометра:		0		1		2		3		4	
Вопрос	Частота	Дома, в школе и где-либо еще		Дома и в школе		Дома или в школе		Где-либо еще		Нет	
		N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
23	35	5	14.28	2	5.71	27	77.14	9	25.71	-	-

Как показано в этом примере, градуированная система также определяет каждый вопрос в анкете с точки зрения того, как полученная информация связана с Потенциалом, Воз-

возможностями, Желанием или Продуктами языка как зонами фокуса Барометра жизнеспособности европейских языков. Многие вопросы в анкете обеспечивают информацию, которая касается сразу нескольких зон фокуса Барометра, и таким образом для конкретного случая дают оценку сразу по двум разным разделам барометра.

При использовании такой системы градации оценки поддержания языка (в числовых значениях) были рассчитаны для каждой области фокуса в целом и для каждого параметра внутри них.

3.2.4 EuLaViBar и другие инструменты оценки: сходства и различия

Как было показано выше, подход ELDIA так же, как и другие инструменты для оценки жизнеспособности языка, измеряет угрозу языку с точки зрения:

- а. передачи языка между поколениями,
- б. (фактического) использования языка,
- в. степени институциональной поддержки (сюда относятся возможности использования языка; языковые продукты) и
- г. готовности носителей использовать язык в официальной и в неформальной обстановке.

Этнолингвистические исследования жизнеспособности языков имели свою теоретическую подоплеку главным образом в социальной психологии, в то время как другие подходы, то есть GIDS, базовый подход ЮНЕСКО, EGIDS и ELDIA, развивались в рамках социолингвистики. Есть, впрочем, существенные различия даже между социолингвистическими подходами, особенно в следующих областях:

- (I) относительный вес четырех центральных областей, представляющих интерес при определении степени сохранности языка или угрозы для него;
- (II) процедуры отнесения определенного языка в одной из категорий в континууме на практике;
- (III) приемы преобразования научных и других знаний в информацию о степени сохранности языка.

GIDS – это старейший из социолингвистических подходов. Он отличается от модели ELDIA по крайней мере в трех направлениях. Во-первых, основные зоны интереса имеют разный вес: уровни 6-8 сфокусированы на передаче языка, в то время как уровни 1-5 классифицируются на основе грамотности и грамотного использования (уровни 4 и 5) и использования языка в различных публичных областях (уровни 1-3). Во-вторых, оценка GIDS осуществляется экспертом или хорошо информированным непрофессионалом, а не на основе многомерного эмпирического анализа. В-третьих, никаких эмпирических данных не требуется для оценки GIDS, в то время как план исследования ELDIA включает в себя обширный сбор данных.

В Базовой программе ЮНЕСКО и EGIDS видно значительное сходство с подходом ELDIA, и подход ЮНЕСКО, вероятно, является одним из наиболее похожих на ELDIA. В своей современной форме подход ЮНЕСКО определяет девять критериев (они относятся к передаче языка, величине языкового сообщества, использованию языка, позиции (отношению) и документации). Ввод данных в основном похож на тот, который имеется в барометре EuLaViBar: каждый фактор оценивается по пяти- или шестибальной шкале. Однако в отличие от EuLaViBar применение инструментария ЮНЕСКО к языку не требует обширных данных, получаемых при исследовании. Так как оценка степени угрозы исчезновения языка требует подробного знания обо всей ситуации, инструмент ЮНЕСКО не выдает численных значений вообще. EuLaViBar же предоставляет численные значения, но подчеркивается то, что они должны толковаться только хорошо информированными конечными пользователями.

GIDS указывает только уровень угрозы исчезновения языка. В исследованиях EGIDS также выдается описание, в котором уделено внимание межэтническому общению на данном языке. Вторая особенность, которая делает инструментарий EGIDS более похожим на инструментарий ЮНЕСКО и на EuLaViBar, заключается в том, что инструментарий EGIDS содержит очень точные инструкции для практической оценки уровней угрозы (Lewis & Simons 2010: 15-21, 30). Как и в GIDS и в инструментарии ЮНЕСКО, EGIDS предполагает, что им будет пользоваться эксперт или хорошо подготовленный непрофессионал. Также, в отличие от модели ELDIA, EGIDS (как GIDS и Базовая программа ЮНЕСКО) работает с простыми ответами, где нет каких-либо градаций, и не требует данных систематизированного опроса.

В целом EuLaViBar существенно отличается от других инструментов в двух основных аспектах: (I) он основан на крупномасштабном опросном исследовании, и (II) степень сохранения языка иллюстрируется барометром по результатам исследования. Интересно, что именно в этих отношениях дизайн исследования ELDIA демонстрирует заметное сходство с исследованиями, проведенных в рамках парадигмы этнолингвистической жизнеспособности. Тем не менее, статистический анализ данных в этнолингвистических исследованиях жизнеспособности языков зачастую гораздо более сложный, чем в ELDIA (см., например, Ehala 2010, 2012; Yağmur & Kroon 2003; Yağmur & de Vijver 2011).

3.2.5 Краткая оценка EuLaViBar и некоторые предложения относительно его дальнейшего развития

В свете тематических исследований ELDIA кажется, что EuLaViBar достиг своих основных целей и может быть оценен положительно по крайней мере в следующих отношениях:

- EuLaViBar подчеркивает важность всесторонних данных и широкого обзора контекстных факторов.

- Результаты, даваемые барометром, соответствуют впечатлению о ситуации у экспертов и активистов, а это означает, что барометр, по всей видимости, функционирует правильно.
- Барометр выдает понятную и основанную на исследовании картину изучаемой ситуации.
- Процедуру оценки EuLaViBar можно повторить для наблюдения тенденции развития.
- Баллы EuLaViBar могут быть разбиты на их составные части, что позволяет провести более детальный анализ различных факторов, помимо общих результатов.
- EuLaViBar обращает внимание как на деятельность носителя языка (субъективный и индивидуальный выбор), так и на более широкий институциональный и социальный контекст.

И, наконец, над следующими недостатками еще необходимо поработать:

- Исследование EuLaViBar ресурсоемкое и занимает много времени.
- EuLaViBar измеряет только использование языка на уровне группы, объединяя вместе молодых и пожилых респондентов (людей, не достигших детородного возраста, достигших его и поколение бабушек и дедушек). Тем не менее, в принципе вопросы анкеты могут нам дать информацию о передаче языка через четыре поколения, и это будет принято во внимание в пересмотренном плане работы с инструментами EuLaViBar.
- При измерении языкового потенциала и его фоновых факторов в группах мигрантов барометр отражает лишь условия в стране происхождения мигранта. Таким образом, результаты барометра не могут быть интерпретированы без дополнительных знаний.
- В своем нынешнем виде инструментарий EuLaViBar не дает подробных рекомендаций о том, как барометры следует читать и как дополнительная информация должна или может быть систематически использована в интерпретации результатов.
- Четыре зоны фокуса (Потенциал, Возможности, Желание, Продукты языка) и измерения внутри них не «равны» в отношении эмпирической основы и значимости (несмотря на то, что на рисунке представлены четыре квадранта одинаковой величины). В некоторых из них оценка основана на большом количестве вопросов в анкете, тогда как другие рассчитываются на основе всего лишь нескольких вопросов (что может сделать их более уязвимыми в плане надежности).

- Зоны фокуса не отделены друг от друга четко, а пересекаются. Некоторые вопросы EuLaViBar определяют баллы одновременно по нескольким шкалам, а это означает, что, хотя измерения (шкалы) в принципе могут быть полностью независимы друг от друга, оценки EuLaViBar для разных шкал могут быть на практике в некоторой степени взаимосвязаны.

4 Основные области фокуса жизнеспособности языка: обобщенные итоги тематических исследований ELDIA

4.1 Тематические исследования ELDIA: обзор результатов опроса

Результаты расчетов EuLaViBar по четырем основным параметрам суммируются и визуализируются в диаграмме, представленной на Рисунке 3. Длина каждой строки указывает на общую жизнеспособность и поддержку языка в каждом языковом сообществе. Обратите внимание на то, что по всем группам максимальное количество баллов 4 x 4 = 16. Можно заметить, что меньшинства с четко утвердившимся и стандартизованным языком и/или «родным» государством (эстонский и венгерский языки) и/или высоким уровнем правовой защиты (северносаамский в Норвегии, венгерский в Словении) получили самые высокие баллы. Чуть ниже баллы у других традиционных (автохтонных) меньшинств. Показатели для квенов, очевидно, самые низкие, даже ниже, чем у носителей карельского языка в Финляндии и меянкиели в Швеции.

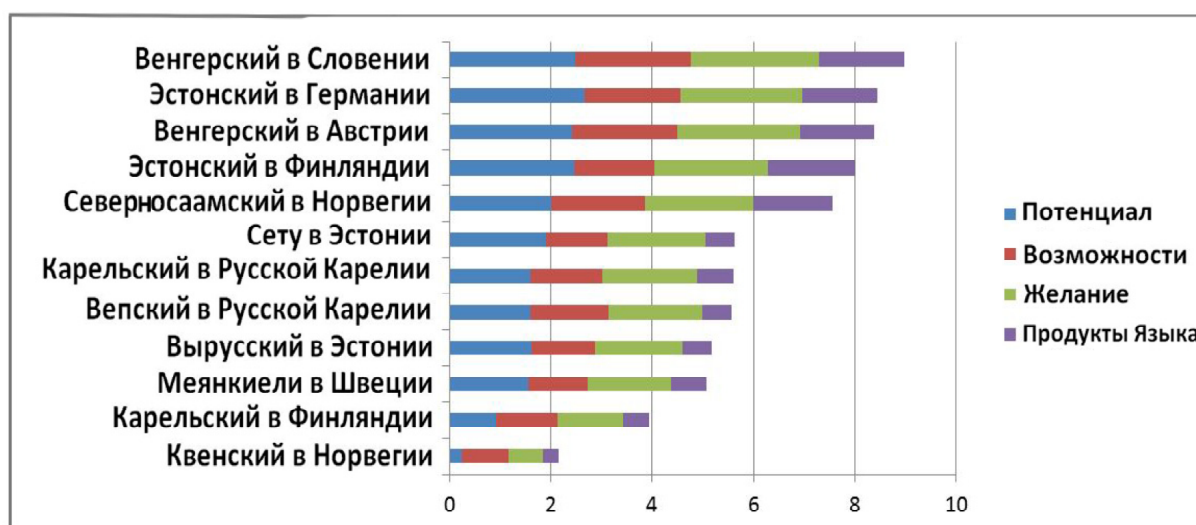

Рисунок 3. Обзор значений жизнеспособности для каждого языка, фигурировавшего в тематическом исследовании ELDIA.⁷

Стоит отметить, что самые низкие оценки были в северных странах (Финляндии, Норвегии и Швеции), несмотря на то, что эти страны держат высокий рейтинг во многих других показателях, ориентированных на большинство населения. Очевидно, ни развитость людей, ни эгалитарные традиции сами по себе не могут гарантировать жизнеспособность языков меньшинств. В северных странах меньшинства испытывают на себе давление,

⁷ Эта диаграмма была создана Кари Дьерфом; круговые диаграммы EuLaViBar, представленные в следующих главах, сделали Кари Дьерф и Ева Кюххирт.

прерывается передача языка, и даже в благосостоятельных и демократических обществах избавление от таких длительных «травм» требует времени и последовательных усилий.

В пределах одной и той же страны положение языка может очень сильно различаться, поэтому, как кажется, неразумно говорить о всенародном подходе к политике меньшинств и к поддержанию языка. Этот вывод подтверждается также и правовыми исследованиями.

4.2 Языковые сообщества

Языковые общины, исследованные ELDIA, и специфичные для конкретного случая результаты EuLaViBar кратко представлены далее (по географическому принципу, с юга на север). Следует иметь в виду, что графики EuLaViBar, представленные ниже, являются лишь инструментами для идентификации относительной силы и слабости поддержания языка, фигурирующего в опросе. Они не могут ни предсказать будущее отдельного языка, ни измерить его жизнеспособность в целом.

На графиках EuLaViBar, представленных ниже, цвета секторов показывают различные аспекты жизнеспособности языка, в то время как степень сохранности языка маркируется различными оттенками (чем темнее оттенок, тем больше угроза исчезновения языка), как показано на следующей схеме:

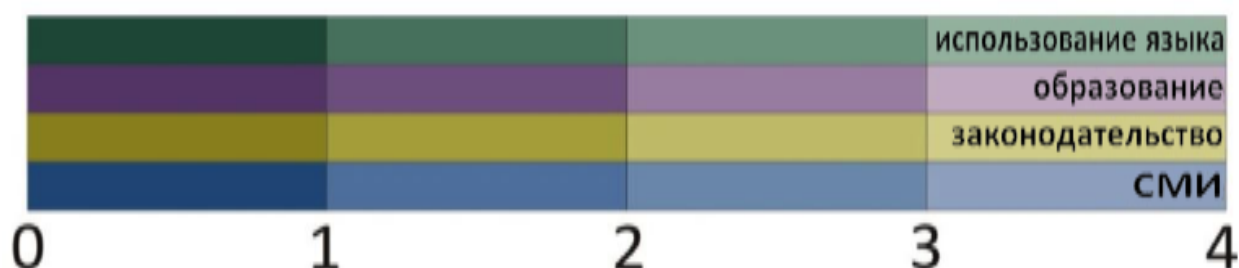

Рисунок 4. Цветовая кодировка измерений и градаций жизнеобеспечения языка на круговых диаграммах EuLaViBar.

4.2.1 Венгерский язык в Словении

Традиционное венгерское меньшинство в Словении, как и другие старые венгерские меньшинства в соседствующих сегодня с Венгрией странах, превратилось в меньшинство по Трианонскому мирному договору (1920), который отделил зону проживания венгров на северо-востоке Словении от старого Венгерского королевства. Большинство из более чем 7700 носителей венгерского языка в Словении принадлежит к этому старому меньшинству, но есть еще примерно 1000 венгерских мигрантов, живущих в разных частях Словении. Венгры в Словении официально признаны в качестве национального меньшинства и имеют высокую степень правовой защиты (подробнее см. Roter, 2012). Однако, несмотря на высокий уровень стандартизации языка, его развития и институциональной поддержки, использование венгерского в Словении, как кажется, в

некоторой степени уменьшается, венгерский язык в основном используется в частной сфере. (Kolláth & Gróf 2014.)

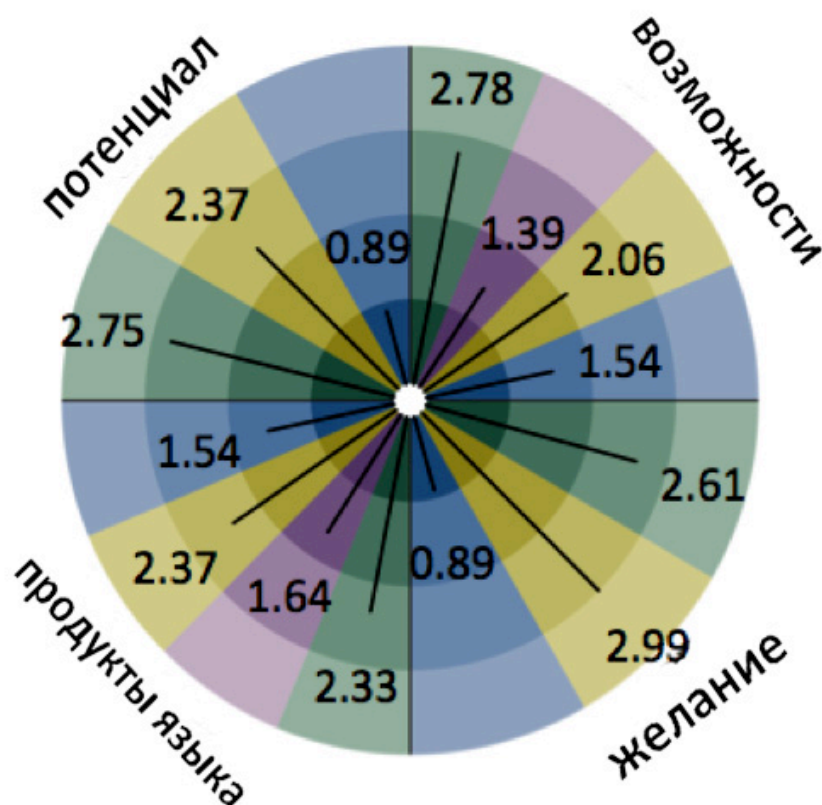

Рисунок 5. Диаграмма EuLaViBar для венгерского в Словении.

4.2.2 Венгерский в Австрии

Наряду с традиционным венгерским меньшинством в провинции Бургенланд, большинство этнических венгров в Австрии составляют мигранты, приехавшие после Второй Мировой Войны из Венгрии и соседних стран. Несколько лет назад общее число этнических венгров в Австрии, по разным оценкам, составляло около 55,000-60,000, но иммиграция из Венгрии растет, так что сегодняшние цифры, вероятно, намного выше.

Венгры официально признаны в качестве этнической группы (Volksgruppe) в провинции Бургенланд и в городе Вена (полевые исследования ELDIA были проведены в этих двух областях), но только в Бургенланде есть особая правовая защита использования венгерского языка при общении с властями и в системе образования. Таким образом, венгры занимают различные правовые позиции в Вене, в Бургенланде и в других провинциях Австрии (см. также Zwitter 2012).

Венгерское сообщество в Бургенланде сокращается на протяжении всего 20-го века в связи с ассимиляцией, и венгерский язык преимущественно используется в частной сфере старейшим поколением и больше не считается необходимой частью этнической идентичности (Csiszár 2013). Венгры в Вене придают большое значение своему языку, но

их хорошему владению языком и готовности использовать и передавать его противостоит плохое освещение языка в обществе, недостаточное количество СМИ и слабая институциональная поддержка венгерского языка (Berényi-Kiss, Laakso & Parfuss 2013).

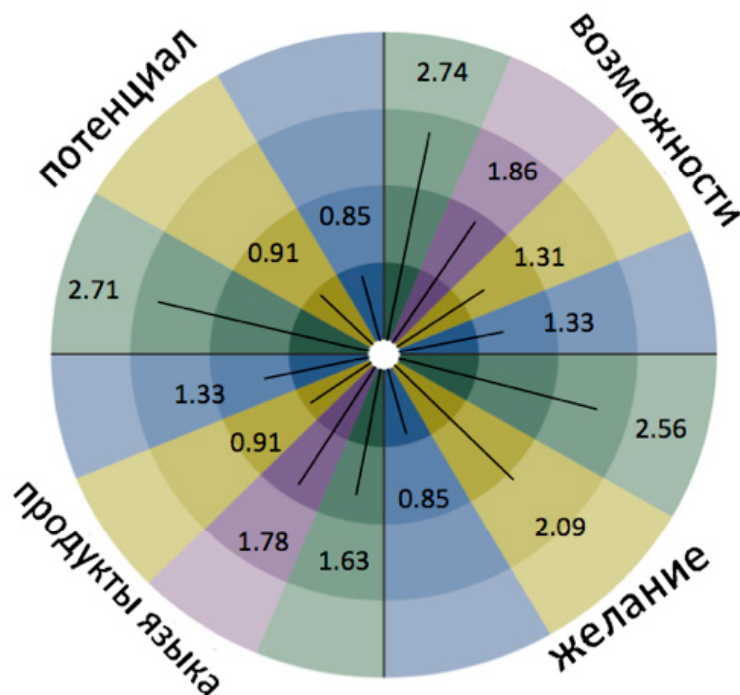

Рисунок 6. Диаграмма EuLaViBar для венгерского в Австрии.

4.2.3 Эстонский язык в Германии

После Второй мировой войны примерно 4000-6000 эстонских беженцев остались в ФРГ, но большинство представителей этих поколений в настоящее время уже умерли, так что, вероятно, большая часть эстонцев, живущих сейчас в Германии, приехали после 1991 года. Явное большинство граждан Эстонии в Германии – это женщины в возрасте от 20 до 50 лет, часто высокообразованные и, как правило, живущие в городских районах. В конце 2011 года насчитывалось 4840 граждан Эстонии, проживающих в Германии. Не все из них обязательно этнические эстонцы или говорят на эстонском языке, но никакой статистики по говорящим на эстонском языке людям или по этническим эстонцам с немецким или другим гражданством нет (Praagli, предстоящая публикация).

Роль эстонского языка не регулируется специально и не охраняется законом. Эстонцы, как небольшая и рассеянная группа мигрантов, не отражены в публичном дискурсе (Stephan 2012).

Эстонцы в Германии, как правило, придают большое значение эстонскому языку как важной части своей идентичности; в то же время они хорошо владеют немецким и другими языками, а молодые поколения определяют себя как "мультикультурные". Их возможности использования эстонского языка за пределами частной сферы весьма ограничены (Praagli, предстоящая публикация).

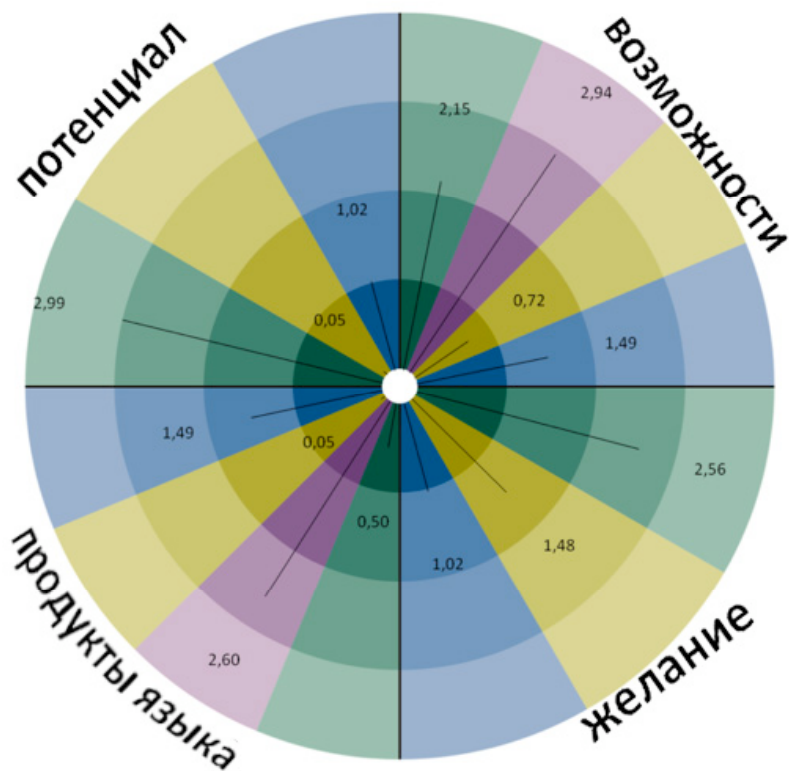

Рисунок 7. Диаграмма EuLaViBar для эстонского языка в Германии.

4.2.4 Сету в Эстонии

Сету (эст. setu) являются группой, чья традиционная область проживания, Сетумаа, теперь частично находится в юго-восточном углу Эстонии, а частично принадлежит России. Традиционно их язык классифицируют как южный диалект эстонского, но в связи с их отличающейся традиционной культурой, характеризующейся православной религией и тесными контактами с русской культурной сферой, сету могут рассматривать себя в определенном смысле отделенными от собственно эстонцев и теперь часто имеют двойную идентичность, определяя себя и как эстонцев, и как сету. По разным оценкам, число сету в Эстонии составляет около 5000-6000 человек (Koreinik 2013a). Во время последней переписи населения Эстонии (2011 г.) 12 549 человек сообщили, что в состоянии понимать диалект сету и говорить на нем.

Язык сету, хотя эстонское государство и поддерживает его сохранение и развитие, официально не признан как язык (см. также Meiorг 2012, Koreinik 2011). Особенно с конца 1980-х годов сету до некоторой степени использовался в письменной форме, а также преподавался в некоторых школах. Тем не менее, сету по-прежнему используется в основном в устной коммуникации и в частной сфере (Koreinik 2013a).

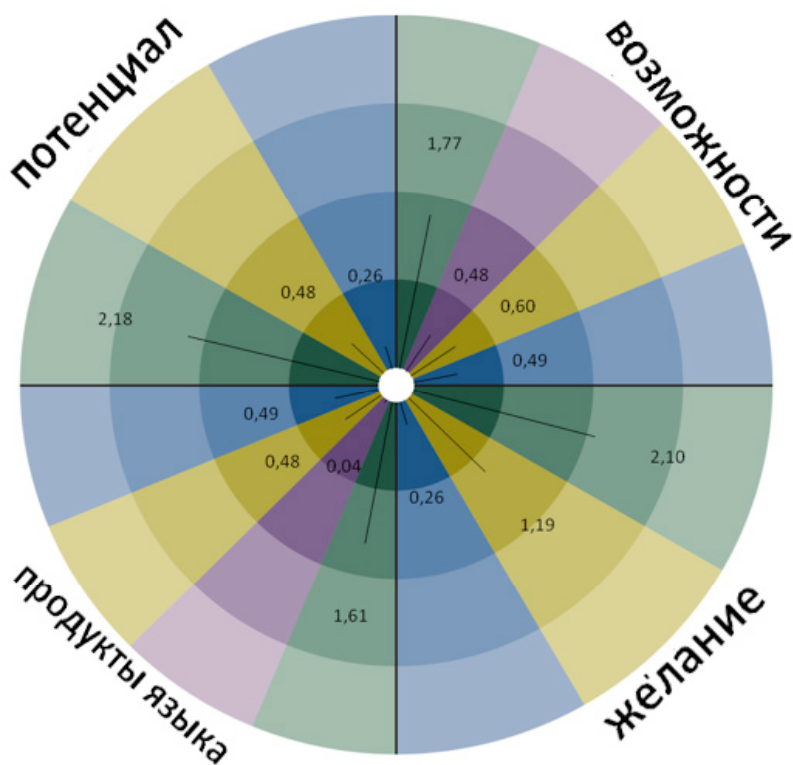

Рисунок 8. Диаграмма EuLaViBar для сету в Эстонии.

4.2.5 Вырусский (выру) в Эстонии

Вырусский (*võro*, «выро»; часть носителей этого языка называет его *võru*, «выру», это название также используется в стандартном эстонском языке) является южной разновидностью эстонского языка, традиционно считается диалектом эстонского. Вырусский лингвистически очень близок к сету, хотя существует граница в культуре и идентичности между этими двумя языковыми сообществами. Во время переписи населения Эстонии в 2011 году 87 048 человек сообщили о том, что они в состоянии говорить на вырусских диалектах (в том числе и на сету) и понимать их.

Вырусский использовался в разговорном общении в сельских районах вокруг города Выру (*Võro*) в Южной Эстонии вплоть до первого десятилетия после Второй мировой войны, когда урбанизация, мобильность и школьная система начали усиливать повсеместное использование стандартного эстонского языка. С конца 1980-х годов эмансипационное движение привело к появлению нового стандарта вырусской письменной речи, который, однако, не был единогласно принят всеми носителями языка. Вырусский в настоящее время используется до некоторой степени в литературе и средствах массовой информации и преподается в некоторых школах, но официально он не признан в качестве языка (Koreinik 2013b, см. также Meiorг 2012, Koreinik 2011).

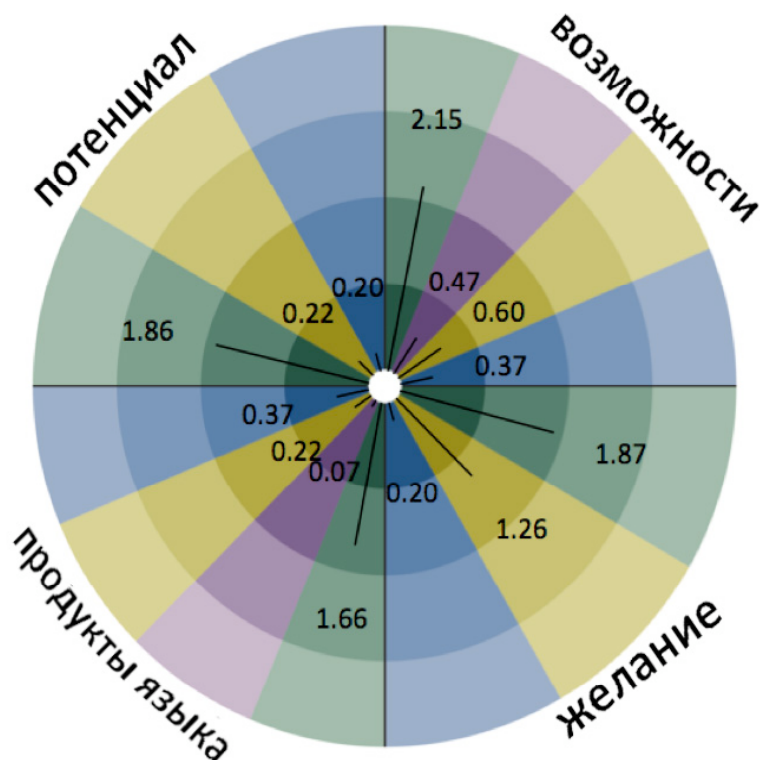

Рисунок 9. Диаграмма EuLaviBar для вьрусского языка в Эстонии.

4.2.6 Вепсы в России

Вепсы являются автохтонным меньшинством на северо-западе России. В связи с постоянной ассимиляцией и мобильностью, традиционная вепсская область сократилась до исчезающих островков, где используется этот язык, в южных частях республики Карелия и к югу от нее. По данным последней Всероссийской переписи населения (2010 г.), этнических вепсов чуть менее шести тысяч человек. Из них 1638 сообщили, что вепсский – их родной язык. Средний возраст людей, говорящих на вепском языке, высокий.

Вепсский язык, который наиболее тесно связан с карельским, имел недолговечный письменный стандарт в 1930-х годах. В 1980-х возник новый стандарт языка, который очень ограниченно использовался в средствах массовой информации, в литературе и в системе образования. В Республике Карелия вепсский язык пользуется определенной институциональной поддержкой, а с начала 21-го века вепсы были официально включены в число "коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации" (правовая база см. Fogelklou, готовится к печати). Тем не менее, использование вепского языка на практике очень ограничено, и передача – и, таким образом, и его поддержание – находятся под серьезной угрозой (Пуура и др. 2013).

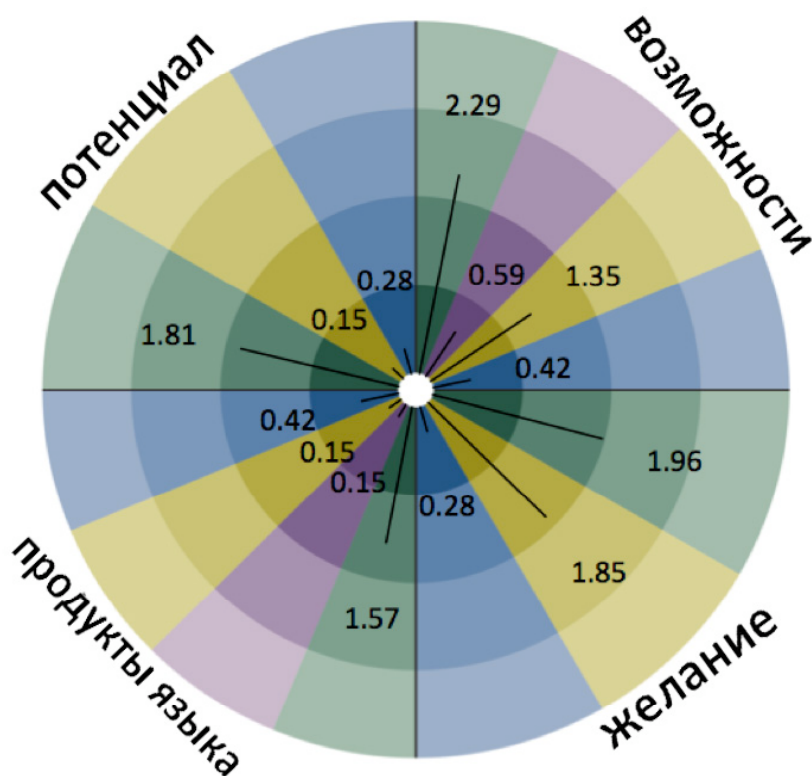

Рисунок 10. Диаграмма EuLaViBar для финского языка в России.

4.2.7 Карельский язык в России

Карельский язык, на котором традиционно говорят на северо-западе России и в восточных частях исторической Финляндии, состоит из цепи различных вариантов, которые практически образуют континуум между родственными языками, финским и вепским. В рамках полевых исследований ELDIA в России была исследована такая разновидность карельского, как олонцкий карельский, или ливвиковский (фин. *aunus*).

Статистические данные официальной переписи этнических карелов и людей, говорящих на вариантах карельского языка, показывают быстрое уменьшение их числа. Из 60 815 этнических карелов, учтенных в последней Всероссийской переписи населения в 2010 году (примерно три четверти из них жили в Республике Карелия), только 25 605 сообщили, что говорят на карельском языке. Карельский пользуется определенной институциональной поддержкой в Республике Карелия и (формально) охраняется законом, однако в отличие от всех других титульных языков финно-угорских республик России (например, коми или мари), он не является официальным языком республики. Современные письменные стандарты карельского языка только начали появляться в конце 1980-х годов. Карельский язык используется в средствах массовой информации и в литературе в довольно скудном объеме и преподается в некоторых школах, но он явно находится под угрозой, о чем свидетельствуют все показатели (Карьялайнен и др. 2013).

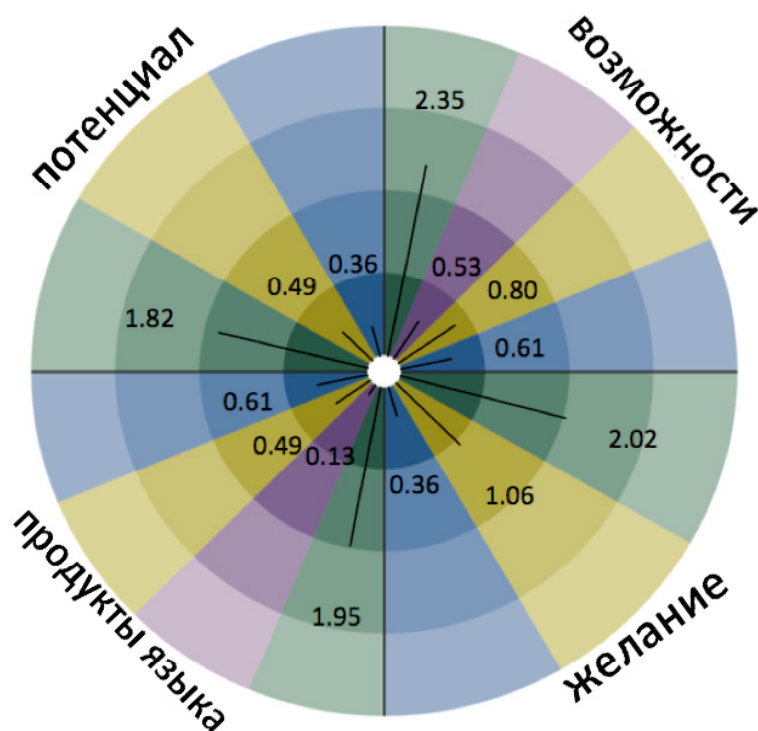

Рисунок 11. Диаграмма EuLaViBar для карельского языка в России.

4.2.8 Карельский в Финляндии

Карелы в Финляндии составляют гетерогенную и неясно определенную группу, чье разграничение с финноговорящим населением (людьми, говорящими на финских диалектах в «финских» частях Карелии) уже долго обсуждается и до сих пор зачастую неясно для обычных финнов (Palander & Nurpponen [ред.] 2005). Эта группа состоит из людей, родившихся в традиционно карелоговорящих областях, принадлежавших Финляндии до Второй мировой войны (в "приграничной Карелии"), иммигрантов и беженцев из российской Карелии и их потомков. Члены меньшинства живут разбросанно по всем частям сегодняшней Финляндии и говорят на разных вариантах карельского языка. Было подсчитано, что, несмотря на послевоенное ассимиляционное давление, около 5000 карелов в Финляндии до сих пор говорят на некоторых разновидностях карельского языка и примерно 20000 человек в какой-то мере понимают карельский язык.

Карельский язык прямо не упоминается в законодательстве Финляндии, но в результате поправки, внесенной в Указ о выполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в конце 2009 года, он был признан как язык нерегионального меньшинства и таким образом получил право на государственное финансирование в области образования и средств массовой информации (см. также Grans 2011). За исключением некоторых недавних инициатив по созданию карелоязычных СМИ, общественное внимание к карельскому языку довольно слабо, его ресурсы в СМИ скромны и его жизнеобеспечение находится под отчетливой угрозой – несмотря даже на тот факт, что есть молодые носители языка, желающие передать этот язык своим детям (Sarhimaа, готовится к печати).

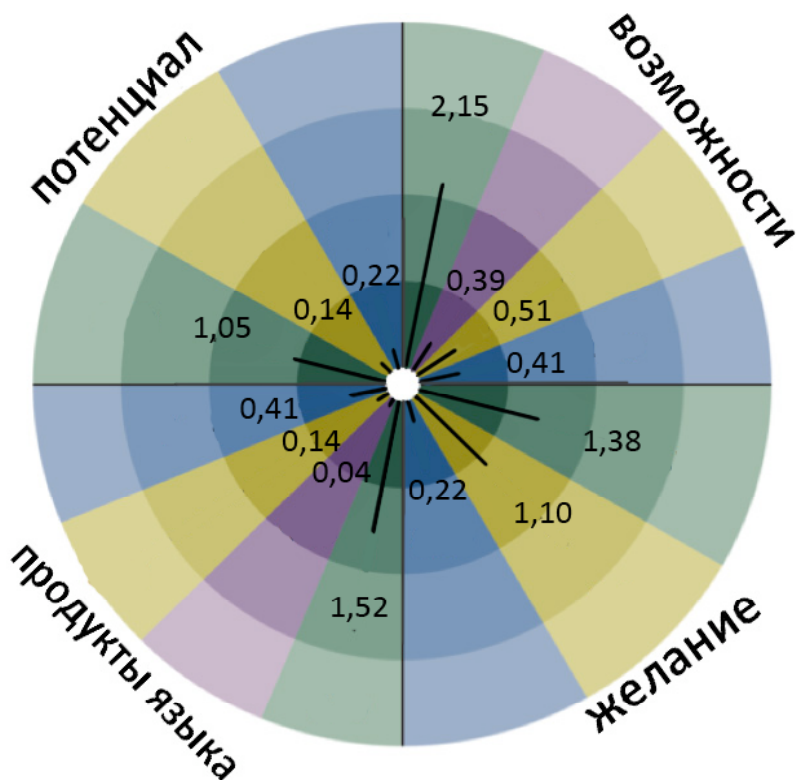

Рисунок 12. Диаграмма EuLaViBar для карельского языка в Финляндии

4.2.9 Эстонский язык в Финляндии

Как и в Германии (ср. раздел 4.2.3), эстонцы, живущие в Финляндии сегодня, в основном появились в стране в результате относительно недавней (постсоветской и внутриевропейской) рабочей миграции, хотя на протяжении всей задокументированной истории миграция между Эстонией и Финляндией также существовала. Эстонцы в Финляндии – это вторая по численности группа иммигрантов (после русских), растет она быстрее всего и, возможно, в скором времени станет самым крупным эстонским сообществом в западной диаспоре. К концу 2012 года 33 076 жителей Финляндии говорили на эстонском как на родном языке. Большая часть эстонцев в Финляндии – это люди трудоспособного возраста, работающие преимущественно в сфере медицины и ухода, а также на строительных работах или в транспортном секторе.

Эстонцы в Финляндии, в основном проживающие в городских центрах, являются незаметной группой мигрантов, которая "не демонстрирует публично свою самобытную культуру" (Praakli, предстоящая публикация). Роль эстонского языка в общественной жизни Финляндии, в средствах массовой информации или в системе образования очень незначительна. Его поддержка не выходит за пределы стандартной институциональной поддержки, гарантированной для всех иммигрантских языков в Финляндии (см. также Grans 2011), например такой, как право на ограниченное преподавание на родном языке (преподавание эстонского языка осуществляется в некоторых школах).

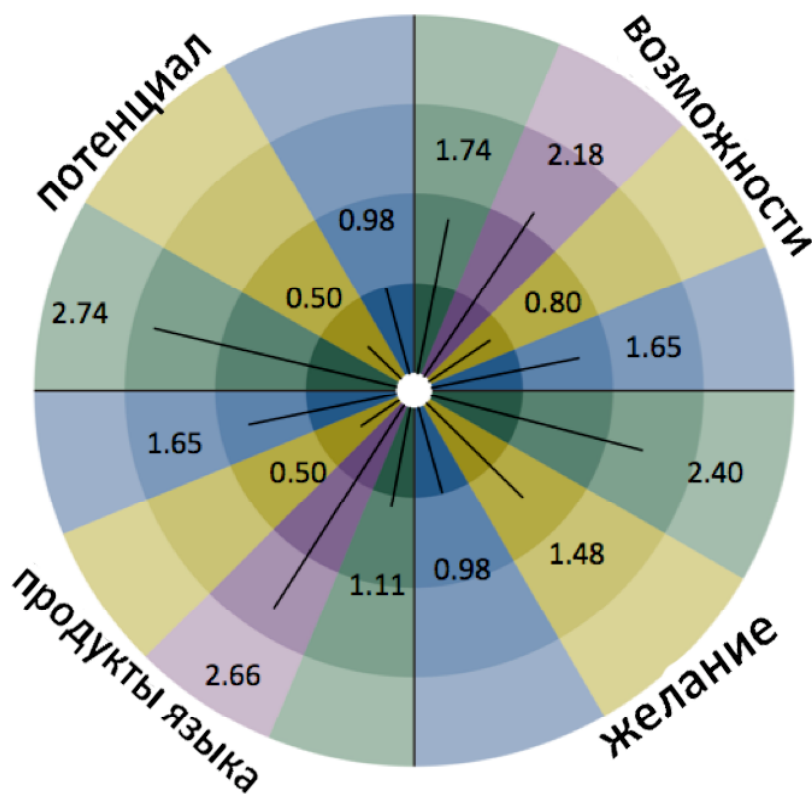

Рисунок 13. Диаграмма EuLaViBar для эстонского языка в Финляндии

4.2.10 Меянкиели в Швеции

Меянкиели (*meänkieli*) также известен как торнедалский финский. Традиционно на нем говорят в северной Швеции, к западу от реки Турне, по которой проходила граница между Швецией и Финляндией, установленная в 1809 году. Исторически и лингвистически, таким образом, меянкиели принадлежит к диалектам финского Крайнего Севера, но с 1809 года язык и идентичность меянкиели развивались в отрыве от современной финской национальной идентичности и литературного языка. Нет никакой официальной статистики о количестве носителей языка меянкиели, их численность оценивается в пределах от 30 000 до 75 000. Из-за внутренней миграции люди, говорящие на меянкиели, теперь живут по всей Швеции, особенно в крупных городских центрах.

С 1980-х годов движение возрождения в шведской долине р. Турне начало продвигать письменное использование и стандартизацию местного диалекта под названием меянкиели (*meänkieli*, 'наш язык'). В 2000 году после длительных дискуссий меянкиели был признан в качестве языка меньшинства в Швеции. Это означает, в принципе, право на дошкольное образование для детей и на уход за пожилыми людьми на языке меянкиели, а также право на использование меянкиели при общении с органами власти. Тем не менее, эти права не всегда реализуются. Освещение в обществе и поддержка меянкиели остаются скромными, и передача языка самым младшим поколениям явно находится под угрозой (Arola, Kangas & Pelkonen (готовится к печати), Öst 2012).

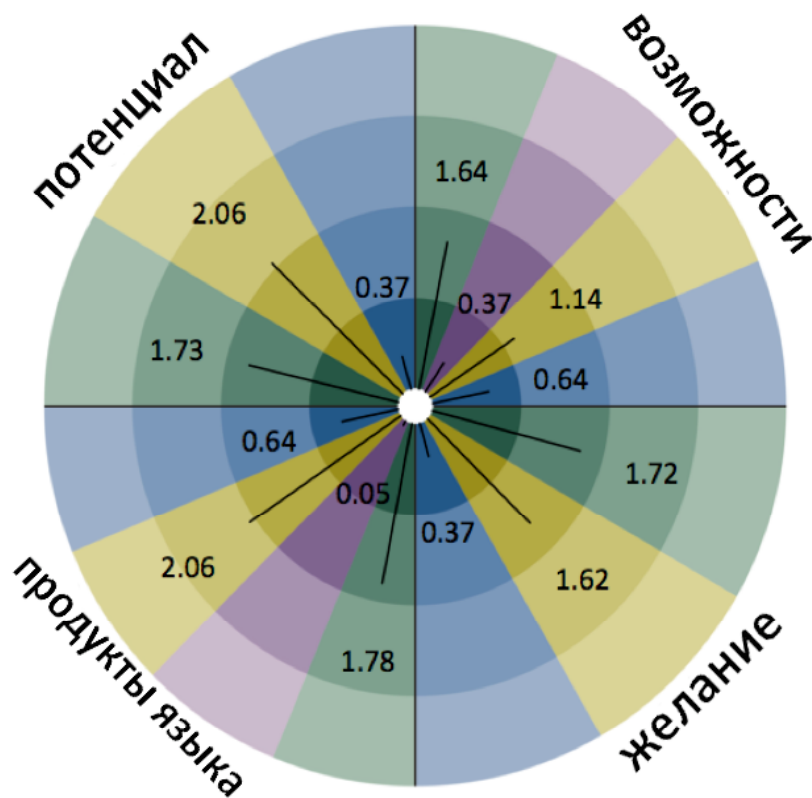

Рисунок 14. Диаграмма EuLaViBar для мянкиели в Швеции.

4.2.11 Квенский язык в Норвегии

Квены являются потомками людей, которые мигрировали в Северную Норвегию из современных Северной Финляндии и Швеции между 16 веком и в конце 19 века. Квенский язык, как и мянкиели, лингвистически принадлежит к финским диалектам Крайнего Севера, но традиционная идентичность квендов складывалась отдельно от Финляндии. Квены признавались в качестве национального меньшинства в Норвегии с 1996 года, их язык был официально признан в 2005 году. Этнополитическая позиция квендов осложнена тем, что зона их проживания также является традиционным местом жительства саамов и более поздних переселенцев из Финляндии.

С 19-го века и до послевоенных годов квены были объектом суровой норвежской националистической политики. Национальное возрождение началось в 1970–1980-х годах, однако в то время передача языка в большинстве семей квендов уже была серьезно нарушена. По разным оценкам, численность квендов находится в диапазоне от 10 000 до 60 000 (официальной статистики нет), а число тех, кто способен активно говорить на квенском языке намного ниже, возможно, около 1500-2500. Наиболее хорошо владеет языком старшее поколение. Квенский язык постепенно стандартизируется, но до сих пор его использование в СМИ, системе образования и вообще в публичной сфере очень незначительно (Räsänen & Kunnas, предстоящая публикация; Granholm 2012).

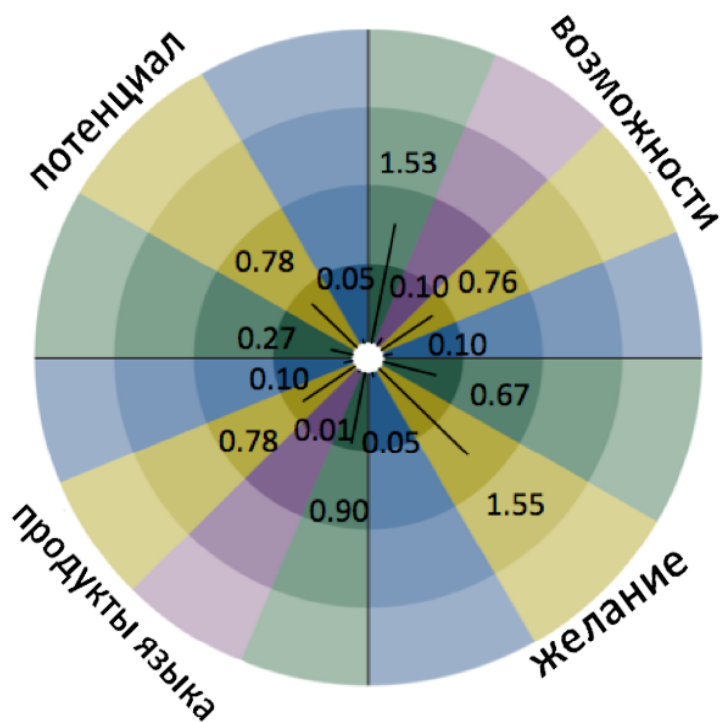

Рисунок 15. Диаграмма EuLaViBar для квенского языка в Норвегии.

4.2.12 Северносаамский в Норвегии

Саамы являются коренным народом, традиционно населяющим северную часть Фенноскандии. Территория их проживания простирается от Норвегии и Швеции через Финляндию и до Кольского полуострова в России. Из разновидностей саамского, которые все находятся под угрозой исчезновения, северносаамский, на котором говорят в Норвегии, Швеции и Финляндии, является наиболее жизнеспособным. В Норвегии число людей, говорящих на северносаамском языке, оценивается примерно в 20 000 (официальной статистики нет). Исследование ELDIA проводилось в саамской административной области на севере Норвегии, однако, значительная часть саамов сегодня живет и в других частях Норвегии, особенно в городских центрах.

После десятилетий или даже столетий политики ассимиляции этническое возрождение саамов и ратификация международных конвенций привели к официальному признанию в 1990 году саамов как коренного народа в Норвегии. Саамские языки имеют высокий уровень правовой защиты (см. также Granholm 2012). Северносаамский язык довольно широко используется в литературе, в средствах массовой информации и в системе образования. Тем не менее, наши данные показывают, что северносаамский язык по-прежнему чаще всего используется в неформальной обстановке, в устном общении и в частной сфере (Marjomaа 2014).

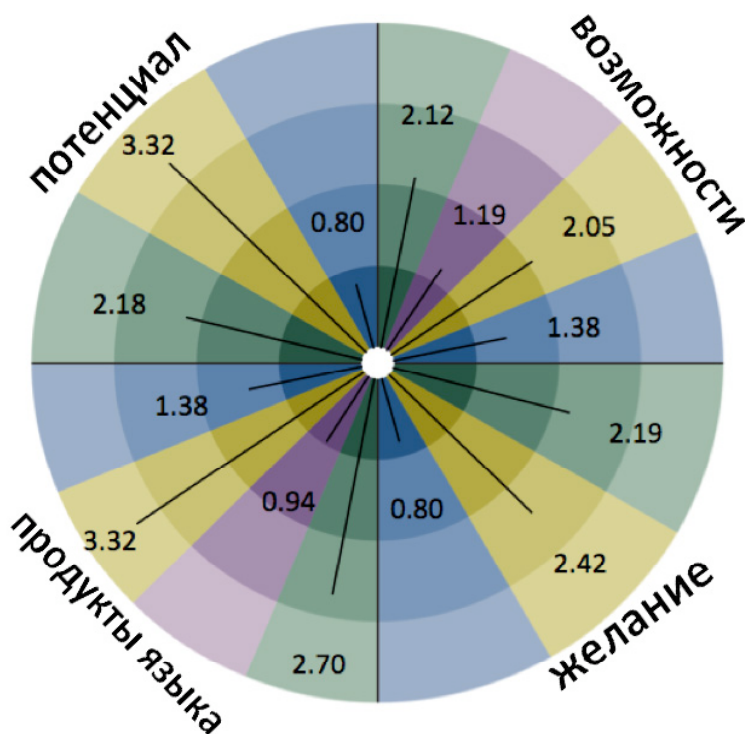

Рисунок 16. Диаграмма EuLaViBar для северносаамского в Норвегии.

4.2.13 Заметка о финском языке в Швеции

Согласно первоначальным планам, в проект ELDIA следовало включить также тематическое исследование по финскому языку в Швеции. Тем не менее, после контекстного анализа (см. Nieminen Mänty 2012) и завершения первого этапа сбора данных Стокгольмскому университету пришлось покинуть проект. Таким образом, ни тематического доклада по этому случаю, ни диаграммы EuLaViBar не было сделано. Тем не менее, анализ правовой и институциональной базы в Швеции был произведен (Öst 2012). Данные по финскому языку в Швеции хранятся в базе данных ELDIA.

4.3 Потенциал

4.3.1 Оценка Потенциала

Как уже говорилось выше (раздел 2.3.2), мы определили потенциал как субъективный потенциал, то есть уверенность человека в своих языковых навыках. Разумеется, люди могут либо преувеличивать качество своих знаний, либо, наоборот, недооценивать их. Чтобы компенсировать эти субъективные факторы, мы включили в наши расчеты некоторые дополнительные показатели:

- примеры применения языка: вполне вероятно, что говорящий чувствует себя более уверенно, используя язык, который он/она применяет чаще и в более широком диапазоне областей;

- семейная предыстория: вполне вероятно, что человек, который использовал или все еще использует язык в семье, больше уверен в своем владении этим языком;
- статус "родного языка": вполне вероятно, что говорящий на данном языке человек, который определяет этот язык как родной, имеет больше уверенности в своих языковых навыках;
- субъективная оценка "используемости" языка: если говорящий утверждает, что язык не является простым в использовании во всех контекстах или что язык не может выражать все виды содержания, то он/она, скорее всего, меньше уверен(а) в своих языковых навыках.

4.3.2 Оценка Потенциала

При анализе данных следующие вопросы использовались для получения информации по шкале *Потенциал*.

Измерение	Переменные	Вопросы
Использование языка и взаимодействие	Родной язык	Q7: ⁸ человек определяет язык как свой родной
	Использование языка между поколениями и через поколение	Q10/11: языки, используемые респондентом для общения с бабушками и дедушками
		Q15-18: языки, использовавшиеся или используемые каждым из родителей в общении с респондентом
		Q21: языки, используемые респондентом при общении с его/ее детьми
	Использование языка между поколениями	Q14: языки, используемые родителями респондента для общения между собой
		Q19: языки, используемые с братьями и сестрами
		Q20: языки, используемые для общения с супругом или партнером
	Собственная оценка языковой компетентности	Q28–31: субъективная оценка человеком своих навыков понимания/ чтения/ разговора/ письма на различных языках
	Специфическое для разных сфер использование языка	Q32: использование языка в различных сферах (дома, с родными, на работе, с друзьями, с соседями...)
		Q59: легко ли использовать этот язык в разных ситуациях
Поддержка или запрещение использования языка	Q34: поощрение родителями использования языка	
	Q36: поощрение детей в использовании языка	
Законодательство	Существование юридических текстов	Q47: законы поддерживают различные варианты рассматриваемого языка
СМИ	СМИ и их потребление	Q62: использование языка для чтения книг или газет, слушания радио или просмотра телепрограмм, посещения спектаклей, концертов, написания электронных писем или смс
		Q63: использование языка для создания текстовой продукции, такой как грамотные тексты в блоге, дневник, песни.

Таблица 2. Вопросы, использованные для оценки баллов по шкале *Потенциал*

Обратите внимание, что параметр образования не был принят во внимание вообще. Тем не менее, расчетные оценки EuLaViBar для шкалы *Потенциал* кажется, коррелируют со значительным присутствием языка в системе образования.

⁸Обратите внимание, что цифры относятся к нумерации вопросов в оригинальных анкетах, а не в пересмотренном вопроснике, который публикуется вместе с инструментарием EuLaViBar.

4.3.3 Сравнение результатов

Оценки, рассчитанные для *Потенциала* в каждом тематическом исследовании ELDIA, показаны в следующей таблице. По-видимому, имеется корреляция между *Потенциалом* и степенью литературного развития, стандартизации и институциональной поддержки языка: самые большие баллы по шкале *Потенциал* были получены в венгроговорящих группах в Эстонии. Из всех языков меньшинств, которые не имеют статуса государственного языка, северносаамский в Норвегии, кажется, находится в самом лучшем положении, в то время как положение карельского в Финляндии и особенно квенского языка заметно хуже.

Тематическое исследование	Потенциал: общий средний балл	Показатели по шкале. Потенциал: Использование языка и взаимодействие	Показатели по шкале Потенциал: Законодательство	Показатели по шкале Потенциал: СМИ
Эстонский в Германии	2.679	2.99	0.05	1.02
Венгерский в Словении	2.491	2.75	2.37	0.89
Эстонский в Финляндии	2.465	2.74	0.5	0.97
Венгерский в Австрии	2.432	2.71	0.91	0.85
Северносаамский в Норвегии	2.02	2.18	3.32	0.80
Сету в Эстонии	1.917	2.18	0.48	0.26
Вырусский в Эстонии	1.628	1.86	0.22	0.20
Карельский в российской Карелии	1.61	1.82	0.49	0.36
Вепсский в российской Карелии	1.597	1.81	0.15	0.28
Меянкиели в Швеции	1.556	1.73	2.06	0.37
Карельский в Финляндии	0.932	1.05	0.14	0.22
Квенский в Норвегии	0.246	0.27	0.78	0.05

Таблица 3. Оценки Потенциала для языков, исследованных в ELDIA.

4.3.4 Результаты: параметр *Использование языка и взаимодействие*

В большинстве, хотя и не во всех наших исследованиях отдельных случаев в зоне фокуса *Потенциал* параметр *Использование языка и взаимодействие* имел самый высокий балл. В дополнение к группам мигрантов (которые, очевидно, приобрели хороший потенциал в странах своего происхождения), венгерский язык в Словении также достиг максимальной средней оценки (2.75). Северносаамский язык в Норвегии тоже является старым языком меньшинства и пользуется высоким уровнем правовой и институциональной защиты, но он получил несколько меньше баллов («всего лишь» 2.18) из-за плохих возможностей для использования языка за пределами частной сферы.

Еще одна интересная характеристика результатов по северносаамскому языку – это положительная тенденция в поощрении использования языка: как показали ответы на

вопросы Q34 (оценка 2.97) и Q36 (оценка 3.32), респонденты поощряют своих детей использовать язык больше, чем поощряли их самих. Только в показателях по языку сету есть аналогичное или даже более существенное увеличение: с 1.50 до 2.14. Предположительно, эти оценки отражают скорее языковую культуру в том обществе, где проводилось исследование (важность языковых навыков, веру в силу образования, преобладающие представления о двуязычии), а не субъективную оценку индивидом своих языковых способностей.

4.3.5 Результаты: параметр *Законодательство*

Роль параметра *Законодательство* для языкового потенциала оценить труднее всего, что выражается, кроме прочего, в высокой доле ответов «я не знаю» и в поразительно большой разнице между баллами в разных случаях. Значение этого параметра определялось только на основании одного вопроса из анкеты: «Доступны ли тексты законов, поддерживающих многоязычие, на этом языке (изучаемом в данном опросе)?» Смысл этого вопроса был неясен для многих респондентов.

Наиболее высокий счет в баллах был получен в Швеции (2.06 для языка мяанкиели), в Норвегии (всего лишь 0.78 для квенского языка, зато для северносаамского – 3.32 балла, это самый высокий результат по данной шкале) и в Словении (2.37 для венгерского языка). Различие между квенским языком и северносаамским показывает не только текущее положение дел, но и преобладающие представления об этих двух языках меньшинств. Наименьшие оценки в баллах были характерны для (малочисленных) меньшинств мигрантов и для языков тех меньшинств, статус которых оспаривается или проблематичен.

4.3.6 Результаты: параметр *СМИ*

Оценка *Потенциала* по параметру *СМИ* варьирует между 0.05 (квенский язык) и 1.02 (эстонский в Германии), оставаясь на низком уровне во всех исследованиях. Между тем, следует отметить, что малое количество набранных баллов может просто отражать слабую поддержку *СМИ*. Например, носители языка мяанкиели, безусловно, используют все *СМИ*, к которым они имеют доступ. Более того, возможно, при подсчетах слишком большой вес был уделен «элитной» культуре (театр, концерты) и активному творчеству (всего несколько человек, владеющих каким-либо языком меньшинства, ведут блоги или сочиняют стихи).

4.3.7 Выводы: зона фокуса *Потенциал*

Хотя оценки, полученные в зоне фокуса *Потенциал*, как кажется, в целом соответствуют той информации, которая известна о состоянии изучаемых языков, есть много вопросов насчет достоверности. Во-первых, зона фокуса *Потенциал* оценивается субъективно и зачастую по косвенным признакам, а достоверность косвенных показателей может быть

поставлена под сомнение. Во-вторых, *Потенциал* рассматривается как единое целое, а его различные компоненты в основном не оцениваются отдельно. Включение в оценку параметра *Законодательство* по своей сути проблематично. Расчеты основываются на результатах, полученных всего лишь по одному вопросу, и достоверность этих данных также сомнительна. В то же время можно было бы оспорить исключение из рассмотрения параметра *Образование*, так как, по-видимому, есть причинно-следственная связь между формальным обучением языку и уровнем владения языком.

Несмотря на эти проблемы с достоверностью, очевидно, что языки с хорошо устоявшимся литературным стандартом, значительным присутствием в СМИ и институциональной поддержкой набрали более высокие баллы, чем языки, у которых поддержка меньше. Квенский язык (язык меньшинства, набравший меньше всего баллов) все еще страдает от последствий дискриминации, нарушившей несколько поколений назад передачу языка от поколения к поколению. Таким образом, наше исследование в очередной раз подтвердило важность институциональной поддержки, стандартизации языка и передачи его от поколения к поколению.

4.4 Возможности

4.4.1 Оценка Возможностей

Учитывая то, что EuLaViBar создан как инструмент, позволяющий задать линию поведения (или стратегию), касающуюся языка, мы сознательно концентрируемся на том, как публичная сфера и деятельность учреждений отражается в восприятии и понимании респондентов. Такой подход может быть проблематичным, так как понимание границ между «учрежденческим» и «частным» у респондентов может различаться.

4.4.2 Возможности в анкете ELDIA

Подсчеты основаны на восемнадцати вопросах.

Зона фокуса: Возможности		
Параметр	Переменные	Вопросы
Использование языка и взаимодействие	Опыт поддержки или ограничения использования данного языка меньшинства	Q22: были ли попытки препятствования использованию языка с детьми в детстве респондента? Q23: в чем выражались эти попытки? Q24: выражаются ли подобные взгляды и сегодня? Если да, то где?
	Поддержка языка	Q55: есть ли учреждения или лица, которые культивируют и развивают язык (в этой стране)? Q58: есть ли нужда в том, чтобы развивать язык для удовлетворения социальных и общественных потребностей? Q60: есть ли попытки сохранить язык меньшинства?
	Характерное для разных сфер использование языка респондентом	Q59: прост ли язык для использования в большинстве ситуаций? Q61: используется ли язык в следующих сферах: парламент, полицейский участок, больница, СМИ...?
Образование	Усвоение языка меньшинства	Q8: где и от кого респондент впервые усваивал язык меньшинства
	Язык меньшинства в школьном обучении	Q25: если образование респондента велось только на одном языке, какой язык это был? Q26A: язык меньшинства как среда обучения опрашиваемого в дошкольном образовании/в начальной школе/в средней школе
	Родной язык	Q27: было ли у респондента образование в школе на родном языке (языке меньшинства)
Законодательство	Институциональная или правовая поддержка языка или их отсутствие	Q44, Q45: по мнению респондента, законодательство поддерживает (Q44) или запрещает (Q45) использование языка меньшинства?
	Существование текстов законов на языке меньшинства	Q47: доступны ли на языке меньшинства законы, которые поддерживают использование многих языков?
	Существование законов об образовании вообще в стране опроса	Q48, Q49: есть ли законы, регулирующие обучение языку меньшинства (Q48), или законы о языке меньшинства в школах (Q49)?

Таблица 4. Вопросы, использованные для подсчета баллов по Возможностям.

4.4.3 Общие оценки *Возможностей* для языков, исследованных ELDIA

Все оценки, подсчитанные по *Возможностям* для каждого тематического исследования ELDIA, представлены в Таблице 5:

Тематическое исследование	Возможности: средний балл	Баллы по возможностям: Использование языка и взаимодействие	Баллы по возможностям: Образование	Баллы по возможностям: Законодательство
Венгерский яз. в Словении	2.273	2.78	1.39	2.06
Северносаамский яз. в Норвегии	1.957	2.12	1.19	2.05
Венгерский яз. в Австрии	1.956	2.74	1.86	1.31
Эстонский яз. в Германии	1.620	2.14	2.94	0.71
Вепсский яз. в России	1.479	2.29	0.59	1.35
Эстонский яз. в Финляндии	1.463	1.74	2.18	0.80
Карельский яз. в России	1.336	2.35	0.53	0.80
Меянкиели в Швеции	1.235	1.64	0.37	1.14
Вырусский в Эстонии	1.101	2.15	0.47	0.60
Сету в Эстонии	1.048	1.77	0.48	0.60
Карельский яз. в Финляндии	1.037	2.15	0.39	0.51
Квенский яз. в Норвегии	0.825	1.53	0.10	0.76

Таблица 5. Баллы по Возможностям для языков, исследованных ELDIA

Как показано в Таблице 5, самые высокие средние баллы по Возможностям характерны двух венгерских меньшинств и северносаамского языка в Норвегии, за ними следуют два эстонских меньшинства и вепсы в России. Во всех этих случаях, кроме вепсского, языки объединяет то, что баллы по возможностям для образования у них заметно выше, чем у остальных изученных языков. Самые низкие средние баллы по *Возможностям* были получены для квенского, карельского в Финляндии и в России, сету, вырусского и меянкиели.

Таблица 5 показывает, что очень похожие общие оценки *Возможностей* могут скрывать за собой существенные различия в важности вовлеченных факторов. Например, эстонский в Финляндии, вепсский и карельский в России имеют довольно схожие средние оценки *Возможностей*, но очень различающиеся баллы по отдельным параметрам. Более того, иногда цифры даже искажают реальность: для групп мигрантов высокие оценки по параметру образования не отражают ситуацию в стране их проживания.

4.4.4 Результаты по Возможностям: параметр *Использование языка и взаимодействие*

В большинстве случаев, исследованных ELDIA, наибольшее количество баллов по *Возможностям* набиралось именно по параметру *Использование языка и взаимодействие*. Это говорит о том, что существующие институциональные механизмы в первую очередь способствуют созданию условий для использования языка, даже если показатели по законодательству и возможностям для получения образования ниже. Для языков «новых» мигрантов, представленных в ELDIA эстонским в Финляндии и в Германии, даже эта институциональная поддержка может быть неудовлетворительной.

Самые высокие баллы в зоне *Возможностей* по параметру *Использование языка и взаимодействие* оказались у двух венгерских меньшинств. Чуть меньше было у вепсского (2.29) и карельского в России (2.35). На эти языки положительно повлияла сильная семейная поддержка в детстве респондентов. Карельские и вепские респонденты также были хорошо осведомлены об институциональной поддержке (Q55) и попытках возрождения языка (Q60). Однако общие баллы оказались весьма низкими из-за довольно мрачного взгляда респондентов на легкость и возможность общественного использования их языков.

Карельский язык в Финляндии (2.15), вырусский (2.15), эстонский в Германии (2.14) и северносаамский (2.12) получили похожие, но немного более низкие оценки в зоне *Возможностей*, чем карельский и вепсский в России. По вопросу 58 (есть ли необходимость развития этнического языка для более широкого применения в общественных сферах) оценка для карельского в Финляндии была несколько ниже, чем для других языков. Это может быть связано с тем, что карельский был признан в Финляндии в качестве языка меньшинства только в 2009 году, так что идея использования карельского языка публично все еще нова для многих говорящих на нем людей.

По этому параметру результаты были существенно снижены ответами на вопросы Q59 и Q61, в которых спрашивалось о легкости использования языка и возможностях использовать язык меньшинства в различных сферах. Однако вес исследуемых факторов варьирует от случая к случаю: эстонцы в Германии знают по своему опыту, что эстонский прост для использования в большинстве ситуаций, но возможностей по-настоящему использовать эстонский язык в обществе не хватает. В принципе, такую же картину можно увидеть и в исследовании карельского и с вырусского языков.

Самые низкие баллы в зоне *Возможностей* по параметру *Использование языка и взаимодействие* были получены языком сету, эстонским в Финляндии, меянкиели и квенским. Во всех этих случаях низкое удобство использования языка в публичных сферах понизило общее количество баллов. В частности квенский, очевидно, рассматривают как язык пожилых людей, на котором говорят лишь в частной сфере, а идею использования квенского в общественных сферах находят невозможной.

Интересно, что можно наблюдать значительные различия в оценках языков меньшинств, на которых говорят в одной и той же стране. Так, по данным отчета (и, очевидно, в действительности) в Северной Норвегии есть существенная разница в публичном использовании между северносаамским и квенским языками. В Финляндии средние оценки для эстонского языка, на котором говорит группа недавних мигрантов преимущественно трудоспособного возраста, значительно ниже, чем для карельского, который является языком традиционного меньшинства, и на котором преимущественно говорят пожилые люди (которые могут чувствовать себя более уверенно, используя свой язык на публике, но не полагаются на свои языковые навыки в целом). Что же касается вырусского и сету в Эстонии, то по параметру *Использование языка и взаимодействие* оценка в баллах была несколько лучше у вырусского, чем у сету. Нет очевидного и ясного объяснения тому, чем

вызваны эти различия, но они могут быть связаны с факторами, относящимися к инфраструктуре и институциональной поддержке, или к тому факту, что деятельность активистов сету большей частью фокусируется на культуре, а не на языке.

4.4.5 Результаты: параметр Образование

Самые высокие баллы в зоне *Возможностей* по параметру *Образование* были получены эстонским языком в Германии, им же в Финляндии и венгерским языком в Австрии. Однако из-за того, что данные группы состоят преимущественно из мигрантов первого поколения, высокие оценки в баллах просто отражают ситуацию в странах их происхождения.

Оценки по параметру *Образование* для северносаамского и венгерского языков в Словении были вторыми по высоте, хотя все же довольно низкими и относительно схожими друг с другом. В обоих случаях на оценку по параметру *Образование* негативно повлияло то, что лишь малая часть респондентов получала образование на своем этническом языке. В Норвегии среднее образование на северносаамском языке недоступно уже в течение очень долгого времени в зоне проживания саамов. В населенной венграми области Словении образование двуязычное: только 50% преподавания в принципе (а на практике даже меньше) ведется на венгерском языке.

Большинство языков, изучаемых ELDIA, получили очень низкие оценки в зоне фокуса *Возможности* по параметру *Образование* по той очевидной причине, что эти языки находятся еще только в процессе стандартизации.

4.4.6 Результаты: параметр Законодательство

Самые высокие баллы в зоне *Возможностей* по параметру *Законодательство* оказались у венгерского языка в Словении и северносаамского в Норвегии. Как отмечалось ранее, эти языки достаточно хорошо закреплены в законах на государственном уровне и респонденты про это хорошо знают.

В общем и целом, языки, исследованные ELDIA, получили очень низкие оценки по параметру *Законодательство* в зоне фокуса *Возможности*. Вторые по высоте оценки в баллах были получены мянкиели, вепским и венгерским в Австрии. Несмотря на существующее законодательство, сильную кодификацию и поддержку «родным» государством, венгерский язык в Австрии получил еще более слабые оценки, чем находящийся под сильной угрозой вепский язык и только недавно стандартизованный и признанный мянкиели. В этих тематических исследованиях респонденты в целом не считали, что законы препятствуют использованию их этнического языка. Позитивное восприятие респондентами влияния существующего законодательства, как кажется, является в основном результатом отсутствия явной дискриминации.

В этих трех случаях респонденты не были четко осведомлены о доступности текстов законов на их этнических языках (на самом деле такие переводы существуют только для меянкиели). С другой стороны, опрашиваемые были довольно хорошо (и в равной степени) информированы о существовании законов, регулирующих использование языка меньшинства в системе образования. Реальность, стоящая за оценками, однако, от случая к случаю различается. В случае вепсов закон лишь разрешает использовать язык в образовании (и, учитывая реальную ситуацию на вепсской территории, мнения вепских респондентов кажутся невероятно позитивными). Шведское законодательство более детализировано (но в разных муниципалитетах имеет различную интерпретацию и зачастую не соблюдается должным образом), тогда как в Австрии есть конкретный школьный закон только для провинции Бургеланд.

Остальные исследованные языки получили меньше одного балла по параметру *Законодательство*. Опять-таки, положительно повлияли на оценку только те вопросы, которые касались опыта законной поддержки (Q44) и отсутствия явной законодательной дискриминации (Q45). Даже эти низкие показатели были, вообще говоря, слишком позитивны. Что касается вопроса Q47, на самом деле никаких юридических текстов нет ни на одном из этих языков (ни на карельском в Финляндии и России, ни на квенском, ни на сету или вырусском). То же самое в большой степени применимо и к результатам вопросов Q48 и Q49 (есть ли законы, которые регулируют использование языка меньшинства в системе образования). Только для квенского языка есть закон, гарантирующий для учеников средних школ в Тромсе и Финнмарке право изучать квенский язык как предмет. Что касается карельского языка в России, как и в случае с вепским языком, закон в принципе разрешает использование языка, но не предлагает никакой конкретной поддержки.

4.4.7 Результаты: параметр СМИ

В системе подсчета баллов шкала, касающаяся СМИ, была устроена неправильно, так что подсчитанные в EuLaViBar оценки для зоны фокуса *Возможности* не предоставили никакой содержательной информации, относящейся к возможностям. Поэтому мы не будем обсуждать здесь эти результаты тематических исследований.

4.4.8 Заключительные замечания по зоне *Возможности*

Предполагаемое положение дел, отраженное в полученных оценках, не всегда соответствует реальности; более того, результаты EuLaViBar могут в каких-то случаях быть несколько смещенными из-за недостаточной чувствительности инструмента к социальному контексту, например в случае хороших оценок по параметру *Образование* у групп мигрантов.

Оказалось, что все исследованные меньшинства довольно хорошо осведомлены о существовании институтов сохранения и развития языка, а также об усилиях, предпринимаемых в настоящее время для возрождения языка. Однако положительный вклад параметра *Законодательство* в общие оценки EuLaViBar вызваны прежде всего отсут-

ствием явной дискриминации, а не наличием мер по активной поддержке языка. Особенно если язык меньшинства не пользуется поддержкой законодательства или если закон всего лишь содержит самые общие разрешающие формулировки, такие как «язык X может использоваться в школах», респонденты, как правило, имеют довольно неверное представление о реальном положении дел. Иногда они считают, что поддержка больше, чем есть на самом деле (вепсский, сету, вырусский язык) или не знают о скромных возможностях, которые имеются хотя бы в теории (квенский язык). В целом результаты исследования показывают, что члены языковых меньшинств часто не получают достаточно информации о своих правах и о существовании правовых документов, имеющих для них значение.

Во всех тематических исследованиях поддержка образования на языке меньшинства воспринимается как недостаточная, что вполне справедливо: общество часто не обеспечивает институциональную или практическую поддержку. В этих условиях, по-видимому, малочисленные и стареющие группы меньшинств особенно уязвимы. Таким образом, обеспечение возможностей для использования языка в образовании является вопросом жизни и смерти для исчезающих языков.

4.5 Желание

4.5.1 Оценка Желания

Желание в проекте ELDIA как зона фокуса в Барометре жизнеспособности европейских языков (EuLaViBar) касается потребности и желания людей использовать определенный язык, а также их отношения к языку и связанных с ним ощущений. В эту категорию, однако, не включено их общее мнение о языке и его оценка.

Вопросы, рассматриваемые в рамках фокусной зоны *Желание* барометра EuLaViBar, представлены в следующей таблице:

Область применения	Переменные	Вопросы исследования
Использование языка и коммуникация между людьми	Родной язык	Вопрос 7: Родной язык как его определяет сам респондент
	Использование языков между поколениями	Вопросы 10/11: Языки, на которых с респондентом говорили бабушки и дедушки Вопросы 15-18: Языки, на которых с респондентом говорил каждый из родителей в детстве Вопрос 21: Языки, на которых респондент говорит со своими детьми
	Использование языков в рамках одного поколения	Вопрос 14: Языки, на которых говорят/говорили родители респондента между собой Вопрос 19: Языки, на которых говорят/говорили братья и сестры респондента между собой Вопрос 20: Языки, на которых говорят между собой респондент и его супруг(а)
	Поддержка или ограничение использования языка	Вопросы 22-23: Были ли препятствия использованию родителями языка в общении с детьми в прошлом со стороны кого-либо, каких-либо учреждений Вопрос 24: Есть ли препятствия использованию родителями языка в общении с детьми в настоящем Вопрос 34: Поощрение использования языка со стороны родителей Вопрос 36: Поощрение использования языка детьми
	Самооценка языковой компетенции	Вопросы 28-31: Как человек сам оценивает свои языковые способности в понимании, говорении, чтении, письме на языке меньшинства и других языках
	Использование языка в определенной языковой области	Вопрос 32: Использование языка в различных областях и сферах (дома, на работе, в общении с родственниками, друзьями, соседями...) Вопрос 39: Поддержка использования данного языка в различных областях Вопрос 59: Легко ли и уместно ли использование данного языка в разнообразных ситуациях Вопрос 61: Знания об использовании языка в различных областях общественной жизни.
	Отношение членов сообщества к их собственному языку и к говорящим на нем.	Вопрос 37: Предпочтения по использованию языка в зависимости от пола и возраста Вопрос 38: Насколько просто знакомиться с людьми и приобретать друзей, жениться, работать с людьми, говорящими на данном языке?
	Роль на рынке труда	Вопрос 52: Мнения людей о роли языка на рынке труда
	Поддержка языка	Вопрос 58: Необходимость развивать язык для разнообразных потребностей и социальных целей Вопрос 60: Попытки и усилия по поддержке и сохранению данного языка
Законодательство	Поддержка/ограничение использования языка	Вопрос 44: Поддерживает ли законодательство использование данного языка? Вопрос 45: Запрещает ли законодательство использование данного языка?
СМИ	Использование и восприятие СМИ	Вопрос 62: Использование языка для чтения книг или газет, прослушивания радио или просмотра телепередач, театральных представлений, написания электронных писем и смс. Вопрос 63: Использование языка для самостоятельного написания таких текстов, как блоги или литературные произведения, а также для ведения дневниковых записей, сочинения и написания песен и т.п.

Таблица 6. Вопросы, использовавшиеся для расчетов и оценки в категории «Желание»

4.5.2 Три параметра зоны фокуса *Желание*

Основное внимание при работе с зоной *Желание* было обращено на вопросы, сгруппированные по трем областям: как люди оценивают использование языка, законодательство и работу СМИ. Вопросы же, касающиеся сферы образования, в фокусную зону *Желание* включены не были. Тем не менее, потребности и стремления в области образования зачастую как раз представляют собой самые основные ожидания и требования носителей малочисленных и редко используемых языков.

Результаты, представленные ниже, показывают оценки в зоне *Желание* по каждому параметру (СМИ, законодательство и использование языка), а также общий, суммарный уровень, т.е. подсчет по всем показателям в зоне *Желание*.

ЖЕЛАНИЕ				
Язык	Средний показатель	СМИ	Законодательство	Использование языка
Венгерский в Словении	2.525	0.89	2.99	2.61
Венгерский в Австрии	2.432	0.85	2.09	2.56
Эстонский в Германии	2.402	1.02	1.48	2.56
Эстонский в Финляндии	2.258	0.98	1.48	2.40
Северносаамский в Норвегии	2.124	0.80	2.42	2.19
Сету в Эстонии	1.931	0.26	1.19	2.10
Карельский в России	1.861	0.36	1.06	2.02
Вепсский в России	1.849	0.28	1.85	1.96
Выру в Эстонии	1.732	0.20	1.26	1.87
Меянкиели в Швеции	1.633	0.37	1.62	1.72
Карельский в Финляндии	1.29	0.22	1.10	1.38
Квенский в Норвегии	0.686	0.05	1.55	0.67

Таблица 7. Средние показатели по трем параметрам в фокусной зоне *Желание*

Вызывает беспокойство то, что общие показатели в лучшем случае немногим больше, чем половина от всей измерительной шкалы, даже в случае тех языковых сообществ, которые имеют сравнительно большую институциональную поддержку и чьи языки пользуются государственной защитой. Также наблюдается значительная амплитуда между наиболее высокими и наиболее низкими показателями.

4.5.3 Вариативность по трем параметрам в зоне *Желание*

В общем и целом, результаты опроса для параметра *СМИ* гораздо менее информативны, чем для других параметров. Такое же явление наблюдается в зоне фокуса *Потенциал* и, вероятно, частично объясняется методом подсчета или же недостатком в количестве рассмотренных СМИ (см. раздел 4.3.6). Результаты по параметру *Использование языка* в целом самые высокие.

Если не считать небольших изменений, расстановка исследуемых языковых сообществ по оценкам оказалась похожей. Первую пятерку составляют языковые меньшинства, говорящие на венгерском и эстонском языках, а также носители северносаамского в Норвегии.

За ними следуют другие традиционные меньшинства, например квенны, занимающие гораздо более низкую позицию по показателям опроса (за исключением параметра *Законодательство*). Как уже отмечалось в разделе 4.1, интересно, что представители трех нижних языковых меньшинств живут в северных странах (Финляндии, Швеции, Норвегии).

4.5.4 Параметр *Использование языка в зоне фокуса Желание*

Причины крайне низких результатов квенского языка очевидны. Большинство респондентов не указывают квенский в качестве родного языка. Они редко пользуются этим языком и невысоко оценивают свои способности и уровень владения им. Одна пятая часть респондентов сообщает, что они сталкивались с запретом на использование квенского языка (интересно отметить, что многие из респондентов вовсе не ответили на вопрос, касающийся запрета на использование языка). Также отношение к квенскому языку со стороны общества зачастую было негативно, так что квенны страдали и до сих пор страдают от этой психологической травмы, связанной с языковым запретом в прошлом. Тем не менее, данный параметр в зоне *Желание* хотя и низкий, но все-таки немного выше, чем полученный результат в соответствующем разделе в категории *Способность*. Респондентам не всегда хватает языковой компетенции, чтобы использовать свой язык, но при этом некоторые из них хотят использовать и поддерживать его.

Самые высокие показатели в зоне *Желание* демонстрирует венгерский язык в Словении (2.61), но они все же ниже, чем в соответствующем разделе в зоне Потенциал. Это дает основания полагать, что респонденты не считают, что использование венгерского языка так же важно, как языковая компетенция, поддержка уровня венгерского языка и самоидентификация. С другой стороны, респонденты могут переоценивать свою собственную языковую компетенцию и способности, что отмечалось еще в предшествующих исследованиях (Kolláth и др.). То же относится, по всей видимости, и к венгерскому языку в Австрии: респонденты активно связывают свою самоидентификацию с венгерским языком, но мало и неактивно используют его в разных сферах общественной жизни. Похожим образом эстонцы в Финляндии обладают хорошими языковыми способностями и высоко ценят свой родной язык, но одновременно с этим не считают необходимым или возможным использовать эстонский язык в разных сферах общественной жизни при нахождении вне Эстонии, что нашло свое явное отражение в соответствующем невысоком показателе в зоне *Желание* (2.39). Это также свидетельствует, что относительно большое количество носителей языка не обязательно является гарантией и того, что они хотят использовать свой язык в разных сферах общественной жизни вне своей страны.

4.5.5 Параметр *Законодательство в зоне Желание*

По параметру *Законодательство* наиболее высокий уровень был достигнут венграми в Словении, северными саамами в Норвегии и венграми в Австрии. Самый низкий уровень представлен карелами в России и Финляндии, а также сету в Эстонии. Даже наиболее

высокий уровень не достигает трех пунктов. Это показывает, что знания респондентов о механизмах законодательной защиты их языка весьма ограничены, а доверие к ним не особенно велико. Интересно также отметить, что положение карельского языка в России и Финляндии очень схоже, несмотря на различное прошлое этих регионов, а также их различия в политическом и правовом устройстве.

Как уже отмечалось ранее, похожее законодательство в любой области права, в том числе и в области защиты меньшинств, может действовать по-разному в разных странах и не всегда применяется одинаковым образом. В этом смысле относительно скромные результаты, полученные для северных саамов, вопреки довольно широкой и сильной законодательной поддержке их языка, требуют дальнейшего анализа и объяснения. Результаты исследования саамов (Marjomaа 2014) говорят о том, что цели и содержание законов Норвегии, направленных на защиту языков меньшинств, далеко не всегда известны последним или не пользуются их доверием. Похожие результаты были получены в отношении языка мяанкиели в Швеции, который достиг среднего уровня 1.67. В случае с эстонским языком в Германии, где показатели оказались даже меньше (1.48) большинство респондентов не знают о наличии законодательства, регулирующего использование языков меньшинств, а также не верят в равное отношение ко всем носителям различных языков.

Во всем исследовании все общие показатели оказались низкими. Беспокойство вызывает то, что дело обстоит так даже в тех случаях, когда формальную законодательную поддержку языков меньшинств можно оценить как высокую и позитивную. Очевидно также, что респонденты не вполне информированы о содержании и эффективности законодательных мер в отношении языка, что должно заставить задуматься политиков, принимающих решения, и чиновников, отвечающих за систему образования. Невысокие показатели в зоне *Желание* показывают также, что респонденты, даже если они знают о наличии законодательных мер защиты языков меньшинств, все равно до конца не верят в эффективность этих законов и действенность их применения, особенно если в сообществах еще жива память о какой-либо дискриминации их языка в прошлом.

4.5.6 Параметр СМИ в зоне Желание

Как уже отмечалось выше, показатели по параметру СМИ во всех исследованиях чрезвычайно низки. Это может быть следствием того, что желание респондентов в этом вопросе является отражением зон *Потенциал* и *Возможности*. Более того, показатели по СМИ в зоне *Желание* рассчитывались на основе тех же вопросов (Q62 и Q63), которые применялись при подсчетах в зоне *Потенциал*, поэтому те же проблемы достоверности, которые описаны в разделе 4.3.6, также влияют на достоверность показателей по СМИ.

Наивысшие (хотя по абсолютной шкале все равно очень низкие) показатели по СМИ в зоне *Желание* зафиксированы среди эстонцев в Германии, у которых имеется постоянный и хороший доступ к СМИ на эстонском языке, издаваемым в Эстонии, особенно благодаря Интернету. То же относится и к эстонцам, проживающим в Финляндии, о чем свидетель-

ствуует практически идентичный показатель у тех и других, 0.98. Таким образом, низкие показатели говорят о том, что доступ к СМИ на данном языке, не сопровождающийся другими мерами поддержки языка, не является достаточным для эффективной защиты и поддержки последнего.

4.6 Языковые продукты

4.6.1 Оценка Языковых продуктов

Зона *Языковые продукты* имеет дело с наличием и востребованностью на рынке языковых ресурсов (печатных, электронных и аудиовизуальных, например концертов, спектаклей, представлений и т. п.), а также желание людей пользоваться данными ресурсами и услугами на определенном языке и посредством этого языка. Благодаря следующему ниже анализу результатов, можно заметить, что подобные языковые продукты представляют собой очень важную составляющую процесса ревитализации и поддержки языка.

В рамках исследования анализировались ответы на следующие вопросы:

Сфера и область применения языка	Переменные	Вопросы исследования
Использование языка и языковое взаимодействие	Использование языка в определенных областях и сферах	Вопрос 39: Отношение респондентов к использованию данного языка в таких сферах общественной жизни, как телевидение, радио, полицейские участки, парламент и суды, а также больницы. Вопрос 61: Сведения, которыми респонденты располагают, о непосредственном использовании языка в различных сферах общественной жизни (данный вопрос также затрагивал область рекламы и объявлений).
Законодательство	Поддержка или запрет использования языка	Вопрос 47: Имеется ли законодательство на языке данного меньшинства?
СМИ	Потребление продуктов СМИ и их использование	Вопрос 62А: Потребление продуктов СМИ на языке меньшинства: использование электронных СМИ и печатной продукции; посещение театров, концертов и т. п., участие в интерактивных играх и написание блогов на данном языке.
Образование	Язык преподавания и обучения	Вопросы 25-27: Использование языка в сфере образования; какие языки используются в дошкольных учреждениях, начальных и профессиональных школах; был ли родной язык респондентов тем языком, на котором велось обучение, были ли уроки родного языка респондентов в школе, где они учились.

Таблица 8. Вопросы, применявшиеся при расчете показателей по языковым продуктам.

4.6.2 Замечания об общих результатах

Наиболее высокие результаты в отношении языковых продуктов в целом наблюдаются среди эстонцев в Финляндии (1.717), сразу за ними следуют эстонцы, проживающие в Германии (1.473). Высокие показатели здесь являются результатом доступности образования на эстонском языке, полученного респондентами еще в Эстонии, а также доступности СМИ на эстонском языке в Финляндии и Германии. Похожим образом респонденты, говорящие на венгерском языке в Австрии (1.459) и в Словении (1.684), имеют регулярный доступ к СМИ на венгерском языке в этих странах. В сравнении с этими двумя случаями, результат, показанный северными саамами (1.575), находится высоко и выделяется на их фоне, поскольку у саамского языка нет «родного» государства. При этом существует устойчивая востребованность языковых продуктов на саамском языке, а сами такие продукты доступны пользователям.

В общем и целом, средние показатели по языковым продуктам все же существенно ниже, чем показатели в фокусных зонах *Потенциал*, *Желание* и *Возможности*, причем значительно ниже в случаях с теми языками, которые не признаны на государственном уровне или получили официальное признание лишь недавно. Это означает, что респонденты не пользуются своим родным языком меньшинства в той степени, в которой они могли бы или хотели бы им пользоваться. Это говорит также о том, что уровень использования респондентами определенного языка в целом ниже, чем потребность в языковых продуктах на этом языке.

Результаты, следующие из расчетов в зоне фокуса *Языковые продукты*, в каждом из случаев, рассмотренных проектом ELDIA, приведены в настоящей таблице.

Страны и языки	Средний показатель	Использование языка и взаимодействие на нем	Законодательство	СМИ	Образование
Эстонский в Германии	1.473	0.50	0.05	1.49	2.60
Эстонский в Финляндии	1.717	1.11	0.5	1.65	2.66
Венгерский в Словении	1.684	2.33	2.37	1.54	1.64
Венгерский в Австрии	1.459	1.63	0.91	1.33	1.78
Карельский в Финляндии	0.515	1.52	0.14	0.41	0.04
Квенский язык в Норвегии	0.299	0.90	0.78	0.10	0.01
Северносаамский в Норвегии	1.575	2.70	3.32	1.38	0.94
Сету в Эстонии	0.57	1.61	0.48	0.49	0.04
Выру в Эстонии	0.569	1.66	0.22	0.37	0.07
Вепсский в России	0.584	1.57	0.15	0.42	0.15
Карельский в России	0.718	1.95	0.49	0.61	0.13
Меянкиели в Швеции	0.71	1.78	2.06	0.64	0.05

Таблица 9. Показатели по языковым продуктам (в т. ч. средние результаты по четырем параметрам)

4.6.3 Использование языка и взаимодействие

По сравнению с другими, показатели для эстонского языка в Финляндии (1.11) и эстонского в Германии (0.49) низкие. Особенно в случае Германии такая ситуация показывает, что существуют ограниченные возможности для использования эстонского языка вне дома. Подобная ситуация характерна для языков меньшинств, мигрировавших относительно недавно, а также для рассеянных сообществ, как раз таких, как эстонцы в Германии.

В случае карельского языка в Финляндии результаты в этом отношении были гораздо выше по сравнению с довольно низкими показателями языка по другим параметрам. С другой стороны, значительная часть респондентов отвечала на вопросы с большим скепсисом. Так, при ответе на вопрос Q39, приблизительно половина респондентов отметила, что не одобрила бы использования карельского языка во всех сферах общественной жизни, тогда как другая половина высказалась за такое использование. Там же, где респонденты не разделялись во мнении поровну, большинство не считали необходимым использование в той или иной сфере карельского языка. Такой негативный эффект был усилен большим числом ответов «не знаю» на вопрос Q61.

Показатели квенского языка в Норвегии в зоне *Использование и взаимодействие* составили всего 0.90. Это один из самых низких результатов в исследовании. Язык же другого меньшинства, проживающего в Норвегии, то есть северных саамов, продемонстрировал наиболее высокий результат, 2.70. Это показывает, насколько активно северносаамский

используется в разных сферах общественной жизни. Об 11 из 15 таких сфер и областей большинство респондентов ответили, что северносаамский в них используется, а единственной сферой, где преобладали отрицательные ответы, оказался парламент (53.2% респондентов ответили, что северносаамский язык там не используется).

В случае с языком меанкиели в Швеции общие показатели составили 1.78. Основной вывод в отношении меанкиели здесь в том, что людей, которые убеждены, что меанкиели должен использоваться в различных сферах жизни (например, на телевидении, в больницах, на полицейских участках и т. п.), больше, чем людей, которые верят, что меанкиели действительно используется в этих областях общественной жизни.

4.6.4 Законодательство

Показатели по законодательству рассчитывались исключительно на основании вопроса, знают ли респонденты о наличии законодательных мер защиты языков меньшинств в данной стране. В общем и целом, результаты здесь оказались довольно низкими за двумя-тремя исключениями. Исключения эти составили это венгры в Словении (2.37) и северные саамы в Норвегии (3.32). Языки этих двух меньшинств пользуются высоким уровнем государственной поддержки, а их носители хорошо осведомлены о мерах такой законодательной поддержки со стороны соответствующих государств.

4.6.5 СМИ

Как и в случае с другими параметрами, наиболее хорошие результаты по СМИ – хотя и относительно невысокие (между 1.33 и 1.65) по причинам, затронутым ранее в разделе 4.3.6, – были продемонстрированы четырьмя меньшинствами, имеющими «родные» государства (эстонцами в Германии и Финляндии, а также венграми в Австрии и в Словении), а также северными саамами. В случае с эстонцами в Финляндии и Германии потребление продуктов СМИ на эстонском языке происходит в основном благодаря возможностям Интернета и, таким образом, зависит от уровня доступности последнего для представителей меньшинств, а также от доступности Интернет-ресурсов на эстонском для носителей этого языка, находящихся вне Эстонии. То же актуально, по всей видимости, для венгров, по крайней мере, проживающих в Австрии: доступ к СМИ на венгерском языке там довольно непостоянен и нестабилен. Результаты в отношении северных саамов отражают главным образом использование традиционных СМИ, например газет или радио.

В случае всех остальных исследованных меньшинств, очень невысокие показатели (от 0.10 для квенского языка до 0.64 для меанкиели) свидетельствуют, вероятно, о недостаточном количестве СМИ на данных языках, а не об отсутствии интереса людей к использованию этих языков. К примеру, как утверждают авторы исследования по ситуации с меанкиели (Arola et al., предстоящая публикация), говорящие на меанкиели читают и используют все СМИ на своем языке, к которым у них есть доступ.

Во многих случаях недостаток СМИ на языках меньшинств также отражает недавний процесс стандартизации и оспаривания статуса литературного языка (например, новый стандарт языковой нормы не всегда безусловно принимается носителями данного языка, как в случае с сету и выру в Эстонии). Далее, создание и потребление информационных продуктов СМИ затруднено для представителей старшего поколения, поскольку старшее поколение, владеющие языками меньшинств в наилучшей степени, не всегда может создавать информационный контент в Интернете. Кроме того, как, например, в ситуации вепсов и карелов в России, представители старшего поколения, говорящие на этих языках, писать умеют лишь кириллицей и часто не могут читать тексты в латинизированной записи этих языков, принятой за новый стандарт.

4.6.6 Образование

Как отмечалось выше в разделе 4.4.5, относительно высокие показатели среди мигрантов из Эстонии и большинства венгров в Австрии могут ввести в заблуждение, поскольку отражают ситуацию с образованием респондентов, полученным ими еще в их родных странах до момента миграции. В странах, где сейчас проживают эти меньшинства, отсутствуют образовательные продукты на их родных языках (например, в Германии нет образовательных учреждений с эстонским в качестве языка обучения) или же присутствуют в крайне ограниченном количестве (к примеру, законодательство Финляндии предусматривает ограниченные возможности для обучения на эстонском; в Австрии также есть особый школьный закон, но лишь в провинции Бургенланд).

В случае венгров, проживающих в Словении, результаты анализа показывают, что при наличии официальной двуязычной системы образования в области Прекмурье, образование более высокого уровня дается все-таки на словенском языке. Это должно привлечь внимание на вопрос отношения к языкам со стороны жителей региона: родители часто убеждены, что образование на словенском языке предоставляет их детям лучшие возможности и перспективы на будущее.

Результаты, полученные для северносаамского языка в Норвегии, лучше, чем для других меньшинств, не имеющих государственности, и, тем не менее, ниже, чем в зоне *Возможности*. Законы Норвегии, поддерживающие и поощряющие использование саамского языка в системе образования, приобретают все больший положительный эффект, хотя, скажем, представители старшего поколения саамов и не успели воспользоваться возможностями, которые эти законы предоставляют.

В ситуации всех других меньшинств, исследуемых в рамках проекта ELDIA, полученные ими очень низкие показатели отражают тот факт, что языки этих меньшинств представлены в сфере образования очень слабо. (Тем не менее, в случае с мянкияли такое заключение может быть ошибочным, поскольку обучение финскому языку, которое прошли в школах 10% респондентов, могло включать в себя на практике преподавание также языка мянкияли, но оно не учитывалось в исследовании.) В лучшем случае язык меньшинства преподается как предмет по выбору, но даже эта возможность, как правило, начала

предоставляться относительно недавно. Для большинства же взрослых респондентов школа была местом ассимиляции, т.к. предоставляла обучение только на государственном языке.

4.6.7 Выводы

Анализ данных явно свидетельствует о том, что во всех случаях востребованность языковых продуктов и услуг выше, чем уровень их доступности для меньшинств в обсуждаемых странах. Даже более оптимистичные результаты в некоторых странах не должны вводить нас в заблуждение, так как показатели, например, для эстонцев в Финляндии изменились бы достаточно сильно, если бы фокус исследования был сделан на мигрантах из Эстонии второго или третьего поколения. В дополнение к необходимости сделать доступными продукты СМИ на языке меньшинств, необходимо также информировать людей и поощрять использование родного языка представителями меньшинств. Кроме того, поскольку потребление многих продуктов СМИ требует навыков чтения и письма на данном языке, необходимо также преподавание языков меньшинств, которое всегда имеет большое значение для активного использования этих языков. Не стоит также забывать и о роли государственной идеологии и политики в отношении языков.

4.7 Многоязычие в исследовании ELDIA

Опросники исследования включали в себя целый ряд вопросов об использовании нескольких языков (языка меньшинства, большинства и некоторых других языков, например английского) в семьях респондентов, а также о потреблении информационных и культурных продуктов на разных языках. Респондентов также просили сообщить о своем знании ряда языков и о том, где они используют эти языки. Данные вопросы подробно не освещены здесь, так как им уделялось внимание ранее в разделах *Потенциал*, *Возможности* и *Языковые продукты* (4.3, 4.4, 4.6).

Другой блок вопросов касался восприятия и понимания многоязычия в свете официальных действий. Респондентов попросили сообщить, знают ли они о мерах законодательной поддержки языков меньшинств, которые способствуют использованию разных языков в данном регионе или на рынке труда, а также спрашивали, получают ли все языки меньшинств, по сведению респондентов, равную поддержку.

Наконец, в анкете, использовавшейся в проекте ELDIA, были также вопросы об отношении респондентов к их собственному родному языку и его носителям, к смешению языков и к языковым стереотипам, а также о мнении респондентов относительно будущего языков меньшинств, языка, используемого большинством, и английского языка. Кроме того, респондентов попросили описать их впечатления от разных языков в соответствии со шкалой бинарных оппозиций, где используются такие характеристики языка, как «твердый – мягкий». Краткое обсуждение вопросов отношения респондентов к языкам и языковым проблемам приводится в разделах 2.3.2 и 3.5.

4.7.1 Смешение языков

В вопросе Q33 респондентов попросили выразить степень своего согласия с разнообразными утверждениями о смешении языков (от варианта «я полностью согласен» до варианта «я полностью не согласен»). Необходимо отметить, что выражение «смешение языков» не было подробно конкретизировано в анкете. Если использовать лингвистический термин, то здесь стоит употребить выражение «переключение кодов» (code-switching), т.е. переход с языка на язык в ходе разговора. Данный процесс является сложным явлением, имеющим много составляющих, и точно определить его довольно трудно. В общем и целом, респонденты говорили о том, что переключение языковых кодов является широко распространенным явлением и преобладает среди представителей молодого поколения. Отношение респондентов к данному явлению варьирует в зависимости от конкретных случаев, рассмотренных в исследовании. Стоит, однако, отметить, что пуристическое отношение встречается как среди представителей сугубо одноязычных культур (например, мигранты первого поколения венгров в Австрии или эстонские мигранты в Германии), так и среди носителей практически ненормированных языков меньшинств, не имеющих своей государственности (например, среди носителей карельского или вепского языка в России).

Существует общее понимание того, что представители старшего поколения говорят на более чистом и грамотном языке и что уровень образования не влияет в значительной мере на переключение языковых кодов. Кроме того, в некоторых случаях, рассмотренных в рамках проекта ELDIA, были отмечены различия между городскими формами языка и формами языка, на которых говорят деревенские жители.

4.7.2 Официальная и законодательная поддержка многоязычия; вопросы равного отношения к языкам

Большинство респондентов, опрошенных в рамках проекта ELDIA, включая и носителей языков меньшинств, пользующихся государственной поддержкой, говорили в своих ответах на вопросы исследования, что не знают, поддерживает ли законодательство их страны многоязычие каким-либо образом или нет. Преобладание ответа «не знаю» должно, на наш взгляд, рассматриваться как тревожный сигнал.

Вопрос Q50 в анкете, касающийся того, одинаковыми ли правами пользуются различные языки и говорящие на них, был сформулирован слишком абстрактно, вследствие чего многие из респондентов с трудом понимали его и не могли точно оценить свой собственный опыт в этом отношении. Это обстоятельство представляется важным, поскольку именно в нем может содержаться частичное объяснение того, почему имеет место столь немного случаев, когда вопросы по дискриминации в отношении языка становятся предметом рассмотрения в судах. Кроме того, косвенную дискриминацию в отношении тех или иных языков может быть довольно трудно установить: отдельные носители языка не обязательно могут воспринимать случаи дискриминации, имевшие место с ними, как часть общей дискриминации в отношении всех носителей данного языка, или, с другой

стороны, людям бывает трудно признать факт дискриминации в отношении них, т. к. они не хотят воспринимать себя жертвами или более маргинализованной частью населения.

4.7.3 Выводы

В то время как очевидное большинство респондентов, опрошенных проектом ELDIA, могут быть объективно определены как многоязычные граждане, не существует консенсуса на предмет того, что конкретно означают понятия «билингвизм» и «многоязычие». Интервью с респондентами показывают, что данный вопрос касается не только коммуникации с внешним миром, но также внутренних диалогов человека с самим собой, внутренней рефлексии и процесса мышления. То обстоятельство, что человек является дву- или многоязычным, не обязательно воспринимается как нечто неизменное, так как в течение жизни человека могут меняться обстоятельства, языки и место его жительства. В соответствии с выводами проекта ELDIA, билингвизм и многоязычие не воспринимаются как явления, получающие безусловную и конкретную поддержку и продвижение на общественном уровне.

4.8 Анализ дискурса СМИ в проекте исследования ELDIA

Целью анализа дискурса СМИ в проекте ELDIA было освещение роли многоязычия и положения языков меньшинств и говорящих на них сообществ в контексте их жизни в обществе. Делалось также предположение о том, что СМИ производят и воспроизводят взаимоотношения между разными общественными силами (см. раздел 2.7), играя, таким образом, существенную роль в поддержке языка или же, напротив, в препятствовании его использованию.

Анализ дискурса СМИ проводился в шести странах из восьми, где велись исследования в рамках проекта ELDIA, а именно в Австрии, Эстонии, Финляндии, Норвегии, России и Швеции⁹. В каждой из этих стран были выбраны одно или два сообщества, говорящих на языке меньшинств, а также рассматривались и исследовались СМИ, работающие на этих языках. Проект был выполнен в отношении СМИ как на языках меньшинств, так и на языке большинства. В основном анализировались ежедневные и еженедельные издания, а там, где материала не хватало, анализировались также информационные брошюры и публикации в Интернете.

⁹ Тематическое исследование СМИ австрийских и венгерских меньшинств проводилось Ритой Чисар в Венском Университете; отчет по эстонскому, сету и вырусскому дискурсу в СМИ был написан Кадри Корейник в Тартуском Университете; отчет о СМИ в Финляндии и о карельском и эстонском меньшинствах был сделан Ниной Куннас в Университете Оулу и Соней Лайтинен в Университете Хельсинки. Отчет о северносаамском и квенском языках в СМИ был написан Марией Керянен в Университете Хельсинки и Анной-Кайсой Рэйсенен в Университете Оулу; шведский язык и мяанкиели в СМИ изучали Надя Ниёминен-Мянтю в Стокгольмском Университете; а исследование по России, карельскому и вепсскому языкам в дискурсе СМИ, писали Сантра Янтунен и Оути Танцош в Университете Хельсинки.

4.8.1 О плане и схеме исследования

Схема исследования была создана и осуществлялась под руководством Реетты Тойванен, помощь оказывала также Оути Танцош. При выполнении анализа был применен метод критического анализа дискурса, который подчеркивает важность контекста, в котором функционирует язык, а также уделяет особое внимание проявлениям в языке взаимоотношений, связанных с властью (Wodak & Meyer 2009). Использование языка воспринимается как общественная сила, объектом исследования становятся социальные проблемы (van Dijk 2008). Таким образом, изучение текстов по этой методике позволяет выявить неравные взаимоотношения, связанные с властью и находящие выражение в тексте СМИ, а также попытки легитимировать или оспорить данные взаимоотношения.

Анализ СМИ, таким образом, отказывается от стандартных вопросов в пользу рассмотрения текстов, подробный анализ всех характеристик текста не производится. Ключевые вопросы анализа дискурса СМИ могут быть представлены следующим образом:

1. Как меньшинства представлены и характеризуются в СМИ на языках меньшинств и большинства?
2. Как меньшинства и большинство позиционируют себя на страницах СМИ, а также как они пишут в СМИ друг о друге?
3. Как СМИ на языках меньшинств и большинства информируют читателей о том, что происходит в сфере взаимоотношений меньшинств и большинства между собой?
4. Рассматривается ли поддержка языков как важная тема и как она обсуждается в СМИ?
5. Какие роли и функции отданы языкам меньшинств и большинства в обсуждении поддержки разных языков и культур в СМИ?

Вследствие большого количества материалов и СМИ (особенно СМИ на языках большинства населения), исследователям было предложено выбрать для более глубокого анализа издания за один из трехмесячных периодов времени:

1. Февраль – Апрель 1998 – когда вступили в силу Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, а также Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств;
2. Середина двухтысячных: отдельные трехмесячные периоды для каждой страны:
 - Эстония: весна 2004 (дебаты о статусе южноэстонских вариантов эстонского языка),
 - Норвегия: весна 2005 (новый закон о языке),
 - Швеция: весна 2006 (дебаты о языке мигрантов в Швеции)
 - Австрия: осень 2006 (годовщина революции 1956 года в Венгрии),

- Россия: весна 2004 года (предложение законопроекта о языке в Республике Карелия),
 - Финляндия: осень 2005 (решение о создании общего литературного карельского языка);
3. Ноябрь 2010 – январь 2011 – для иллюстрации недавнего развития и для новых СМИ (если этот период оказался релевантным)

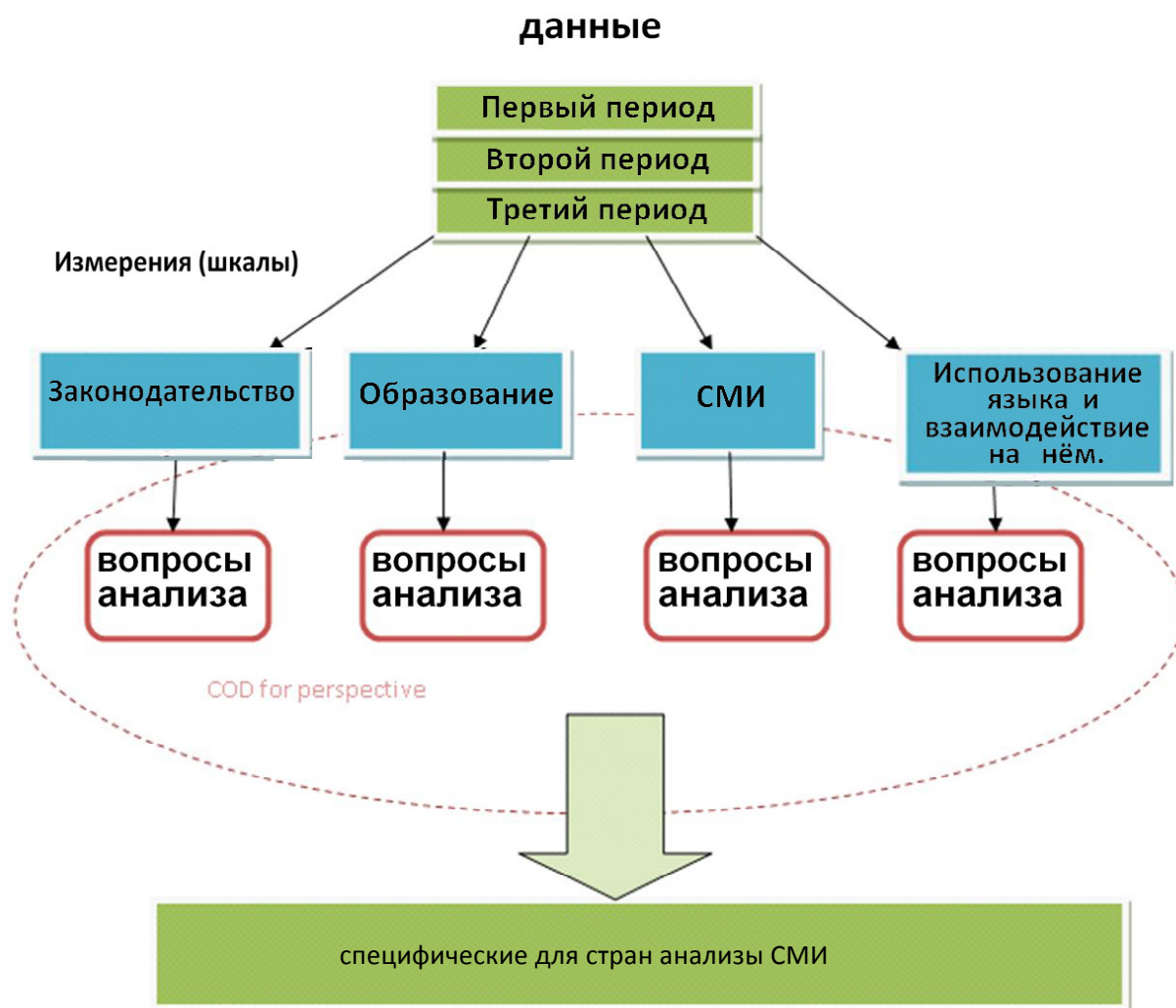

Рисунок 17. Медийно-социологический анализ¹⁰

4.8.2 Итоги исследования

Целью анализа дискурса СМИ в каждой стране было выявление того, как языки меньшинств, поддержка языков, их утрата и ревитализация обсуждаются в СМИ на языках меньшинств и большинства в соответствующих странах. Отношение к этим аспектам, выражаемое в СМИ на языке большинства отражает отношение общества к сообществам

¹⁰ Схема составлена Оути Танцош.

меньшинств. В свою очередь СМИ на языках меньшинств свидетельствуют о том, какой информацией о проблемах и возможностях эти СМИ, часто испытывающие многочисленные внутренние противоречия, делятся со своими читателями.

4.8.2.1 Венгерский язык в Австрии

В течение трех периодов проведения анализа в выбранных для исследования крупных изданиях (т.е. в газетах *Die Presse*, *Neue Kronen Zeitung*) не было зафиксировано ни одного случая публикации новостей, касающихся жизни венгерского меньшинства, проживающего в Австрии. Единственное отмеченное прессой событие здесь затрагивало пятидесятилетнюю годовщину революции 1956 года в Венгрии. При этом общий тон публикации свидетельствовал о чувстве благодарности двух стран друг к другу и о позитивной роли обеих стран в революции, как «борцов за свободу Венгрии», так и австрийцев, оказывавших помощь большому числу венгерских беженцев. Даже при таком дискурсе публикации не был затронут вопрос о поддержке венгерского языка и венгерской культуры в теперешней Австрии.

Случающиеся время от времени споры и конфликты не освещались в СМИ на языке меньшинства или же о таких конфликтах сообщалось в умеренном тоне. Кроме того, СМИ на языке венгерского меньшинства не уделяли внимания ни решениям власти по вопросам, касающимся жизни венгерского сообщества в Австрии, ни тому, как такие решения могли бы повлиять на жизнь венгров в Австрии. То, что подобные вопросы не освещаются в СМИ, свидетельствует о том, что у австрийских венгров существует лишь ограниченная возможность лоббировать в прессе свои интересы. Хотя часто СМИ на венгерском языке в Австрии и пишут о событиях в Австрии, которые имеют отношение к образованию на венгерском языке, но за все время анализа ни разу не затрагивался вопрос о большем оживлении венгерского языка в Австрии. Также СМИ на венгерском языке не сообщают о каких-либо конфликтах или спорах, относящихся к сфере образования на венгерском языке, как и не обсуждают той роли, которую должно играть австрийское общество в поддержке венгерского языка и идентичности в Австрии.

Анализ публикаций СМИ на языке большинства показал, что не только венгерское сообщество в Австрии, но и другие меньшинства, официально признанные в Австрии, будучи хорошо интегрированными и относительно небольшими, получают чрезвычайно мало внимания на страницах австрийских СМИ. В СМИ на языке большинства практически все без исключения языковые вопросы связаны с вопросами иммиграции и интеграции мигрантов в австрийское общество, причем в основном обсуждается отсутствие владения мигрантами немецким языком.

4.8.2.2 Выру и сету в Эстонии

Носители языка сету очень редко упоминаются в эстонских СМИ, их же собственная газета «Setomaa» публикуется крайне нерегулярно, поэтому проанализировать можно было лишь девять ее выпусков. Тематика публикаций в СМИ на языке выру скорее маргинальна

в общем дискурсе эстонских СМИ. Основные эстонские СМИ, как представляется, склонны публиковать материалы на темы меньшинств только тогда, когда существующее положение последних меняется или сталкивается с какими-либо проблемами или вопросами: например, когда происходят изменения в эстонском законодательстве или процесс выбора песни, которая могла бы представлять Эстонию на конкурсе песни «Евровидение». В других случаях тема меньшинств возникает в эстонской прессе спорадически. Парадоксальным образом, газеты на языках меньшинств также избегают в своих публикациях тем, касающихся непосредственно самих же меньшинств сету и выру, и не обсуждают ярко выраженных политических вопросов, что, по-видимому, является следствием того, что зачастую, к примеру, представители выру воспринимают себя не меньшинством, а частью эстонского большинства.

4.8.2.3 Эстонский и карельский языки в Финляндии

Обе крупные финские газеты, «*Helsingin Sanomat*» и «*Kaleva*», проанализированные в рамках проекта в Финляндии, часто пишут о меньшинствах, но обычно статьи сфокусированы на шведоязычных финнах, а также на сообществах саамов на севере Финляндии или на иммигрантах (в том числе иногда и из Эстонии). Карелы же и карельский язык упоминаются очень редко, и обычно такие статьи говорят о карелах в России или о тех карелах, что только недавно мигрировали в Финляндию. В общем и целом, языковые аспекты и вопросы освещаются нечасто и обычно упоминаются мимоходом при обсуждении других тем в газетных публикациях.

Эстонские СМИ в Финляндии практически отсутствуют, а анализ публикаций на эстонском языке в периодических бюллетенях и общественных изданиях немного может сказать об интересах эстонцев, живущих в Финляндии. Даже вопрос о состоянии образования на эстонском языке в Финляндии, который, как кажется, представляет большой интерес для эстонских семей, едва ли затрагивается в таких публикациях. Изучение финского языка и использование его при взаимоотношениях с государственными органами представляется для эстонского сообщества в Финляндии очевидной необходимостью, не оспариваемой самими эстонцами.

Противоположностью носителям эстонского языка предоставляются носители карельского языка в Финляндии. Последние более разрозненны и менее многочисленны, а СМИ на карельском языке играют важную роль в информировании карел о поддержке их языка государством, а также в распространении информации о различных языковых и мероприятиях¹¹, связанных с карельским языком. В свете проведенного анализа видно, что даже официальное признание карельского языка в Финляндии лишь очень

¹¹ В Финляндии есть только одно СМИ, функционирующее исключительно на карельском языке. Это онлайн-газета *Karjal Žurnalu*, которая появилась в 2011 году и поэтому не могла быть принята в расчет в этом анализе СМИ.

незначительно повысило и укрепило его статус: в лучшем случае появились какие-то надежды на позитивные изменения в будущем.

4.8.2.4 Северносаамский и квенский языки в Норвегии

В Норвегии большинство газет регулярно пишут на тему меньшинств. В отношениях между саамами и СМИ на языке большинства соблюдается честность, открытость и непредвзятость, как это видно в том числе по ссылкам на саамские газеты и наличие соответствующих мнений в крупных норвежских газетах. Взаимоотношения между квенским меньшинством и норвежскими газетами более сложные. К примеру, сообщество квенов жалуется, что оно не так часто, как хотелось бы, становится темой публикаций в крупных норвежских медиа и появляется в новостях.

В разделах крупных норвежских газет, посвященных дебатам, меньшинства квенов и саамов часто сравниваются, особенно в статьях, обсуждающих статус квенов и квенского языка в норвежском законодательстве и дисбаланс между помощью, ресурсами и поддержкой, получаемыми соответственно сообществами квенов и саамов. Некоторые публикации указывают на то, что парламенту саамов должна быть предоставлена большая степень свободы и ответственности при принятии административных и иных решений.

В общем и целом, крупные норвежские СМИ регулярно освещают жизнь и проблемы меньшинств и их языков и рассматривают их как естественную часть норвежского общества, которая нуждается в защите и поддержке со стороны государства. Непосредственно ревитализация и использование языков меньшинств, по мысли большинства публикаций в норвежских СМИ, находится в руках самих сообществ саамов и квенов.

Газета «*Ruijan Kaiku*» является единственным изданием, которое регулярно публикует статьи о квенах и на квенском языке (начиная с 1995 года), а также активно защищает на своих страницах права меньшинств. Фокусируя внимание читателей на статусе меньшинства, газета представляет квенов в положительном свете, в то время как норвежцы часто изображаются в негативном контексте – как некие «они». В конечном счете, статьи все-таки апеллируют к большинству, представляя положение квенов настолько трудным, насколько это возможно, чтобы дать понять читателям и обществу, что необходимо финансирование и помощь для поддержки квенского меньшинства и спасения его от полной ассимиляции.

Наиболее часто обсуждаемые темы в газетах саамов затрагивают, во-первых, разведение северных оленей, во-вторых, вопросы образования и использования языка в разных сферах общественной жизни и при взаимоотношениях с властями и, в-третьих, текущие события в саамском парламенте. В основном все публикации представляют общенорвежскую точку зрения. Многие статьи сообщают об ухудшении качества образования и нехватке учителей, которые достигли такой степени, что многие родители выбрали вариант домашнего обучения для своих детей. Другой проблемой, часто затрагиваемой в

новостях, остается ограниченный доступ к социальной защите, услугам и к медицинскому обслуживанию на саамском языке, а также недостаточная их развитость.

В основных крупных норвежских СМИ норвежское государство представлено как источник финансирования и поддержки для меньшинств и как субъект принятия решений в правовом поле. Тем не менее, саамские газеты часто подчеркивают общую ответственность саамского сообщества за поддержку саамского языка. Интересно также отметить, с другой стороны, что при освещении вопросов, касающихся квенского языка и квенов, саамские газеты пишут о гораздо большей, чем в отношении самих саамов, степени ответственности норвежского государства за состояние квенского сообщества и языка в Норвегии.

4.8.2.5 Карельский и вепсский языки в России

В России основной темой публикаций становится карельский фольклор, история и традиции, язык же упоминается в контексте традиционной жизни карельской деревни. Карел как группу населения призывают в публикациях больше использовать свой язык, но, с другой стороны, не призывают активнее участвовать в решении политических вопросов, хотя авторы статей зачастую и обвиняют власти в недостаточной поддержке карельского языка и критикуют власти за недостаток финансирования и ресурсов. Госслужащие и политики, имеющие карельское происхождение, представлены в публикациях с особенной теплотой и симпатией. В СМИ, с одной стороны, часто рассказывают о пожилых людях и их жизненном пути, но, с другой стороны, пишут также и о детях и студентах, изучающих карельский язык и говорящих на нем. Также героями публикаций становятся представители среднего поколения: учителя, деятели и активные личности, работники культуры.

В карельской газете «Своя земля» («*Oma maa*») и в некоторой степени также в «Русской Карелии» («*Vienan Karjala*») можно заметить все более ярко выраженная критическая тональность в отношении властей в период между 2004 и 2010 годами. Больше внимание уделяется также преподаванию карельского языка и его будущему развитию.

В вепсоязычных газетах, как и в карельских, подчеркивается важность и необходимость поддержки языка и упоминается ответственность самих носителей вепсского за свой язык. Авторы статей хвалят молодых студентов, изучающих вепсский язык, и одновременно выражают сожаление по поводу выбора многих студентов университета в пользу изучения карельского и, в особенности, финского языков. Праздники и другие традиционные вепсские мероприятия подробно описываются в прессе, рассказывается также и об их участниках.

Проанализированные газеты на вепсском и карельском языках, конечно, не могут конкурировать по степени охвата читательской аудитории с русскоязычными изданиями, но они всегда стараются привлечь внимание читателей на необходимость укрепления самоидентификации вепсов и карел. Как карельские и вепсские, так и русскоязычные газеты являются государственными изданиями и их содержание во многом пересекается.

В русскоязычной прессе прибалтийско-финские меньшинства Карелии освещаются достаточно регулярно, но зачастую поверхностно: авторы таких публикаций часто с ностальгией повествуют о традиционной деревенской жизни и упоминают при этом лишь визуальную культуру: танцы, одежду, еду и т. п. О языках меньшинств говорят редко. Постепенное опустение деревень и попытки сохранить их появляются как частая тема в публикациях как русскоязычных, так и карельских изданий. В большинстве изданий тон статей положителен и полон сочувствия. Критика в адрес властей по поводу недостаточной поддержки языка и культуры карел и вепсов практически отсутствует в публикациях русскоязычных газет. Ответственные за такое состояние дел госучреждения и чиновники не называются.

Русскоязычные газеты, которые анализировались в ходе исследования, не затрагивают вопросов поддержки языков и защиты прав меньшинств или последствий для них от изменений в законодательстве. Как представляется, эти вопросы могли бы обсуждаться в государственных СМИ на языках этих меньшинств, но это, в свою очередь, затрудняет для авторов статей возможность апеллирования к широкой аудитории, поскольку зачастую представители молодого и среднего поколений вепсов и карел не так хорошо владеют вепским и карельским. Кроме того, такие публикации не могут быть прочитаны русскоязычным населением.

4.8.2.6 *Меянкиели в Швеции*

В Швеции в газетных публикациях о меньшинствах почти всегда подразумевается ряд неоспоримых положений. Никогда не отрицается тот факт, что положение меянкиели и его носителей довольно трудное. Также нигде в публикациях не оспаривается необходимость государственной поддержки языка меньшинства и его культурного наследия. Тон публикаций практически всегда дружелюбный, в большинстве из них поощряется дву- и многоязычие. Отсутствуют даже замечания о важности изучения шведского языка. Из этих статей можно вынести представление о шведском обществе как о среде, где безусловно поощряется и поддерживается использование всеми людьми своих родных языков. Возможно, впрочем, что при рассмотрении других материалов и при ином подходе можно было бы обнаружить и какие-то другие взгляды.

Хотя в основном все шведские СМИ осуждают практику ассимиляции, проблемы сохранения и оживления языка оставлены для обсуждения самим носителям меянкиели. Также можно отметить, что чем дальше территориально от района проживания меньшинства выходит та или иная шведская газета, тем более дружелюбен по отношению к этому меньшинству тон ее публикаций. Региональные же издания, например «*Naparanda-bladet*», должны в своих публикациях соблюдать баланс между интересами носителей меянкиели и шведского языка.

Носители меянкиели представлены в прессе двумя противоположными способами. С одной стороны, возможно пассивное изображение этой этнической группы, которая все еще страдает от притеснения, стыда и постепенной утраты своего языка, но при этом не

интересуется проблемами своего языка и поиском решений этих проблем. С другой стороны, в других публикациях представлен образ активного меньшинства, которое вопреки трудностям продолжает создавать литературные произведения, прозу и поэзию, театральные постановки и песни, чтобы обеспечить своему языку будущее. Присутствие самого языка мянкиели в шведской прессе чрезвычайно мало. Многие статьи о мянкиели пишутся одними и теми же авторами и затрагивают повторяющиеся темы или написаны о тех же людях, о которых повествовалось ранее.

4.8.3 Дискурс СМИ на языках меньшинств и большинства в Европе и его актуальность для проекта ELDIA

В общем и целом, как СМИ на языках меньшинств, так и газеты на языках большинства могут по разным причинам избегать в своих публикациях обсуждения важных для представителей меньшинств вопросов. Так, в Австрии и Эстонии, по-видимому, сами представители меньшинств предпочли позиционировать себя в австрийском и эстонском обществах как группы, успешно интегрировавшиеся с большинством населения в этих странах и не желающие причинять обществу какие-либо проблемы или хлопоты. В России вепские и карельские газеты все являются государственными и, таким образом, контролируются теми же государственными органами, какие владеют и русскоязычными СМИ.

В Швеции и Норвегии первыми, кто добился признания и открытого политического обсуждения своих проблем и нужд, были саамы. Квенны и носители мянкиели находятся в состоянии некоторого соперничества как с большинством населения, так и с саамами. В обеих странах крупные основные газеты подчеркивают в своих публикациях моральную ответственность большинства за притесненное положение меньшинств в прошлом. В то же время, газеты на квенском и мянкиели часто жалуются на недостаток мотивации внутри самих меньшинств.

Как кажется, ситуация саамов в Норвегии представляет собой наиболее удачный пример того, как СМИ на языках меньшинств и большинства нашли общий подход друг к другу, а также демонстрируют возможность и умение договариваться и занимать общую позицию по важным вопросам. Общая благоприятная тональность видна в публикациях о языке и культуре. Во всех медиа в Норвегии право использовать свой собственный язык воспринимается и представляется как необходимая компенсация за ассимиляционную политику Норвегии в прошлом. В публикациях большинства СМИ ответственность за сохранение и поддержку саамского языка и саамской культуры возлагается на норвежское государство. Саамам же передается ответственность за содержание принимаемых законов по защите их языка и культуры, а также за мотивацию своего собственного сообщества и побуждение его членов к активному использованию саамского языка.

Меньшинства карел и эстонцев в Финляндии имеют очень разное прошлое и происхождение, разный статус. У карельского языка имеется признанное, но очень небольшое говорящее на нем в Финляндии сообщество, интересы и заботы которого, как кажется, не учитываются серьезным образом в крупных финноязычных СМИ. Эстонцы занимают в

Финляндии позицию, очень похожую на положение венгерских иммигрантов в Австрии. Хотя эстонская диаспора в Финляндии довольно многочисленна, газеты на эстонском языке практически отсутствуют на финском рынке, поскольку предполагается, что эстонцы могут читать через Интернет прессу на своем языке, выходящую в Эстонии. Эстонцы, в свою очередь, крайне редко высказывают требования относительно использования эстонского языка в Финляндии или заявляют о своих языковых правах.

При взгляде на весь собранный материал трудно выявить в нем какие-либо общие для всех меньшинств черты, кроме того очевидного факта, что все рассмотренные сообщества и меньшинства испытывают трудности во всех четырех фокусных зонах нашего исследования. Кроме того, доброжелательность крупных СМИ по отношению к меньшинствам зачастую зависит от того, насколько далеко географически от места проживания диаспор выходят эти издания. Издания, публикуемые близко к месту проживания меньшинства, как правило, настроены более критически, но, с другой стороны, в них представлено больше разнообразных мнений. Тем не менее, как общенациональные, так и региональные газеты уделяют слишком мало внимания реальным проблемам и заботам меньшинств, по-видимому, избегая таким образом возможных конфликтов и споров.

Саамские организации провели совместную конференцию с представителями норвежских СМИ с целью просветить друг друга в отношении того, как можно и нужно писать о меньшинствах. Это важный и ценный опыт, который необходим также и во всех других странах, поскольку у представителей меньшинств слишком редко спрашивают об их мнении и их взгляды зачастую плохо представлены в крупных СМИ.

Анализ собранного материала показывает, что авторы публикаций зачастую уделяют наибольшее внимание культурным мероприятиям, фольклору, литературе и театру меньшинств, вместо того чтобы обсуждать политические решения, влияющие на их судьбу, и представлять на страницах газет собственные взгляды представителей этих меньшинств по таким важным поводам, как развитие законодательства в отношении меньшинств или изменения в нем. СМИ на языках меньшинств ведут себя примерно так же. Можно ли тогда заключить, что публикации о фольклорных праздниках и культурных событиях в жизни диаспор являются более «безобидными» и легкими для их авторов как в общенациональных, так и в региональных СМИ? Можно ли вследствие этого сделать вывод, что, поскольку вопросы государственной поддержки и оживления языков меньшинств слишком легко политизируются и становятся предметом горячих споров в обществе, требуя финансирования и изменений в общественном мнении, то такие вопросы и темы вынужденно избегаются авторами публикаций и редакторами СМИ?

4.9 Правовой и институциональный анализ в проекте ELDIA

Правовой и институциональный анализ в рамках проекта ELDIA был важен для достижения основных целей проекта как минимум по двум причинам. Во-первых, такой анализ помог определить институционализированные отношения и итоги политических процессов, а во-вторых, позволил найти главных действующих лиц и центральные вопросы,

которые помогают нам понять не только отношение правовых систем, но и отношение самого общества к языкам меньшинств. В качестве метода исследования проект ELDIA предложил переключиться с моделей, основанных на конфронтации, на модели, рассчитанные на совместные действия и конструктивный подход, основой для которых является диалог внутри общества при помощи посредника (медиатора такого диалога). Вследствие этого анализ правовых рамок был сконцентрирован на тех каналах и возможностях коммуникации, которые есть у меньшинств в данном обществе.

В западном мире одноязычие кажется преобладающей и распространенной чертой. Тем не менее, европейцы часто говорят на двух и более языках, имея при этом самый разный уровень владения ими. Европейцы пользуются языками не только для коммуникативных целей, но и по символическим причинам. Это может быть замечено и в правовом поле государств, там, где символическое признание языков является важной целью деятельности языковых меньшинств и сообществ (примером может быть карельский язык в Финляндии или носители выру и сету в Эстонии). При этом сам язык меньшинства и говорящие на нем не обязательно стремятся к более широкому использованию своего родного языка. Наконец, носители того или иного языка или группы, говорящие на нем, находятся в состоянии постоянного выбора языков, и законодательные инструменты могут или расширять, или сужать для людей в обществе возможность такого выбора.

4.9.1 Вопросы и приоритеты ELDIA в области правового и институционального исследования

Главные вопросы, затрагиваемые в правовом исследовании ELDIA, таковы:

- Какую роль играют право и законодательство в процессе использования или неиспользования различных языков в разных сферах и областях?
- Какую роль играют право и законодательство в способствовании или же, наоборот, в создании препятствий языковому разнообразию?
- Какие из факторов, относящиеся к праву и законодательству, оказывают влияние на использование языка и его поддержку и на разнообразие языков?

Исследование правоприменения и законодательства было проведено в каждой из следующих стран и сфокусировано на актуальных для этих стран вопросах меньшинств или большинства населения: Австрия (Zwitter 2012), Эстония (Meiorg 2012), Финляндия (Grans 2012), Германия (Stephan 2012), Норвегия (Granholm 2012), Словения (Roter 2012), Швеция (Öst 2012) и Россия (Fogelklou 2014).

Уже существует немало исследований, посвященных общим вопросам недискриминации языков, но языковое законодательство, особенно в сфере образования, исследовалось гораздо меньше. За исключением, может быть, ситуации северных саамов в Норвегии, в других случаях и странах практически полностью отсутствует подробный правовой анализ

статуса языков меньшинств, даже в случае таких языковых групп, как финны, проживающие в Швеции.

Некоторые исследованные случаи представляли собой особенную трудность: к примеру, эстонский язык в Германии не имеет никакого правового статуса или официального признания. Тем не менее, даже и в этом случае исследование было чрезвычайно полезным, поскольку оно помогло прояснить принципы действия правовой системы по отношению к языкам. Это, прежде всего, принцип территориальности в вопросах государственной политики в отношении меньшинств и идея о том, что одноязычие является препятствием для интеграции. Кроме того, благодаря исследованию мы узнали больше о специфике законодательства федеральных государств в языковом отношении. Так, определенная свобода действия на локальном и местном уровнях может иметься даже тогда, когда на государственном уровне не предпринимается никаких мер поддержки меньшинств и их языков. Однако в исследовании были также зафиксированы случаи неравного отношения к разным меньшинствам, как в ситуации в Австрии, где по отношению к разным местным меньшинствам принимаются совершенно разные меры, что угрожает принципу равного отношения к языкам.

Другая трудность при анализе правовой системы состояла в том, что термины «правовое законодательство» и «законы о языке» не имеют четких границ. Например, некоторые страны не имеют специальных законов, охватывающих все языки, используемые на данной территории, таким образом, сосредоточение на таких законах было бы равнозначно ограничению охвата исследования правовой системы в целом и того, каково ее влияние на язык. Исходя из этого, мы выделили четыре основных области законодательства и правовой системы, которые мы рассматривали более пристально в ходе нашего исследования:

- Положения конституции (касающиеся главным образом языков и меньшинств);
- Законодательство в области языка;
- Законодательство в области образования, особенно в сфере начального и общего среднего образования;
- Законодательство в области СМИ (создание и регулирование печатных, теле- и радио-, а также новостных медиа).

4.9.2 Обзор общих результатов институционального и правового анализа, проведенного в рамках исследования ELDIA

Проведенные исследования подтвердили значительную разницу между общепризнанной, в том числе в обществе и среди политиков, важной ролью многоязычия и частым отсутствием закрепленного в законодательстве понятия многоязычия, а также понятий менее распространенных языков и языков меньшинств.

Во всех случаях, рассмотренных ELDIA, законы, касающиеся языков, или поправки к ним были приняты в недавние годы. Отчасти это произошло благодаря деятельности активистов, представляющих меньшинства в разных странах, но также и благодаря процессам глобального характера и распространению идеи о том, что государственные языки могут испытывать угрозу со стороны крупных языков межнационального общения, в особенности английского. Для языков таких недавних мигрантов, как носители эстонского в Германии или в Финляндии, все еще недостаточны меры официальной поддержки и признание этих языков. Несколько из рассмотренных в проекте ELDIA языков недавно получили официальное признание и/или поддержку, но почти нигде не наблюдается пока долговременной и полноценной государственной стратегии в отношении многоязычия и языков меньшинств. Впрочем, исключением в этом смысле может быть Норвегия и ее правительственный план действий по отношению к саамскому языку на 2009 – 2014 годы.

В рамках исследования регулярно наблюдалось отсутствие каких-либо правовых мер наказания за нарушение законов о языке, особенно в случае с языками меньшинств, в особенности на местном уровне. Кроме того, отсутствует история прецедентов по судебным решениям в случаях нарушения языкового законодательства даже в странах с давней традицией в регулировании языков.

Другой важный вывод исследования состоит в том, что многоязычие на индивидуальном уровне и языковое разнообразие в обществе только в ограниченной степени находят свое отражение в правовой системе. То, что чаще всего зафиксировано в законодательстве, – это определенный язык, используемый конкретной группой в конкретном регионе, где она проживает. Подобный подход и отношение не обязательно поощряет или признает многоязычие на более широком уровне – в условиях большей мобильности населения и глобализации.

4.9.3 Ситуация с многоязычием и языковым разнообразием в исследованных правовых системах

4.9.3.1 Австрия

Федеральный конституционный закон республики обязывает Австрию уважать и поддерживать «растущее языковое и культурное разнообразие Австрии, которое находит свое проявление в национальных автохтонных общинах меньшинств Австрии». Языковое разнообразие также упоминается в качестве очевидной и четкой цели для образовательной системы Австрии. Школьные программы акцентируют внимание на позитивном отношении к многоязычию языковому разнообразию. В области образования конституцией Австрии, как и отдельными актами, касающимися системы школ в провинциях Бургенланд и Каринтия, гарантировано право на двуязычие. Кроме того, уже в 1979 году в верховном суде Австрии была подчеркнута важность двуязычного образования как меры защиты от ассимиляции.

Тем не менее, на практике такие положения законов о языковом разнообразии в области образования часто используются только в отношении языков межэтнического общения. Также в недостаточной степени признается важность и в недостаточной мере осуществляется поддержка языкового разнообразия и многоязычия в рамках самой политической системы Австрии – эти важные аспекты языковой политики остаются пока на чисто символическом уровне. Пока что отсутствует также полноценная языковая политика, которая поддерживала бы языки меньшинств в разнообразных контекстах, в то время как различные программы и проекты, начинаемые по частной инициативе в этой области, также не в должной мере и в недостаточном объеме поддерживаются государством. Существующее положение дел, как и равнодушное отношение законодательной системы Австрии к вопросам языковой политики, препятствует эффективной защите и продвижению языков меньшинств и многоязычия.

Несмотря на проводившиеся дебаты по вопросам языковой политики, двуязычия и многоязычия, а также несмотря на растущее число двуязычных детей в школах в системе двуязычного и многоязычного образования, на данный момент отсутствует широкое общественное обсуждение по вопросам языкового разнообразия. Происходящие в данный момент дебаты по поводу интеграции на самом деле часто сводятся лишь к вопросам о слабом владении мигрантами немецким языком. Даже в тех провинциях и областях Австрии, где меньшинства живут на протяжении долгого исторического периода, система общего образования в школах не предоставляет ученикам возможности получения образования на языках этих меньшинств.

4.9.3.2 Эстония

В Эстонии языковое разнообразие не является целью для правовой и политической системы. Конституция страны определяет эстонский язык как единственный общий язык коммуникации на всей территории Эстонии. Регулирование использования языка в разных областях предусматривает, что целью является достижение одноязычного государства. Высокий уровень владения населением Эстонии многими другими иностранными языками рассматривается как необходимость, но в то же время зачастую воспринимается как угроза эстонскому языку.

Носители языков выру и сету считают себя эстонцами и говорят, что эстонский язык также является для них родным, наравне с их родными языками выру и сету соответственно, противореча таким образом политической идеи об одноязычном государстве. В действительности же многоязычие этих меньшинств не признается официальной системой, которая предполагает, что каждый человек может одновременно принадлежать только к одной этнической группе и иметь только один родной язык. Закон о языке, принятый в 2011 году, обязывает государство продвигать и поддерживать «региональные разновидности эстонского языка», в том числе выру и сету, но вместе с тем не признает их отдельными языками.

4.9.3.3 Финляндия

В Финляндии языковое разнообразие является четко выраженной и прописанной в законодательстве целью, отраженной также в положениях конституции страны, которая говорит о двух государственных языках и о конституционном праве групп людей поддерживать и развивать свой собственный язык и свою культуру. Тем не менее, отсутствует государственная политика, которая непосредственно имела бы своей целью развитие и поддержку многоязычия в финском обществе. Действующая в настоящее время правительственная программа Финляндии упоминает права и интересы только носителей шведского языка и саамов, тогда как другие языки и меньшинства или многоязычие как общее положение дел в обществе не упомянуты в данной программе. Многоязычие на индивидуальном уровне, с другой стороны, давно отражено в финском законодательстве и гарантировано в Финляндии в системе образования, где изучение языков – по крайней мере еще одного иностранного языка наряду с государственными финским и шведским – является непременным условием получения образования.

4.9.3.4 Германия

Языковое разнообразие не является ярко выраженной целью политической или правовой системы ФРГ и почти что не фигурирует в системе образования страны (за исключением уставов нескольких частных школ). С институциональной точки зрения Германия чаще всего рассматривается как одноязычное государство.

Традиционные меньшинства в Германии (за исключением синти и цыган), относительно небольшие по числу своих представителей, пребывают в традиционных районах своего проживания и не представляют никакой угрозы языковой однородности государства. С другой стороны, большое количество недавних мигрантов, как представляется, может представлять собой угрозу языковой целостности Германии, при этом расширение рамок правового и политического характера для охвата и поддержки нового языкового разнообразия не вполне принимается и поддерживается обществом. В этом смысле можно отметить, что предоставление услуг общественными учреждениями, например медицинскими учреждениями, представителям наиболее многочисленных групп мигрантов (например, из Турции) на их языках представляется более срочным и необходимым, чем предоставление данных услуг на языках меньшинств, чьи представители менее многочисленны (как, например, эстонцы).

4.9.3.5 Норвегия

В Норвегии опыт двуязычия – наличие двух письменных форм норвежского языка, букмола и нюнорска – означает, что правовая система страны уже знакома с ситуацией языкового разнообразия. В настоящее время в стране происходит общественное обсуждение, сфокусированное на угрозе со стороны английского языка, вытесняющего норвежский из все более широкого спектра областей общественной жизни и коммуникации.

Положение о топонимах, принятое в Норвегии, позволяет увидеть и понять языковое разнообразие страны благодаря дорожным знакам и знакам географических названий, причем их установка была и остается предметом обсуждения, дебатов и даже некоторого саботажа на местном уровне. Зато положительный эффект установки многоязычных знаков заключается в росте самосознания среди представителей меньшинств и их растущем желании увидеть больше таких знаков на саамском и квенском языках. Школы также становятся местом развития языкового многообразия благодаря положениям закона об образовании Норвегии и их применению в школьных программах по продвижению и поддержке знаний и возможности их получения на саамском языке. В данный момент в Норвегии существует 14 учебных программ для школ на разных языках.

4.9.3.6 Словения

В Словении опыт обращения с языковым многообразием представлен двумя подходами: продвижением местного языкового многообразия в традиционных областях проживания венгерских и итальянских меньшинств, а также признанием необходимости владения каждым жителем хотя бы одним из языков межэтнического общения. В целом же отношение к языковому многообразию в Словении неоднозначное и зачастую политика государства в сфере языка является запутанной и противоречивой. Система образования Словении активно продвигает и поддерживает языковое многообразие, но, с другой стороны, использование нескольких языков в некоторых сферах общественной жизни не поощряется, как, к примеру, в судах, при взаимоотношениях с госучреждениями и т.д.

В тех областях Словении, где проживают этнические меньшинства венгров и итальянцев, правовая система Словении предусматривает равное использование как языка меньшинств, так и словенского, причем во всех сферах: при взаимодействии с госслужащими, при составлении официальных бумаг и иных документов и при их подписании. Кроме того, на территории проживания венгерского меньшинства всем детям предоставлена возможность обучения в двуязычных школах.

4.9.3.7 Швеция

В Швеции языковая политика изменилась совсем недавно. Конституция Швеции закрепляет за всеми меньшинствами страны право на выбор языка, культуры и религии и на этническое самоопределение, а также поддерживает это право. В то же время, обеспечение конкретных мер по гарантированию его не предусмотрено в правовой и политической системе Швеции. И все же защита языкового разнообразия была упомянута в новом законе о языке, принятом в 2009 году. В данном документе языковое многообразие поддерживается, прежде всего, как то, что способствует личному, экономическому и культурному росту и благополучию жителей Швеции. Следуя логике данного подхода, Швеция недавно приняла языковую стратегию и закон о языке, направленные на обеспечение статуса шведского языка и языка меньшинств по всей стране и на

международном уровне, однако упомянутые документы не содержат систематического подхода к проблемам и вопросам языкового многообразия.

4.9.3.8 Россия

Законодательство Российской Федерации в отношении языкового многообразия характеризуется неоднозначностью и отсутствием конкретных мер для защиты языков меньшинств и правовых инструментов для ее осуществления. В целом в законодательстве России есть хорошая основа для защиты языкового многообразия, которая, однако, далеко не всегда надежна и эффективна. После принятия закона о национальных языках в 1991 году основной заботой для политического руководства России стало сохранение целостности страны. Русский язык воспринимается как основной инструмент интеграции, поэтому он поддерживается полноценной федеральной программой по поддержке русского языка, разработанной на период 2011 – 2015 годов. Следуя этой логике, была принята поправка к закону о языке, принятому в 1991 году, гласящая, что, начиная с декабря 2002 года, для записи всех региональных языков России должна использоваться кириллица. Поддержка официальных языков национальных республик России является, однако, второстепенной целью и действует, как правило, в отношении только многочисленных этнических меньшинств и их языков. В отличие от ситуации в других национальных республиках, имеющих свои государственные языки, карельский язык не является официальным государственным языком республики Карелия.

Языковое многообразие на общественном и индивидуальном уровне является принципом, гарантированным Конституцией РФ. Более того, в соответствии со статьями 68.3 и 69 Конституции РФ, языки немногочисленных меньшинств, такие как вепсский язык, пользуются особой защитой. Меры подобной защиты сформулированы более четко в законе «О гарантиях прав коренных национальных меньшинств РФ», принятом в 1999 году. Законодательные акты РФ, направленные на поддержку языков меньшинств, хотя и предусматривают меры по их защите, но вместе с тем достаточно размыты и достаточно редко применяются на практике, а также не оказывают решающего влияния на положение языков меньшинств, исследовавшихся в рамках проекта ELDIA.

4.9.3.9 Предварительные выводы: языковое многообразие в национальном законодательстве

Как мы увидели выше, исследование в рамках проекта ELDIA национальных законодательств в целом показывает, что само по себе языковое многообразие не является первостепенной целью в правовых и политических системах рассмотренных государств. В основном преобладающей целью законодательств и политики этих государств является поддержка языкового многообразия в той мере и в том направлении, которые способствуют укреплению статуса основного государственного языка и полной интеграции в общество представителей меньшинств и сообществ мигрантов.

4.9.4 Преобладание парадигмы недискриминации

Все рассмотренные в исследовании страны приняли недискриминационное законодательство (в странах ЕС это также предусмотрено и законодательством Европейского союза). Кроме того, ситуация с языковым многообразием рассматривается ими как вопрос, требующий недискриминационного подхода (см., к примеру Grans 2001: 34). В особенности же антидискриминационный подход в этом смысле характерен для северных стран.

Преобладание парадигмы недискриминации языков и меньшинств сопровождается и, может быть, также объясняется отсутствием в законодательстве рассмотренных стран вышеупомянутых долговременных и полноценных программ и стратегий, направленных на разработку и осуществление тех мер защиты и поддержки различных языков, которые необходимо принять. Таким образом, становится понятным тот факт, что респонденты, участвовавшие в опросах ELDIA, зачастую не сознают тех сложностей, которые испытывают различные языки меньшинств и говорящие на них люди, и не знают о законодательных мерах защиты разных языков (см. разделы 4.3 - 4.6.)

4.9.5 Преобладание принципа территориальности

Некоторые из рассмотренных правовых систем считают априорной связь между определенным языком и некой территорией – традиционным или исторически сложившимся в данном регионе местом проживания меньшинства. Так, в Германии национальные меньшинства, о которых страна информирует Совет Европы, должны соответствовать следующим критериям:

- члены меньшинства являются гражданами Германии;
- члены меньшинства имеют свой язык, культуру и историю, которая составляет их отличие от большинства;
- члены меньшинства хотят сохранять и поддерживать свою идентичность;
- они традиционно живут на территории Германии;
- они проживают на территории традиционных поселений данного меньшинства¹².

Подобные положения присутствуют также в законодательстве Австрии, где венгерский язык поддерживается и защищен законами лишь в районах традиционного проживания венгерского меньшинства – в провинции Бургенланд. В Словении также, за небольшими исключениями, особые права меньшинств предоставляются последним в районах, где проживает смешанное население, причем в таких областях не играет роли численное

¹² Совет Европы, Второй Доклад, представленный ФРГ в соответствии со статьей 25, вторым параграфом Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств, полученный 13 апреля 2005 года, ACFC/SR/II(2005)002, P.8.

соотношение проживающих в них венгров, итальянцев и словенцев. Такие меры законодательной защиты являются вполне полезными и положительными для небольших языковых меньшинств. Так, в Словении мы наблюдаем существование системы, чрезвычайно удобной для жителей областей со смешанным населением, согласно которой паспорта и иные официальные документы, как и образование на двух языках, доступны для всех жителей вне зависимости от их этнической принадлежности. Но, с другой стороны, такой принцип территориальности, без учета большой мобильности современного общества и глобализации, лишает языковой поддержки и защиты многие другие меньшинства, зачастую более многочисленные, чем венгерское и итальянское население Словении. Кроме того, отсутствие четкого определения того, что такое традиционные, автохтонные поселения, и требование, чтобы меньшинство традиционно проживало в Словении, которое должно выполняться для распространения на него мер защиты, постоянно критикуются национальными и международными организациями. Более того, комитет по внесению рекомендаций в Рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств неоднократно критиковал все страны-подписанты конвенции за то, что те признают языковые права меньшинств только на традиционной территории проживания последних.

Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств включает в себя отсылку к «традиционным областям и районам проживания» лишь в очень небольшом числе статей и положений, давая таким образом понять, что большинство языковых прав и соответствующих обязательств государств, подписавших и ратифицировавших Конвенцию, не должны быть обусловлены связью между языком и территорией. За исключением Статьи 10 (2), касающейся использования языков при взаимодействии и взаимоотношениях с госучреждениями, и Статьи 11(3) о топонимах на языках меньшинств, названиях улиц и знаках, положения Конвенции не характеризуются какими-либо требованиями, относящимися к традиционной территории проживания. В своем недавнем заявлении по вопросу территориальности и в отношении права на получение образования Комитет по рекомендациям отмечает, что все государства, подписавшие Конвенцию, «обязаны гарантировать и обеспечить такое положение, при котором присутствие в законодательстве стран пункта о территориальности не нарушает и не нарушит принципа недискриминации в отношении различными групп или подгрупп внутри меньшинств».¹³

4.9.6 Нечеткие границы между частной и публичной сферами жизни

Проведенное исследование выявило непростую правовую ситуацию, связанную с отношением нечеткости границы между частной сферой и публичной сферой жизни и законами страны, регулирующими языковые вопросы. Это наиболее актуально для Эстонии, где закон о языке регулирует в некоторой степени как частную, так и публичную сферы (Meiorg 2012). В случае официального использования эстонский язык должен употребляться в соответствии с литературной нормой, принятой правительством страны.

¹³ Комментарий об Образовании внутри Рамочной Конвенции о защите Национальных Меньшинств, ACF/C/25DOC(2006)002, P. 23

Требование использовать эстонский язык распространяется на работу компаний, фондов, некоммерческих организаций, где государство владеет большей частью акций, и даже на деятельность частных юридических лиц и организацию публичных мероприятия (или, по крайней мере, должны быть обеспечены перевод на эстонский язык или описание деятельности/мероприятия на эстонском языке). Положения эстонского закона о языке во многом затрагивают также сферу частной жизни и часто предоставляют свободу для трактовки и интерпретации инспекции по использованию эстонского языка.

В Швеции же омбудсмен, работающий для предотвращения дискриминации, в 2006 году получил три жалобы, касавшиеся запрета на использования финского языка на рабочем месте в отделе социальных услуг в городе Упсала (Öst 2012, раздел 2.4.1). Данный случай был урегулирован путем переговоров и достижения договоренностей. Тем не менее, вызывает беспокойство тот факт, что омбудсмен с легкостью согласился с идеей о том, что шведский язык является языком публичной сферы жизни, понимаемой широко во всех ее проявлениях, т.е. языком, используемым по умолчанию «во всех публичных местах, кафе, коридорах и т. п.». Еще большее беспокойство вызывает то, что целый ряд других компаний, в особенности занимающихся автобусными перевозками, также, по-видимому, принимает и реализует идею о том, что только один язык должен использоваться на рабочем месте сотрудниками.¹⁴

Третий пример, иллюстрирующий тенденцию распространения регулирующих механизмов также на частную сферу жизни человека, может быть найден в области образования. Так, в Германии в 2006 году одна из школ в Берлин-Веддинге была награждена призом Немецкого национального фонда (*Deutsche Nationalstiftung*) за принятое по собственной инициативе и поддержанное учениками обязательство использовать исключительно немецкий язык на школьном дворе и в самой школе, а также за достижение благодаря такому решению положительных результатов в снижении числа конфликтов между учениками и за возросшее чувство единства и принадлежности к коллективу (Stephan 2011: 68-69). Похожие попытки предпринимались также в шведских школах уже в 50-тых годах XX века, хотя при этом все-таки разрешалось говорить на финском и саамском на школьном дворе. В настоящее же время большинство предложений касаются языков, на которых говорят мигранты и их дети.¹⁵ Подобная практика запрета на использование всех других языков, кроме немецкого, имеет зачастую место также в австрийских школах.

Другими словами, наблюдается тревожная тенденция навязывания и внедрения ограничений по использованию языков и распространения таких ограничений даже на сферу частной жизни и на коммуникацию в таких местах, как школьные дворы, кафе, частные

¹⁴ Efter språkbråket: backer från regler, <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=91&artikel=4388675> (last visited 20 February 2012)

¹⁵ Омбудсмен по Дискриминации, Швеция: *Diskriminering av nationella minoriteter inom utbildningsväsendet*, DO Report No 2008:2, p. 19. Что касается важности использования родного языка во время перерывов на работе, см. Ингер Линдберг, *Myter om tvåspråkighet*, Språkvård No. 4 - 2002 at: http://www.sprakradet.se/servlet/GetDoc?meta_id=2228 (last visited on 20 February 2012)

СМИ и т.д. Подобные неоднозначные ситуации и связанные с ними проблемы должны, без сомнения, быть прояснены и разрешены в ближайшем будущем, так как в упомянутых областях необходимость регулирования и долгосрочных стратегий, направленных на поддержку более уязвимых языков меньшинств, может войти в противоречие с принципом защиты частной сферы человеческой жизни и коммуникации.

4.9.7 Общие выводы по результатам правовых исследований ELDIA

Исследование ELDIA показало отсутствие подробных научных исследований в области права и законодательства, касающегося языков меньшинств, даже в случае с относительно многочисленными языковыми сообществами и их представителями, такими, например, как финны в Швеции. Законодательное регулирование в области языка, как представляется, не является приоритетом в работе европейских ученых и исследователей. Мы также обнаружили в ходе исследования, что многие языки меньшинств, как и меры по их поддержке, не рассматривались с активной позиции, вследствие чего наблюдается отсутствие полноценных и долгосрочных стратегий и разработанных планов по поддержке и развитию определенных языков, а также многоязычия и языкового многообразия. Зачастую по этой причине во многих странах отсутствуют меры законодательного регулирования в области языка и языков меньшинств, которые предусматривали бы и осуществляли их поддержку и защиту недискриминационными методами. Также вследствие этого неудивительно, что многие из респондентов опросов ELDIA зачастую не знают о неодинаковом обращении с языками и говорящими на них меньшинствами или равнодушно относятся к такому положению дел, а также не знают о мерах законодательной поддержки различных языков в своих странах.

Наблюдаются также значительные региональные варианты и различия в том, как воспринимают говорящих на различных языках представителей меньшинств в определенной стране и в определенном регионе. Такие различия дают основание и мотивацию для разработки мер по поддержке языков меньшинств, хотя, с другой стороны, региональные различия могут и подвергать опасности принцип равного отношения ко всем людям, проживающим в данной стране. Похожим образом, принцип территориальности может быть вполне полезным для небольших или уязвимых языков, но весьма проблематичным в отношении мобильных и рассеянных по разным регионам данной страны или стран меньшинств.

В общем и целом, правовое исследование ELDIA продемонстрировало, что языковое многообразие и многоязычие на индивидуальном и общественном уровне, как нам представляется, не стало еще на данный момент полноценной целью и предметом интереса для политических и законодательных систем тех стран, которые исследовались в рамках проекта. В тех же случаях, когда вопросы языкового многообразия и языков меньшинств появляются в документах национальных законодательств, эти вопросы зачастую рассматриваются лишь с точки зрения укрепления статуса официального языка в

данном государстве и в свете того, как наиболее полно интегрировать в общество данной страны представителей меньшинств и мигрантов.

5 Выводы

Исследование ELDIA проводилось в период решающих изменений. Некоторые из изучаемых языков находятся под угрозой исчезновения. Тем не менее, многие представители меньшинств явно желают поддерживать и развивать свои языки и находить новые пути их использования и защиты, даже если эти языки слишком малы, чтобы эффективно использоваться как языки межэтнического общения в широких контекстах. Эти пожелания и стремления меньшинств редко принимаются политиками во внимание. С другой стороны, те языковые сообщества, которые законно признаны и поддержка языков которых одобряется и регулируется, как правило, показывают большую уверенность в себе и ощущают, что у них больше возможностей.

В то время как многоязычие провозглашается целью общества, на практике политики и закон не поддерживают многоязычие или даже противодействуют ему как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Это наиболее очевидно в случаях сообществ мигрантов, исследованных ELDIA.

Среди сильных сторон исследований ELDIA можно выделить следующие. Метод исследования был многоступенчатым. Контекстный анализ в каждом случае обеспечил обзор литературы, предыдущих исследований, законодательства и дискурса в СМИ, что расширило возможности для планирования более поздних ступеней проекта. Исследование ELDIA включило в себя сбор данных от респондентов, проведенный количественными (с помощью анкет) и качественными (с помощью интервью) методами. Информация была собрана как в изучавшихся языковых сообществах, так и от респондентов, принадлежащих к контрольной группе. Междисциплинарные обмены и взаимодополняемость в проекте дали дополнительное понимание изучаемых проблем, однако вызвали также и некоторые недоразумения и путаницу, так что исследование потребовало больше времени и усилий, чем проекты с более узкой теоретической областью.

Организаторы ELDIA приложили усилия по привлечению исследователей, тесно связанных с изучаемыми общинами и регионами, и эти исследователи, в свою очередь, организовали обмен информацией с соответствующими организациями, учреждениями и политиками. Теоретически ELDIA попытались объединить индивидуальный опыт с вниманием к контексту и институциональным ограничениям, подчеркивая как индивидуальное сотрудничество, так и роль учреждений. Модель EuLaViBar собрала и визуализировала все разнообразие факторов. Были введены в действие такие абстрактные понятия и модели, как критерии и шкалы оценки степени сохранности языка, которые были предложены в предыдущих исследованиях.

Слабости ELDIA в основном касаются разработки анкет, которые оказались очень длинными и не особенно строгими. Из-за проблем на стадии планирования в анкету были включены несколько вопросов, которые позднее пришлось убрать из расчетов EuLaViBar, поскольку их было не включить в шкалы. Более того, распределение вопросов не было

достаточно строгим, чтобы предотвратить обширные пересечения между четырьмя основными зонами фокуса: Потенциалом, Возможностями, Желанием и Продуктами языка. Некоторые параметры (шкалы) не были во всех отношениях охвачены адекватно. Недостатки анкеты и разметки вопросов рассматриваются в инструментарии EuLaViBar, который будет опубликован в электронном виде и в который будет включен измененный вариант опросника.

5.1 Перспективы

В ближайшем будущем необходимо рассмотреть ряд стратегий, ориентированных на будущее. В первую очередь, результаты ELDIA должны попасть к тем, кто неравнодушен, как среди языковых сообществ, так и среди политиков и чиновников, принимающих решения. Могут быть организованы информационные мероприятия, целью которых будет объединить исследователей, членов языковых общин, организации и отдельных людей, работающих с проблемами поддержания и развития языка, языковой политикой и правами человека, а также тех, кто принимает решения на национальном и региональном уровнях. В настоящее время результаты ELDIA публикуются и презентуются, и, без сомнения, они будут критически рассмотрены академическим сообществом в присущей ему неторопливой манере.

В ходе исследования ELDIA было получено много как количественной, так и качественной информации, которая должна быть далее оценена и проанализирована. В то же время, мы пришли к выводу, что есть заметный недостаток научной работы в лингвистике, праве, социологии и исследованиях СМИ, которая касалась бы положения менее используемых и менее известных языков. Например, существует много вопросов, касающихся отношения людей к законодательству и его пониманию, которые необходимо исследовать далее социологам, социолингвистам и юристам. В качестве примера здесь можно упомянуть то, что северносаамским респондентам намерения защищать их и содержание законов в Норвегии в значительной мере неизвестны или же они в них не верят. Видимо, то, что воспринимается респондентами, как сложные и бюрократические положения законодательства, просто не было донесено до них. Возможно также, что, хотя респонденты и осведомлены более или менее о содержании закона, они не верят в то, что закон правильно исполняется или в то, что он адекватен для того, чтобы защищать языковые потребности северных саамов. Такие возможные объяснения вместе с несколькими другими, которые определены в настоящем Сравнительном отчете, а также в Отчетах ELDIA по конкретным случаям, заставляют нас продолжать исследования, углубляя их далее.

5.2 Ценные уроки

В числе положительных результатов ELDIA необходимо отметить то, что поддержка языка и даже его оживление вполне возможны, если предпринимаются согласованные усилия. Усиление саамского языка в Норвегии (исследованное в ELDIA), шведского в Финляндии, карельского в Финляндии и меянкиели – это примеры такого процесса, хотя еще много

предстоит сделать для того, чтобы обеспечить долгосрочную поддержку этих языков и их адаптацию к условиям мобильности и глобализованного мира. Количество зон фокуса и измерений, охваченных проектом ELDIA, показывает, что устойчивые языковые меры и программы не могут ограничиваться краткосрочными и изолированными «островками обеспечения», а должны быть шире и должны целостно рассматривать индивида и общественные сферы.

Общим выводом проекта является то, что меньшинства по-прежнему рассматриваются как исключение, отдельно и в стороне от общественного большинства даже в тех случаях, когда они хорошо интегрированы в общество. Очень часто меньшинства и языковые сообщества остаются незаметными. Это наиболее очевидно в исследованиях СМИ, которые показали, что и СМИ меньшинства, и СМИ большинства избегают обсуждений значимых для меньшинства вопросов.

Несмотря на то, что в течение многих десятилетий существует длительный интерес к вопросам образования для меньшинств, по-прежнему наблюдается недостаток преподавания. В нашем исследовании многие языки меньшинств преподавались в школах очень незначительно, в основном же они использовались для устного общения и в частной сфере. Даже для тех, кто говорит на устоявшихся и стандартизированных языках, предоставление языковой продукции может быть скудным.

Как показано в Сравнительных результатах (см. выше Рис. 3 в разделе 4.1), результаты EuLaViBar могут быть использованы для сравнения того, как языки сохранились в различных языковых сообществах. Однако EuLaViBar не может использоваться для прогнозирования будущего языка и для доказательства того, что язык «не стоит» поддерживать институционально или финансово. Барометр EuLaViBar помогает политикам и заинтересованным сторонам определить условия, которые угрожают поддержанию данного языка и которые следует улучшить для обеспечения поддержки языкового многообразия. С помощью Барометра на зоны, характеризующиеся низкими оценками по жизнеспособности, может быть направлена особая поддержка.

Оценки, приведенные на Рис. 3, предлагают как минимум несколько возможных выводов. Те меньшинства, чей язык хорошо устоялся, имеет стандартизированную грамматику, а также родственное или исходное государство (например, эстонский и венгерский), демонстрируют более высокие оценки в отношении потенциала поддержки. Меньшинства с высокой правовой защитой (например, северносаамский язык в Норвегии и венгерский в Словении) получают самые высокие баллы в целом. Чуть меньше баллы у (других) традиционных (автохтонных) меньшинств, тогда как у квенон оценки, очевидно, самые низкие (даже хотя имеющиеся данные очень ограничены). Как упомянуто выше, яркий опыт подавления и многолетней маргинализации, видимо, ставит языки и их носителей в ситуацию добровольного ограничения и миноритизации. Что касается ситуаций миграции, изученных ELDIA (эстонцы в Финляндии и Германии, венгры в Австрии), высокие оценки опрошенных мигрантов относятся к их языковой компетенции и образованию,

приобретенным в стране происхождения, и не гарантируют с необходимостью долгосрочное сохранение их языков в новой стране.

Также, как отмечалось выше, в иерархии результатов поддержки, показанных на Рис. 2, три наиболее низких по оценке и, таким образом, наиболее слабых позиции занимают три группы в исследованных странах Северной Европы (меянкиели в Швеции, карелы в Финляндии, квены в Норвегии). Таким образом, в целом сильная позиция Скандинавских стран в том, что касается человеческого развития, демократии и прав человека, не обеспечивает автоматически сильного положения уязвимых языковых общин и меньшинств и адекватной языковой политики в их отношении.

5.3 Следствия для языковой политики

Все языковые меньшинства, изученные в тематических исследованиях ELDIA, до некоторой степени, находятся под угрозой исчезновения. Об этом свидетельствует EuLaViBar, в котором ни одна из оценок в какой-либо зоне фокуса или по какой-либо шкале (исключая два параметра для северносаамского) не достигает даже отметки 3 по нашей шкале поддержки языка, и это согласуется с тем, что было уже известно из предыдущих исследований и контекстных анализов. Таким образом, все исследованные языки меньшинств нуждаются в конкретных мерах поддержки.

В тематических исследованиях ELDIA есть заключительный раздел касающийся языковой политики – раздел о том, что, на основании результатов каждого исследования, политические деятели и, возможно, заинтересованные лица могут и должны сделать для поддержки и использования исследованных языков. Далее мы кратко приведем содержание этого раздела и обсудим, какие выводы можно сделать из него, а также из других основных результатов тематических исследований.

5.3.1 Видимость, публичность, усиление и построение идентичности

Тогда как некоторые из изученных ELDIA языков имеют высокую степень институциональной поддержки и заметны в общественном дискурсе, многие другие языки страдают от «общественной незаметности». Эти языки в основном используются в частной сфере или в небольших группах (на «этнических» культурных мероприятиях), в то время как те, кто находится за пределами этих групп, то есть широкая общественность, люди, принимающие решения, органы власти, обслуживающие специалисты и т. д., вряд ли знают об историческом значении этих языков в их обществах и, тем более, о том, что эти языки могут нуждаться в особой поддержке. Кроме того, власти часто не осведомлены об истории и о последствиях ассимиляционной политики в их странах.

В некоторых случаях отношение большинства к изучаемому меньшинству также характеризуется разочарованиями и обидами, вытекающими из политической истории данного региона. Как отмечается в тематическом исследовании венгерского языка в Словении, понимание того, что венгерский язык является одной из основных частей культурного и

исторического пейзажа региона, может помочь в борьбе с предрассудками и вызвать положительные изменения в рабочей культуре официально двуязычных сред, например школьной системы.

Социальная незаметность особенно характерна для особо малочисленных и рассредоточенных меньшинств (например, для эстонских иммигрантов в Германии), а также для меньшинств, которые культурно близки к большинству и, возможно, подчеркивая свой «интеграционный потенциал», хотят отличаться от более заметных меньшинств, особенно от тех групп мигрантов, которые часто фигурируют в общественном дискурсе как потенциальные источники проблем. Эта «стратегическая невидимость» всплыла на поверхность в изучении случаев эстонцев в Финляндии и венгров в Австрии. Это значит, что для улучшения статуса изучаемых языков нужно повышение осведомленности не только среди большинства, но и среди самого меньшинства.

Наиболее яркий пример общественной невидимости – это, пожалуй, карельский язык в Финляндии, только недавно признанный и плохо известный общественности. В тематическом исследовании (Сархимаа, готовится к публикации) рекомендуется увеличить объем доступной информации о карельском языке и о его присутствии в финском обществе (например, в программах радио и телевидения), а также предоставлять разнообразную информацию и руководства на карельском языке (например, государственные органы должны больше предлагать свои услуги и тексты на карельском языке). Более того, жизненно необходимо, чтобы носителей языка меньшинства поощряли в использовании их языка в как можно большем количестве сфер и чтобы поддерживалась их организационная и улучшающая имидж деятельность.

5.3.2 Возрождение, межпоколенческая передача, расширение прав и возможностей.

У большинства, если не у всех групп меньшинств, исследованных ELDIA, институциональная поддержка явно недостаточна и часто едва выходит за рамки общего принципа недискриминации и чересчур общих рассуждений об этнокультурном разнообразии. Как видно из исследования ELDIA и многих других исследований исчезающих языков и языков меньшинств, носители языка часто придают большое значение своему унаследованному языку как носителю и символу идентичности и культурных ценностей и с готовностью выражают свое желание поддерживать язык и передавать его своим детям. На практике, однако, они часто терпят неудачу в своих стремлениях.

Просто разрешать использование языка и запрещать этническую дискриминацию или дискриминацию, основанную на языке, недостаточно, чтобы гарантировать реальное использование языка и передачу его молодому поколению. Во многих случаях совершенно необходима отчетливая программа активизации для поддержки использования, сохранения и передачи изучаемого языка, как, например, это было предложено в тематических исследованиях по мянкиели в Швеции и карельскому языку в Финляндии. Как отмечается в исследовании мянкиели, ломать старые схемы и привычки применения

языка очень трудно, так что часто семьи нуждаются в специальном поощрении, чтобы начать использовать родной язык с детьми. Или же, как отмечает Корейник (Koreinik 2013 [a, b]) в тематических исследованиях сету и вырусского, родители часто обманывают самих себя, полагая, что они «позволяют своим детям выбирать язык», и не понимают, что говоря со своими детьми на языке большинства, они уже за них приняли решение и лишили их языкового наследия.

При разработке политики и программ по поддержке конкретных языков ответственные органы на всех уровнях должны убедиться, что у них под рукой есть надлежащая оценка потребностей, разработанная в результате консультации с заинтересованными сторонами и при содействии квалифицированного эксперта. Принимать меры только потому, что они хорошо выглядят на бумаге или соответствуют ожиданиям международных субъектов (например, международных организаций или учреждений-доноров), неразумно, ведь навязанные схемы активизации необязательно совпадут с приоритетами носителей языка и, вероятнее всего, не приведут к его устойчивой активизации. В этом отношении особенно важным представляется значение языкового образования и многоязычного образования в дошкольный и школьный период.

Успешная программа активизации языка будет означать не только выделение больших государственных средств для проектов по ревитализации, но и поощрение инициатив, идущих от частных лиц и некоммерческих организаций, а также привлечение человеческих ресурсов, доступных в сообществе носителей языка. При работе с заинтересованными носителями языка крайне необходимо уважать и поддерживать их инициативу, а также поощрять их деятельность по созданию разнообразных обществ и организации мероприятий. Несмотря на существование правовой и институциональной поддержки, во многих из изученных нами случаев было очевидно, что носители языка не были достаточно информированы о своих правах и возможностях, предлагаемых законодательством; носителям языка нужно больше знать о своих правах и получать содействие в их реализации.

В случае недавно стандартизированных языков большое значение имеет создание языковой продукции (как традиционных, так и новых СМИ, учебных материалов, услуг и т. д.). Так как зачастую ресурсы ограничены, мероприятия должны планироваться очень тщательно и имеющийся опыт должен использоваться наилучшим образом. Как отмечено, например, в тематическом исследовании по языку сету, в нормативной и пуристической языковой культуре стандартизация языка меньшинства может встретить сильное сопротивление и/или привести к тройной стигматизации: принадлежность к группе меньшинства, несоответствие языковому стандарту большинства, и даже несоответствие новым языковым стандартам меньшинства.

Практическая проблема, всплывающая на поверхность во многих наших тематических исследованиях, заключается в том, что, в то время как языковая политика меньшинства часто организуется по территориальному признаку и применяется к традиционным регионам старых языковых меньшинств, значительное число носителей языка (например,

меянкиели, саамского, вырусского или сету) в связи с внутренней мобильностью сегодня проживает за пределами этих регионов. Более того, практически нет никакой специально спланированной поддержки для малочисленных и рассеянных меньшинств вроде эстонцев в Германии. Малочисленные группы меньшинств также страдают от отсутствия преемственности и долгосрочного планирования: для эстонцев в Германии, к примеру, практически все поддерживающие меры – это краткосрочные проекты, которые должны многократно перепланироваться и на которые должны подаваться заявки.

5.3.3 Языковые навыки, мобильность и устойчивое многоязычие

Как и институциональная поддержка в целом, поддержка, предлагаемая системой образования, для языков, исследованных ELDIA, часто неадекватна или недостаточна для того, чтобы обеспечить говорящих на языке людей функциональными лингвистическими навыками. Проблема касается не только положения языков меньшинств в национальных (или региональных) программах, но также и политики подготовки учителей, доступности актуального и адекватного обучающего материала. Более того, обучение языку меньшинства должно быть продлено с дошкольного периода (необходимого для эффективного овладения языком) вплоть до университетского уровня. В некоторых изученных нами случаях (особенно в случаях с недавно признанными языками и языками малочисленных меньшинств, например мяянкиели в Швеции, карельским в Финляндии и квенским в Норвегии) самый высший уровень языкового образования или отсутствует, или организован не на надлежащем уровне, или только недавно реализован и еще нуждается в развитии, а все носители, также и взрослые, говорящие на данном языке, нуждаются в особой поддержке и в развитии навыков своей письменной речи.

Некоторым из исследованных нами языков в школе не учат вовсе (или обучение им введено совсем недавно). Другим учат как предмету (по выбору), но обучение начинается слишком поздно. Как отмечено в тематическом исследовании мяянкиели (Arola, Kunnas & Pelkonen, готовится к публикации), наиболее эффективной образовательной политикой для возрождения исчезающих языков было бы создание у детей общего представления о языке на раннем (дошкольном) этапе, однако такая возможность недоступна в большинстве случаев, исследованных ELDIA. Аналогичным образом, хотя программы CLIL (содержательного обучения с языковой интеграцией) на английском или некоторых других языках были реализованы во многих исследованных странах (например, в Эстонии), обучение языку меньшинства или языку мигрантов практически никогда не включено в эти инициативы.

Во многих изученных нами случаях (например, в случае с эстонцами в Финляндии или с носителями мяянкиели в Швеции) дети представителей меньшинств, которые могли бы получить законное право на обучение своему традиционному языку хотя бы в качестве факультатива, не использовали бы эту возможность по разным причинам, которые требуют дальнейшего изучения. В некоторых случаях (например, у венгров в Вене) обучение на традиционном языке организовано только как внеклассная деятельность,

иногда за пределами школьного дня или территориально в другом месте, а потому требует особого стремления и усилий со стороны родителей. Эти вопросы заслуживают более систематического внимания политиков. Более того, даже официальные двуязычные образовательные программы – как в случае с венграми в Словении и в Бургенланде (Австрия) – не всегда добиваются успеха в поддержке реально функционирующего двуязычия.

Практически во всех тематических исследованиях ELDIA опрошенные выразили желание поддерживать свой традиционный язык и признали важность овладения языком большинства (так же, как и прочими языками, особенно английским как языком межкультурного общения). Очевидный вывод, который так редко формулируется открыто, таков: чтобы учесть пожелания граждан и их языковые права, необходимо разрабатывать и реализовывать стратегии устойчивого двуязычия, обеспечивая развитие у людей функциональных навыков на двух и более языках.

Об авторах

Йоханна Лааксо защитила докторскую диссертацию в Хельсинкском университете в 1990 году. После этого она работала в Хельсинки научным сотрудником, занимала должность действующего профессора и проектного исследователя, а с 2000 года является председателем кафедры финно-угорских исследований при Венском университете. Ее основные исследовательские интересы включают историческую и контактную лингвистику, морфологию (словообразование) и гендерную лингвистику.

Сия Спилиопулу-Окермарк, доктор юридических наук, адъюнкт-профессор в области международного права и директор Института Мира на Аландских островах (Финляндия). Ранее была членом-экспертом, а в настоящее время является президентом Совета Европейского Консультативного Комитета по Рамочной конвенции о национальных меньшинствах (2012-2014). Среди ее работ в области меньшинств: *Оправдания защиты меньшинств в международном праве* (1997), *Международные обязательства и национальные дебаты: Меньшинства вокруг Балтийского моря* (2006, соредактор), *Аландский пример и его составляющие: Значение международного разрешения конфликтов* (2011, редактор).

Аннели Сархимаа с 2002 года является профессором балтийских языков и языков Северной Европы в Университете Иоганна Гуттенберга в Майнце (Германия). Она получила докторскую степень по лингвистике в Хельсинкском университете в 1999 году, училась и работала в Финляндии, России, Нидерландах и в Германии. Ее лингвистическая компетенция лежит в области социолингвистики и коммуникативной лингвистики с акцентом на языках северо-западной России, а также в области языковой политики, дискурсивной лингвистики и критического анализа дискурса (особенно в отношении идентичности меньшинств, построения их дискурса и языкового самовыражения) и лингвистического литературоведения.

Реетта Тойванен является адъюнкт-профессором по социальной и культурной антропологии, научным сотрудником Академии Финляндии в институте международного права и прав человека имени Эрика Кастрена Хельсинкского университета. Она также занимает должность старшего научного сотрудника Европейского центра по вопросам меньшинств (Фленсбург).

Библиография

- Замятин, Константин, Анника Пасанен & Янне Саарикиви (2011). *Как и зачем сохранять языки народов России?* Helsinki. (<http://blogs.helsinki.fi/minor-eurus/publications/> .)
- Карьялайнен, Хейни & Ульриikka Пуура & Риho Грюнталь & Светлана Ковалева (2013). *Карельский язык в России. Отчет ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации*. Studies in European Language Diversity 26.2. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:314614> .
- Пуура, Ульриikka & Хейни Карьялайнен & Нина Зайцева & Риho Грюнталь (2013). *Вепсский язык в России. Подробный отчет ELDIA*. Studies in European Language Diversity 25.2. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:315547> .
- Abu-Rabia, S. & Sanitsky, E. (2010) Advantages of Bilinguals Over Monolinguals in Learning a Third Language. *Bilingual Research Journal* 33 (2), 173–199.
- Adler, Max K. (1977a) *Collective and Individual Bilingualism: A Sociolinguistic Study*. Hamburg: Buske Verlag.
- Adler, Max K. (1977b). *Pidgins, Creoles and Lingua Francas*. Hamburg: Buske.
- Allardt, Erik (1979). *Implications of the Ethnic Revival in Modern, Industrialized Society. A Comparative Study of the Linguistic Minorities in Western Europe*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.
- Anderson, Benedict (1991). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Arola, Laura & Elina Kangas & Minna Pelkonen (to appear). *Meänkieli (Torne Valley Finnish) in Sweden: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Reetta Toivanen, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt, Birger Winsa, and Heidi Öst. To appear in the series *Studies in European Language Diversity*, <http://phaidra.univie.ac.at/o:80726> .
- Barni, Monica & Guus Extra (eds.) (2008). *Mapping Linguistic Diversity in Multicultural Contexts*. Contributions to the Sociology of Language. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Bennett, Ruth, Pam Matt, Silish Jackson & Harold Campbell (1999). The Place of Writing in preserving an oral language. In: Jon Reyhner, Gina Cantoni, Robert N. St. Clair & Evangeline Parsons Yazzie (eds.), *Revitalizing Indigenous Languages*. Flagstaff, AZ: Northern Arizona University. 84-102.
- Berényi-Kiss, Hajnalka, Johanna Laakso & Angelika Parfuss (2013). *Hungarian in Austria: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Rita Csiszár, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt, Sia Spiliopoulou Åkermark, Reetta Toivanen. Studies in European Language Diversity 22. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:308806>

- Bialystok, Ellen & Feng, Xiaojia (2010). Language proficiency and its implications for monolingual and bilingual children. In A. Durgunoglu & C. Goldenberg (Eds.). *Dual language learners: The development and assessment of oral and written language*. New York: Guilford Press. 121–138.
- Bielenburg, Brian (1999). Indigenous Language Codification: Cultural Effects. In: Jon Reyhner, Gina Cantoni, Robert N. St. Clair & Evangeline Parsons Yazzie (eds.), *Revitalizing Indigenous Languages*. Flagstaff, AZ: Northern Arizona University. 103-112.
- Blommaert, Jan & Ben Rampton (2011). Language and Superdiversity. *Diversities* 13:2, 2–21. Online publication: <http://www.unesco.org/shs/diversities/vol13/issue2/art1>
- Blommaert, Jan & Sirpa Leppänen & Massimiliano Spotti (2012). Endangering Multilingualism. In Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta & Tiina Räisänen (eds.), *Dangerous Multilingualism: Northern Perspectives on Order, Purity, and Normality*. Houndmills: Palgrave Macmillan. 1–24.
- Bourdieu, Pierre (1991). *Language and Symbolic Power*. Ed. by John B. Thompson. Cambridge: Polity Press.
- Bourhis, Richard, Howard Giles & Doreen Rosenthal (1981). Notes on the construction of a 'Subjective Vitality Questionnaire' for ethnolinguistic groups. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 2, 145 – 155.
- Brandist, C. (2002). *The Bakhtin Circle: Philosophy, culture, and politics*. London: Pluto Press.
- Busch, Brigitta (2011). Trends and innovative practices in multilingual education in Europe: An overview. *International Review of Education* 57: 541–549.
- Cherubim, Dieter (2006). Das Konzept der “Verkehrssprache” und die frühen geographischen Berichte über Nordeuropa. In: *Deutsch am Rande Europas*. Tartu University Press. 13-31.
- Chertkow, Howard & Victor Whitehead, Natalie Phillips, Christina Wolfson, Julie Atherton, Howard Bergman (2010). Multilingualism (But Not Always Bilingualism) Delays the Onset of Alzheimer Disease: Evidence From a Bilingual Community. *Alzheimer Disease & Associated Disorders* 24(2): 118-125, April/June 2010.
- Clyne, Michael (1991). *Community languages: the Australian experience*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clyne, Michael (2003). *Dynamics of Language Contact. English and Immigrant Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Commission of European Communities 2005: A New Framework Strategy for Multilingualism*. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions.
- Coste, Daniel, et al. (2009). *Plurilingual and Pluricultural Competence*. Council of Europe, Language Policy Division (Strasbourg).
- Council of Europe (2006), Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities, Thematic Commentary No. 1, Commentary on Education Under the Framework Convention, ACFC/25DOC(2006)002 (Strasbourg, 2 March 2006)

- Council of Europe (2008), Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities, Thematic Commentary No. 2, Commentary on the Effective Participation of Persons belonging to National Minorities in Cultural, Social and Economic Life and in Public Affairs, ACFC/31DOC(2008)001 (Strasbourg, 5 May 2008)
- Council of Europe (2012), Advisory Committee on the Framework Convention for the Protection of National Minorities, Thematic Commentary No. 3, The Language Rights of Persons Belonging to National Minorities Under the Framework Convention, ACFC/44DOC(2012)001 rev (Strasbourg, 5 July 2012)
- Coupland, Nikolas & Jawarowski, Adam (ed.) (1997). *Sociolinguistics – A Reader and Coursebook*. London: Macmillan.
- Crawford, James (1995). Endangered Native American Languages: What is to be done, and why? *The Bilingual Research Journal*, Winter 1995, 19: 1, 17-38.
- Crystal, David (2000). *Language Death*. Cambridge – New York: Cambridge University Press.
- Csiszár, Rita (2013). Sociohistorical and linguistic context. – In: Berényi-Kiss, Laakso & Parfuss (2013), 2–53.
- Cummins, Jim (2000). *Language, Power and Pedagogy: Bilingual children caught in crossfire*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Cummins, Jim (2008). BICS and CALP: Empirical and Theoretical Status of the Distinction. In: Street, B. & Hornberger, N. H. (Eds.). *Encyclopedia of Language and Education*, 2nd Edition, Volume 2: Literacy. New York: Springer Science + Business Media LLC. 71–83.
- Darquennes, Jeroen & Stefano Salmasi, Marianne Tikka, Peter J. Weber (2004). *EUROMOSAIC III: Presence of Regional and Minority Language Groups in the New Member States*. Brussels: Research Centre on Multilingualism at the KU Brussel. Online publication: http://ec.europa.eu/languages/euromosaic/pdf/brochure_en.pdf
- Darquennes, Jeroen (2007). Paths to Language Revitalization. In: Darquennes, Jeroen (ed.): *Contact linguistics and language minorities* (Plurilingua XXX). Asgard: St. Augustin. 61–76.
- Davies, Alan (2003). *The Native Speaker: Myth and Reality*. Clevedon: Multilingual Matters.
- de Cillia, Rudolf (2010). Mehrsprachigkeit statt Zweisprachigkeit – Argumente und Konzepte für eine Neuorientierung der Sprachenpolitik an den Schulen. In: Rudolf de Cillia, Mathias Gruber, Michal Krzyzanowski & Florian Menz (eds.), *Discourse – Politics – Identity. Diskurs – Politik – Identität. Festschrift für Ruth Wodak*. Tübingen, Stauffenburg: 245–255.
- De Schutter, Helder (2007). Language Policy and Political Philosophy: On the Emerging Linguistic Justice Debate. *Language Problems and Language Planning* 31.
- De Varennes, Fernand (1999). Equality and Non-Discrimination: Fundamental Principles of Minority Language Rights. *International Journal of Minority and Group Rights* 6: 307-318.
- Dorfmüller-Karpusa, Käthi (1993). *Kinder zwischen zwei Kulturen. Soziolinguistische Aspekte der Bikulturalität*. Wiesbaden: DUV.

- Dufva, Hannele & Minna Suni, Mari Aro, Olli-Pekka Salo. (2011). Languages as objects of learning: language learning as a case of multilingualism. *Apples – Journal of Applied Language Studies* 5:1, 109–124. <http://apples.jyu.fi>
- Dunbar, Robert (2001). Minority Language Rights in International Law. *The International and Comparative Law Quarterly*, Vol. 50, No. 1 (Jan., 2001), 90-120.
- Dwyer, Arienne M. (2011). Tools and techniques for endangered-language assessment and revitalization. In: *Vitality and Viability of Minority Languages. October 23-24, 2009*. New York: Trace Foundation Lecture Series Proceedings. Preprint. http://www.trace.org/events/events_lecture_proceedings.html, 7-6-2013.
- Edwards, J. (1992). Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: Towards a typology of minority language situations. In W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: Benjamins. 37-54.
- Edwards, John (1995). *Multilingualism*. London: Penguin.
- Edwards, John (2010a). *Language diversity in the classroom*. Bristol: Multilingual Matters.
- Edwards, John (2010b). *Minority languages and group identity: Cases and Categories*. IMPACT: Studies in language and society, 27. Amsterdam &c.: John Benjamins.
- Ehala, Martin (2009). An Evaluation Matrix for Ethnolinguistic Vitality. In Susanna Pertot, Tom Priestly & Colin Williams (eds.), *Rights, promotion and integration issues for minority languages in Europe*, 123-137. Houndmills: PalgraveMacmillan. 123-137.
- Ehala, Martin (2010). Ethnolinguistic vitality and intergroup processes. *Multilingua* 29. 203-221.
- Ehala, Martin (2012). Cultural Values Predicting Acculturation Orientations: Operationalizing a Quantitative Measure. *Journal of Language, Identity & Education* 11. 185–199.
- Ehala, Martin & Katrin Niglas (2007). Empirical Evaluation of a Mathematical Model of Ethnolinguistic Vitality: The Case of Võro. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 28 (6). 427-444.
- Ehala, Martin & Anastassia Zabrodskaja (2012). Ethnolinguistic vitality and acculturation orientations of Russian-speakers in Estonia. In: Lara Ryazanova-Clarke (ed.), *The Russian Language Outside the Nation: Speakers and Identities. Russian Language and Society 1*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- ELDIA Manual for Context Analyses* (2010). Unpublished handbook for project-internal use, prepared by Riho Grünthal and Ulriikka Puura (University of Helsinki). © ELDIA Steering Committee.
- ELDIA Manual for Fieldwork* (2010). Unpublished handbook for project-internal use, prepared by Jarmo Lainio (University of Stockholm) and Kadri Koreinik (University of Tartu). © ELDIA Steering Committee.
- ELDIA Manual for Data Analyses* (2011). Unpublished handbook for project-internal use, prepared by Anneli Sarhimaa and Eva Kühhirt (University of Mainz), with support by Sia Spiliopoulou Åkermark (Åland Islands Peace Institute). © ELDIA Steering Committee.

- ELDIA Manual for Legal and Institutional Analysis (2010)*. Unpublished handbook for project-internal use, prepared by Sia Spiliopoulou Åkermark (The Åland Islands Peace Institute). © ELDIA Steering Committee.
- ELDIA Manual for writing the "Media Discourse Analysis" (2010)*. Unpublished handbook for project-internal use, prepared by Reetta Toivanen and Outi Táncoz (University of Helsinki). © ELDIA Steering Committee.
- Errasti, Maria Sagasta (2003). Acquiring writing skills in a third language: The positive effects of bilingualism. *International Journal of Bilingualism* 7, 1: 27–42.
- Extra, Guus (2007). From Minority Programmes to Multilingual Education. In P. Auer and L. Wei (eds.), *Multilingualism and Multilingual Communication*. Handbooks of Applied Linguistics 5. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. 175-206.
- Fenyvesi, Anna (ed.) (2005). *Hungarian language contact outside Hungary – Studies on Hungarian as a minority language*. Impact: Studies in Language and Society 20. Amsterdam: Benjamins.
- Ferguson, Charles A. (1966). National sociolinguistic profile formulas. In: William Bright (ed.), *Sociolinguistics*. The Hague: Mouton. 309-315.
- Fishman, Joshua A. (1964). Language Maintenance and Language Shift as a Field of Inquiry. *Linguistics* 9, 32-70.
- Fishman, Joshua A. (1968) (ed.). *Readings in the Sociology of Language*. The Hague: Mouton de Gruyter.
- Fishman, Joshua A. (1972). *Language in sociocultural change. Essays by Joshua A. Fishman*. Stanford: Stanford University Press.
- Fishman, Joshua A. (1973). *Language and Nationalism*. Rowley, MA: Newbury House.
- Fishman, Joshua A. (1985). *Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspectives on Language and Ethnicity*. Berlin: Mouton.
- Fishman, Joshua A. (1989). *Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspective*. Clevedon, England: Multilingual Matters.
- Fishman, Joshua A. (1990). What is reversing language shift (RLS) and how can it succeed? *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 11 (1 & 2): 5-36.
- Fishman, Joshua A. (1991). *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Fishman, Joshua A. (1997). *In praise of the beloved language: a comparative view of positive ethnolinguistic consciousness*. Berlin; New York: Mouton.
- Fishman, Joshua A. (2001) (ed.). *Can threatened languages be saved? Reversing language shift, revisited: a 21st century perspective*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Fogelklou, Anders (2014). *Legal and institutional framework analysis: Karelian and Veps in Russia*. Studies in European Language Diversity 21, <http://phaidra.univie.ac.at/o:358447>.

- Gal, Susan (1979). *Language Shift: Social Determinants of Linguistic Change in Bilingual Austria*. New York-San Francisco-London: Academic Press.
- Gal, Susan (2006). Linguistic anthropology. In: Keith Brown (ed.), *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd ed. Vol. 7. Oxford: Elsevier. 171-185.
- García, Ofelia (2009). Education, multilingualism and translanguaging in the 21st century. In *Multilingual Education for Social Justice: Globalising the local*, ed. by Ajit Mohanty, Minati Panda, Robert Phillipson, Tove Skutnabb-Kangas. New Delhi: Orient Blackswan (former Orient Longman). 128-145.
- García, Ofelia & Harold Schiffman (2006). Fishmanian Sociolinguistics (1949 to the Present). In: Ofelia García et al., *Language Loyalty, Continuity and Change. Joshua Fishman's Contributions to International Sociolinguistics*. Clevedon/ Buffalo/ Toronto: Multilingual Matters.
- Garrett, P. Coupland, N. & Williams A. (2003). *Investigating Language Attitudes: Social meanings of dialect, ethnicity and performance*. Cardiff: University of Wales Press.
- Gerds, Donna (2000). The linguist in language revitalization programmes. In: Ostler, Nicholas and MacLachlan, David (eds.): *Endangered languages. What role for the specialist?, proceedings of the second FEL conference held at the Pollock Halls, University of Edinburgh, 25-27 September 1998*. 2nd ed. Bath: Foundation for Endangered Languages. 13–22.
- Giles, H., Bourhis, R.Y. & Taylor, D.M. (1977). Towards a theory of language in ethnic group relations. In: H. Giles (ed.), *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. London: Academic Press. 307-348.
- Gogolin, Ingrid (1993). *Der monolinguale Habitus der multilingualen Schule*. Münster/ New York, Waxmann.
- Gorter, Durk (2006). Minorities and Language. In: Keith Brown (Editor-in-Chief), *Encyclopedia of Language & Linguistics* (Second Edition). Oxford: Elsevier. 156–159. <http://dx.doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/01295-5>
- Gorter, Durk (2007). European minority languages: endangered or revived? -open access-: San Sebastian. <http://depot.knaw.nl/3856/1/21759.pdf>.
- Granhölm, Petra (2012). *Legal and institutional framework analysis: North Sámi and Kven*. Working Papers in European Language Diversity 11. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:104917> .
- Grans, Lisa (2011). *Legal and institutional framework analysis: Karelian and Estonian in Finland*. Working Papers in European Language Diversity 10. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:246038>
- Grenoble, Lenore A. and Lindsay J. Whaley (1998). Toward a typology of language endangerment. In: Lenore A. Grenoble and Lindsay J. Whaley (eds.): *Endangered languages. Language loss and community response*. Cambridge: Cambridge University Press. 22–54.
- Grenoble, Lenore A. and Lindsay J. Whaley (2006). *Saving languages. An introduction to language revitalization*. Cambridge, UK, New York: Cambridge University Press.

- Grillo, Ralph (1989). *Dominant Languages: Language and Hierarchy in Britain and France*. Cambridge: University Press.
- Grin, François (2005). Linguistic human rights as a source of policy guidelines: A critical assessment. *Journal of Sociolinguistics* 9, 448-460.
- Grin, F. & Vaillancourt, F. (1998). *Language Revitalisation Policy: An Analytical Study. Theoretical Framework, Policy Experience and Implementation to Te Reo Maori*. Treasury Working Paper 98/6. New Zealand.
- Grin, F. & Moring, T. (2002). *Support for Minority Languages in Europe*. EBLUL and ECMI.
- Grin, F., Jensdóttir, R., Ó Riagáin, D. (2003). *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Haarmann, Harald (2005). Roofless dialects / Dachlose Dialekte. – In: Ulrich Ammon, Norbert Dittmann, Klaus J. Mattheier & Peter Trudgill (eds.), *Sociolinguistics: an international handbook of the science of language and society = Soziolinguistik: ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft*. 2nd ed. Handbooks of linguistics and communication science 3.2. Berlin: Walter de Gruyter. 1545–1552.
- Habermas, Jürgen (1996). *Between Facts and Norms*. Translated by William Rehg. Cambridge: Polity Press.
- Hale, Ken, Colette Craig, Nora England, Laverne Masayesva Jeanne, Michael Krauss, Lucille Watahomigie & Akira Yamamoto (1992). Endangered Languages. *Language* 68: 1. 1-42.
- Hall, Stuart (1992). The questions of cultural identity, in S. Hall, D. Held & T. McGrew (eds.) *Modernity and its Future*. Cambridge: Polity Press. 274-325.
- Halliday, M. A. K. (1977). Ideas about language. *Aims and Perspectives in Linguistics*. Applied Linguistics of Australia (Occasional Papers 1). 32–49. (Reprinted in Halliday, M.A.K. & Jonathan Webster. (2003). *On Language and Linguistics. Collected Works of MAK Halliday, Vol. 3*. Edited by Jonathan Webster. London: Continuum.)
- Heller, Monica (2006). *Linguistic minorities and modernity: a sociolinguistic ethnography*. London/New York: Continuum.
- Herdina, Thomas & Jessner, Ulrike (2002). *A dynamic model of multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics*. Clevedon: Multilingual Matters. 30ff.
- Herzfeld, Michael (1987). *Anthropology Through the Looking-Glass: Critical Ethnography in the Margins of Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jessner, Ulrike (1997). Towards a dynamic view of multilingualism. In Martin Pütz (ed.), *Language choices: conditions, constraints, and consequences*. Impact: Studies in Language and Society, 1. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. 17–30.
- Johnson, S. & T. M. Milani (eds.) (2009). *Language Ideologies and Media Discourse*. London: Continuum.
- Jørgensen, J. Norman (2008). Introduction: Polylingual Linguaging Around and Among Children and Adolescents. *International Journal of Multilingualism* 5, 3: 161–176.

- Kampf, Veronika (2005). Sprachgebrauch und Einstellung zur eigenen Sprache bei den Mordwinen heute (eine empirische Studie). In: Helimski, Eugen & Ulrike Kahrs & Monika Schötschel (eds.), *Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 66. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Karan, Mark E. (2011): Understanding and forecasting ethnolinguistic vitality. In: *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 32 (2), S. 137–150. http://lepo.it.da.ut.ee/~ehalam/pdf/JMMD_2011_2_SI_Ethnolinguistic_vitality.pdf. 28.10.2012.
- Karjalainen, Heini & Ulriikka Puura & Konstantin Zamyatin & Riho Grünthal (2013). *Karelian in Russia: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Reetta Toivanen, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt. *Studies in European Language Diversity* 26. Mainz &c: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:314612>. (См. тоже: Карьялайнен и др. (2013).)
- Kinkade, M. Dale (1992). The decline of Native languages in Canada. In: Robert H. Robins and Eugenius M. Uhlenbeck (eds.), *Endangered languages*. Oxford: Berg. 157-176.
- Kloss, H. (1966). German-American language maintenance efforts. In: J. Fishman et al. (eds.), *Language loyalty in the United States*. The Hague: Mouton. 206–252.
- Kolláth, Anna & Annamária Gróf (2014). *Hungarian in Slovenia: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Sia Spiliopoulou Åkermark, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt. *Studies in European Language Diversity* 28. Mainz &c: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:356605>
- Kontra, Miklós & Sály, Noémi (eds.) (1998). *Nyelvmentés vagy nyelvárulás: vita a határon túli magyar nyelvhasználatról* [Language rescue or language treason: the debate on Hungarian language use outside Hungary.] Budapest: Osiris.
- Koreinik, Kadri (2011). *Language ideologies in the contemporary Estonian public discourse: With a focus on South Estonian*. *Dissertationes Sociologicae Universitatis Tartuensis* 5. Tartu University Press.
- Koreinik, Kadri (2013a). *The Seto language in Estonia: ELDIA Case-Specific Report*. *Studies in European Language Diversity* 24. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:356607> .
- Koreinik, Kadri (2013b). *The Võro language in Estonia: ELDIA Case-Specific Report*. *Studies in European Language Diversity* 23. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:308888> .
- Korhonen, Mikko (1986). *Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828–1918*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.
- Kovács, Magdolna (2008). History of Hungarian Studies: Theory and Practice. In: Laakso, Johanna (ed.), *Ungarischunterricht in Österreich / Teaching Hungarian in Austria*. *Finno-Ugrian Studies in Austria*, 6. Berlin/Wien: LIT Verlag. 212–227.
- Kraus, Peter A. (2007). Intercultural Recognition and Linguistic Diversity in Europe. In Castiglione, D. and Chris Longman (eds.), *The Language Question in Europe and Diverse Societies*. The Onati International institute for the Sociology of Law. Oxford: Hart Publishing. 61-80.
- Kraus, Peter A. (2008). *Union of Diversity*. Cambridge: University Press.

- Krauss, Michael (2007). Classification and Terminology for Degrees of Language Endangerment. In Brenzinger, M. (ed.): *Language Diversity Endangered*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. 1-8.
- Landweer, M. Lynn (s.a.). Endangered Languages. Indicators of Ethnolinguistic Vitality. Notes on Sociolinguistics. Online at <http://www.sil.org/sociolx/ndg-lg-indicators.html>, 10.07.2012.
- Landweer, M. Lynn (2000). Indicators of ethnolinguistic vitality. *Notes on Sociolinguistics* 5.1. 5-22.
- Landweer, M. Lynn (2012). Methods of language endangerment research: a perspective from Melanesia. *International Journal of the Sociology of Language* 214. 153-178.
- Laugharne, Janet (2006). Language use and language attitudes in Wales. In David Lasagabaster & Ángel Huguet (Eds.), *Language use and attitudes towards multilingualism in European bilingual contexts*. Clevedon: Multilingual Matters. 208-233.
- Lehtola, Veli-Pekka (1997). *Saamelaiset. Historia, yhteiskunta, taide*. Jyväskylä: Kustannus-Puni.
- Lehtola, Veli-Pekka (2005). Saamelaiset itse tutkimuksensa tekijöiksi. *Kaltio* 2005, 5. <http://www.kaltio.fi/vanhat/index959a.html?766>.
- Leinonen, Therese & Marika Tandefelt (2007). Evidence of language loss in progress? Mother-tongue proficiency among students in Finland and Sweden. *International Journal of the Sociology of Language* 187/188. 185–203.
- Lewis, Herbert S. (2001). Boas, Darwin, Science, and Anthropology. *Current Anthropology* 42, Nr. 3/ June, 381-406.
- Lewis, M. Paul (2006). Towards a categorization of some of the world's endangered languages. SIL International. <http://www.sil.org/silewp/abstract.asp?ref=2006-002>.
- Lewis, M. Paul (2008). Evaluating endangerment: Proposed metadata and implementation. In King, Kendall, Natalie Schilling-Estes, Lyn Fogle, Jia Lou and Barbara Soukup (eds.), *Sustaining linguistic diversity: Endangered and minority languages and language varieties*. Washington, DC: Georgetown University Press. 35–49.
- Lewis, M. Paul and Gary F. Simons. (2010). Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS. *Revue Roumaine de Linguistique* 55(2): 103-120. http://www.lingv.ro/resources/scm_images/RRL-02-2010-Lewis.pdf
- Linell, Per (1982). *Människans språk. En orientering om språk, tänkande och kommunikation*. Lund: Liberförlag.
- Lukes, Steven (2005). *Power: A Radical View*. 2nd expanded ed. (first published 1974). New York: Palgrave Macmillan.
- Mann, Michael (2005). *The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maráz, Gabriella. (2004). Sprachrettung oder Sprachverrat: Zur Diskussion über die Norm des Ungarischen. *Trans: Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften* 15. Online publication: http://www.inst.at/trans/15Nr/06_1/maraz15.htm.

- Marjomaa, Marko (2014). *North Sámi in Norway: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Minna Pelkonen, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt, Reetta Toivanen, Sia Spiliopoulou Åkermark. *Studies in European Language Diversity* 31, <http://phaidra.univie.ac.at/o:361122> .
- May, Stephen (2001). *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Harlow/London: Longman/Pearson Education.
- May, Stephen (2003). Misconceiving Minority Language Rights: Implications for Liberal Theory. In W. Kymlicka and A. Patten (eds.), *Language Rights and Political Theory*. Oxford: Oxford University Press. 123-152.
- May, Stephen (2009). Critical multiculturalism and education. In J. Banks (ed.), *Routledge International Companion to Multicultural Education*. New York: Routledge. 33-48.
- May, Stephen (2012). Educational approaches to minorities: context, contest, and opportunities. In A. Yiakoumetti (ed.), *Harnessing Linguistic Variation for Better Education*. Oxford: Peter Lang. 11-44.
- Meiorg, Marianne (2012). *Legal and Institutional Framework Analysis: Seto and Võro Languages*. Working Papers in European Language Diversity 19. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:127464>
- Mowbray, Jacqueline (2012). *Linguistic Justice. International Law and Language Policy*. Oxford: Oxford University Press.
- Neely, Amber A. & Gus Palmer, Jr. (2009). Which Way Is the Kiowa Way? Orthography Choices, Ideologies, and Language Renewal. In: Paul V. Kroskrity and Margaret C. Field (eds.), *Native American Language Ideologies: Beliefs, Practices, and Struggles in Indian Country*. Tucson: The University of Arizona Press.
- Nelde, Peter, Strubell, Miquel & Williams, G (1996). *Euromosaic: The Production and Reproduction of the Minority Language Groups of the European Union*. Brussels; Office for the Official Publications of the European Union.
- Nettle, Daniel & Romaine, Suzanne (2000). *Vanishing Voices : The Extinction of the World's Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Nieminen Mänty, Nadja (2012). *Finnish in Sweden: An overview of a language in context*. Working Papers in European Language Diversity 14. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:106069> .
- Obiero, Ogone John (2010). From Assessing Language Endangerment or Vitality to Creating and Evaluating Language Revitalization Programmes. *Nordic Journal of African Studies* 19 (4), 201–226. Online at <http://www.njas.helsinki.fi/pdf-files/vol19num4/obiero.pdf>, 10.06.2012.
- Offe, Claus (1996). Homogenität im demokratischen Verfassung – Sind politische Gruppenrechte eine adäquate Antwort auf Identitätskonflikte? *Peripherie* 64/1996, 26-45.
- Olthuis, Marja-Liisa & Suvi Kivelä & Tove Skutnabb-Kangas (2013). *Revitalising indigenous languages: How to recreate a lost generation*. Clevedon: Multilingual Matters.

- Öst, Heidi (2012). *Legal and institutional framework analysis: Sweden Finnish and Meänkieli in Sweden*. Working Papers in European Language Diversity 18. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:106077> .
- Palander, Marjatta & Nupponen, Anna-Maria (eds.) (2005). *Monenlaiset karjalaiset. Suomen karjalaisten kielellinen identiteetti*. Studia Carelica humanistica, 20. Joensuu: Joensuun yliopisto.
- Palmer, Gary B. (1996). *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Texas: Texas University Press.
- Patten, Alan (2009). The justification of minority language rights. *Journal of Political Philosophy* 17:1, 102–128.
- Praakli, Kristiina (предстоящая публикация а). *Estonian in Germany: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Sarah Stephan, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt. В серии *Studies in European Language Diversity*, <http://phaidra.univie.ac.at/o:80726> .
- Praakli, Kristiina (предстоящая публикация б). *Estonian in Finland: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Reetta Toivanen, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt. В серии *Studies in European Language Diversity*, <http://phaidra.univie.ac.at/o:80726> .
- Puura, Ulriikka & Heini Karjalainen & Nina Zajceva & Riho Grünthal (2013). *Veps in Russia: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt. *Studies in European Language Diversity* 25. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:315545> . (См. тоже: Пуура и др. 2013.)
- Räisänen, Anna-Kaisa & Niina Kunnas (предстоящая публикация). *Kven in Norway: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Minna Pelkonen, Anneli Sarhimaa & Eva Kühhirt, Sia Spiliopoulou Åkermark, Reetta Toivanen. В серии *Studies in European Language Diversity*, <http://phaidra.univie.ac.at/o:80726> .
- Rampton, Ben (1995). *Crossing: Language and Ethnicity Among Adolescents*. London: Longman.
- Ricciardelli, Lina A. (2011). Bilingualism and Creativity. *Journal of Creative Behaviour* 26, 4: 242–254.
- Riddell, Troy Q. (2004). The Impact of Legal Mobilization and Judicial Decisions: The Case of Official Minority-Language Education Policy in Canada for Francophones Outside Quebec. *Law and Society Review*, Volume 38, Number 3, 583-610.
- Romaine, Suzanne (2000). *Language in Society: An Introduction to Sociolinguistics*. Oxford: Open University Press.
- Roter, Petra (2012). *Legal and institutional framework analysis: Hungarian in Slovenia*. Working Papers in European Language Diversity 20. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:170600> .
- Ruiz Veytez, Eduardo J. (2001). The protection of linguistic minorities: A historical approach. *International Journal on Multicultural Studies* 3, 5-15.
- Salo, Merja (2005). The status of Mordvinian and Mari in the school curriculum. In: Eugen Helimski, Ulrike Kahrs & Monika Schötschel (eds.), *Mari und Mordwinen im heutigen Russland : Sprache, Kultur, Identität*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 66. Wiesbaden: Harrassowitz. 22–66.

- Sapir, Edward (1921). *Language*. New York: Harcourt, Brace & World.
- Sarhimaa, Anneli (1999). *Syntactic transfer, contact-induced change and the evolution of bilingual mixed codes. Focus on Karelian-Russian language alternation*. Studia Fennica Linguistica 9. Helsinki: Finnish Literature Society.
- Sarhimaa, Anneli (2000). Neighbours getting together in Karelia. In: Johanna Laakso (ed.). *Facing Finnic: Some challenges to historical and contact linguistics*. Castrenianumin toimitteita 59. Helsinki. 185-209.
- Sarhimaa, Anneli (tulossa). *Karelian in Finland: ELDIA Case-Specific Report*. With contributions by Eva Kühhirt, Sia Spiliopoulou Åkermark, and Reetta Toivanen. Ilmestyy sarjassa *Studies in European Language Diversity*, <http://phaidra.univie.ac.at/o:80726> .
- Saville-Troike, Muriel (2003). *The Ethnography of communication: an introduction*. Oxford: Blackwell.
- Schiffman, H. (1996). *Linguistic Culture and Language Policy*. London: Routledge.
- Schiffman, Harold (2006). Language policy and linguistic culture. In: Ricento, Thomas (ed.), *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Malden/Oxford: Blackwell. 111–125.
- Schjerve, Rosita Rindler & Vetter, Eva (2012). *European Multilingualism: Current Perspectives and Challenges*. Multilingual Matters.
- Simon-Vandenberg, Anne-Marie, Kristin Davidse & Dirk Noël (1997). *Reconnecting Language: Morphology and Syntax in Functional Perspectives*. Current Issues in Linguistic Theory, 154. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
- Skutnabb-Kangas, Tove (2000). *Linguistic Genocide in Education – or Worldwide Diversity and Human Rights?* Taylor & Francis.
- Spiliopoulou Åkermark, Sia (1997). *Justifications of Minority Protection in International Law*. The Hague: Kluwer Law.
- Spiliopoulou Åkermark, Sia et al. (2006). *International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea*. Mariehamn: The Åland Islands Peace Institute.
- Spiliopoulou Åkermark, Sia (2010). Shifts in the Multiple Justifications of Minority Protection. *European Yearbook of Minority Protection*, Vol. 7, 2007/8, 5-18.
- Spiliopoulou Åkermark, Sia (tulossa), Languages and multilingualism: what role for law? (article on basis of the case specific reports of the legal and institutional context analysis in ELDIA)
- Stephan, Sarah (2011). *Legal and institutional framework analysis: Estonian in Germany*. Working Papers in European Language Diversity 9. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:104710>
- Stewart, William (1962). An outline of linguistic typology for describing multilingualism. In: F. Rice (ed.), *Study of the role of second languages in Asia, Africa, and Latin America*. Washington D.C.: Center for Applied Linguistics. 15-25.
- Stewart, William (1968). A sociolinguistic typology for describing national multilingualism. In: Joshua Fishman (ed.), *Readings in the sociology of language*. The Hague: Mouton. 531-545.

- Strasser, Hermann & Norbert Brömme (2004). Prestige und Stigma. In: Ammon, Ulrich & Norbert Dittmar, Klaus J. Mattheier, Peter Trudgill (eds.), *Sociolinguistics = Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society = Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft*. Vol. 1. Berlin: Walter de Gruyter. 412–417.
- Strubell, Miquel (1999) From language planning to language policies and language politics. In Weber, Peter J. (ed.), *Language Contact + Language Confli(c)t. Language planning and Minorities*. Bonn: Duemmler, Plurilingua. 237-248.
- Strubell, Miquel (2001). Catalan a Decade later. In Fishman, Joshua (ed.), *Can Threatened Languages be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon: Multilingual Matters. 260-282.
- Strubell, Miquel (2007). The Political Discourse on Multilingualism. In Dario Castiglione & Chris Longman (eds.), *The Language Question in Europe and Diverse Societies: Political, Legal and Social Perspectives*. Onati International Institute for the Sociology of Law. Oxford: Hart Publishing. 149-183.
- Suksi, Markku (2008). Finland: four different regimes of linguistic minority rights. *Percorsi costituzionali*, No 2/3.2008 *Identità e Costituzione*, 223-239.
- Tandefelt, Marika (1988). *Mellan två språk. En fallstudie om språkbevarande och språkbyte i Finland*. Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Multiethnica Upsaliensia 3, Uppsala.
- Thomason, Sarah Grey & Kaufman, Terrence (1988). *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Todal, Jon (1999). Minorities within a Minority: Language and the School in the Sámi areas of Norway. In S. May (ed.), *Indigenous Community-Based Education*. Clevedon: Multilingual Matters. 124-136.
- Toivanen, Reetta (2001). *Minderheitenrechte als Identitätsressource*. Hamburg: LIT Verlag.
- Toivanen, Reetta (2007). Linguistic Diversity and the Paradox of Rights Discourses. In Dario Castiglione & Chris Longman (eds.), *The Language Question in Europe and Diverse Societies*. The Onati International institute for the Sociology of Law. Oxford: Hart Publishing. 101-121.
- Toivanen, Reetta (2013). *How do minorities and majorities interact in the European media space? A Media Discourse Analysis*. Working Papers in European Language Diversity (in peer-review process, in print 2013).
- Tseng, Miao-fen (2010). Language attrition in grammar and receptive skills in Mandarin Chinese. In: Michael Erwin Everson & Helen H. Shen (eds.), *Research among learners of Chinese as a foreign language*. Hawai'i: National Foreign Language Resource Center. 35–44.
- Tsunoda, Tasaku (2005). *Language endangerment and language revitalization*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Tuori, Kaarlo (2002). *Critical Legal Positivism*. Aldershot: Ashgate Publishing.
- UNESCO Ad Hoc Expert Group (2003): *Language Vitality and Endangerment*. 09.06.2012. <http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/00120-EN.pdf>, 27.7.2012.

- UNESCO (2009). *Policy guidelines for inclusion in education*, <http://unesdoc.unesco.org/images/0017/001778/177849e.pdf>.
- UNESCO 2011 = UNESCO's Culture Sector: *UNESCO's Language Vitality and Endangerment Methodological Guideline: Review of Application and Feedback since 2003*. Background Paper. http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/unesco_language_vitality_and_endangerment_methodological_guideline.pdf. 10.06.2012.
- Urrutia, Iñigo & Lasagabaster, Iñaki (2008). Language Rights and Community Law, *European Integration Online Papers (EIoP)*, Vol. 12(2008), No. 4. http://eiop.or.at/eiop/index.php/eiop/article/view/2008_004a
- van Dijk, Teun A. (2008). *Discourse and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Vertovec, Steven (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies* 30:6, 1024–1054.
- Vikør, Lars S. (2001). *The Nordic Languages: their status and interrelations*. 3rd ed. Oslo: Novus.
- Voegelin, C.F., F.M. Voegelin & N. W. Schutz (1967). The language situation in Arizona as part of the southwest cultural area: In: Dell Hymes and William E. Bittle (eds.), *Studies in southwestern ethnolinguistics: Meaning and history in the languages of the American Southwest*. The Hague: Mouton. 403-451.
- Wandruszka, Mario (1979). *Die Mehrsprachigkeit des Menschen*. München: Piper.
- Wendel, John & Heinrich, Patrick (2012). A framework for language endangerment dynamics: the effects of contact and social change on language ecologies and language diversity. *International Journal for the Sociology of Language* 2012; 218: 145-166.
- Whorf, Benjamin Lee (1938). Some verbal concepts of Hopi. *Language* 14: 4, 275-286.
- Whorf, Benjamin Lee (1956). *Language, Thought, and Reality: Selected Writings*. Edited by John B. Carroll. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Wodak, Ruth & M. Meyer (eds.) (2009). *Methods of Critical Discourse Analysis*. 2nd Edition. London: Sage.
- Wright, Sue (2000). *Community and communications. The Role of Language in Nation State Building and European Integration*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Yağmur, Kutlay (1997). *First language attrition among Turkish speakers in Sydney*. Tilburg: Tilburg University Press.
- Yağmur, Kutlay (2011): Does Ethnolinguistic Vitality Theory account for the actual vitality of ethnic groups? A critical evaluation. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 32 (2). 111–120.
- Yağmur, Kutlay & Martin Ehala (2011). Tradition and innovation in the Ethnolinguistic Vitality theory. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 32 (2). 101–110.
- Yağmur, Kutlay & Extra, Guus (2011). Urban multilingualism in Europe: Educational responses to increasing diversity. *Journal of Pragmatics* 43 (2011) 1185–1195.

- Yağmur, Kutlay & Sjaak Kroon (2003). Ethnolinguistic Vitality Perceptions and Language Revitalization in Bashkortostan. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 24(4), 319-336.
- Yağmur, Kutlay & Fons J.R. van de Vijver (2012). Acculturation and language orientations of Turkish immigrants in Australia, France, Germany, and the Netherlands. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 43(7), 1110-1130.
- Yamamoto, A. (2007). Endangered languages in USA and Canada. In: Brenzinger, M. (ed.), *Language Diversity Endangered*. (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 181.) Berlin: Mouton de Gruyter. 87-122.
- Zwitter, Deva (2012). *Legal and Institutional Framework Analysis: Hungarian in Austria*. Working Papers in European Language Diversity 13. Mainz &c.: ELDIA. <http://phaidra.univie.ac.at/o:105397>